

A. 298
98

809-17
3811

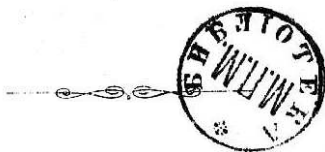
СВЯЗАНІС

О ЖИТІИ

ПРЕОСВЯЩЕННАГО

А. С. О. Ф. Я. Н. Я.

И ЕГО „ЗАТВОРЪ“.

МОСКВА.

Университет. типогр., Страстн. бульв.

1895.

СКАЗАНІЕ

О ЖИТИИ

ПРЕОСВЯЩЕННАГО

А. С. О. Ф. И. И. А.

И ЕГО „ЗАТВОРЪ“.

Отъ Московскаго Духовно-Цензурнаго Комитета печатать дозволяется.
Москва, января 11 дня 1895 г.

Цензоръ *Свящ. Иоаннъ Петропавловскій.*

Тихая скорбь витаеъ въ русскомъ православномъ мірѣ...

Еще такъ недавно скончался великій Оптинскій старецъ іеросхимонахъ «Батюшка» Аверосій и вотъ новая тяжкая утрата: 6 января преставился преосвященный Теофанъ, великій молитвенникъ и затворникъ.

Всѣ, кто только зналъ о почившемъ святителѣ,—для кого онъ былъ незамѣнимымъ руководителемъ, кто обязанъ былъ ему сокровищами ума и сердца, кто находилъ у него утѣшеніе въ скорбяхъ, ободреніе и помощь въ подвигѣ жизни—а таковыхъ много, много на св. Руси... всѣ они глубоко чувствуютъ теперь свое сиротство, свою незамѣнимую потерю. Но это — не обычная скорбь, которая бываетъ у людей при утратѣ дорогаго человѣка, котораго всегда видѣли и не увидятъ болѣе, къ которому такъ привыкли. Огромное большинство тѣхъ, кто зналъ и глубоко чтилъ почившаго святителя, никогда не вида ни его при жизни. Поэтому и скорбь ихъ особаго рода. Она не выражается воплями о разлукѣ, а глубоко ложится на душѣ, затрогивая самыя сокровенныя движенія сердца, проникая до тайниковъ духовной жизни, до той области духа, для которой почившій именно и былъ необходимъ, какъ великій наставникъ, какъ яреій свѣточъ, горѣвшій яркимъ, всеозаряющимъ свѣтомъ среди возникав-

12460-0

шихъ внутреннихъ смуть, среди млы колебаній и сомнѣній, какъ мощный помощникъ въ борьбѣ съ вѣшними, а главное—внутренними невзгодами. Да растворится эта скорбь у всѣхъ, кто живо чувствуетъ свою утрату, великимъ утѣшеніемъ, что почившій отошелъ туда, куда давно уже всецѣло устремлена была его душа, достигъ того, чего такъ пламенно желалъ при жизни. Давно уже онъ въ своемъ «заворѣ» скрылся отъ очей міра, хотя и горячо любилъ людей, давно уже стоялъ надъ той таинственной гранью, что раздѣляетъ видимое отъ невидимаго, земное отъ небеснаго.

Не только тѣ, кто непосредственно отъ самого почившаго святителя получали духовную помощь,—но и весь православный міръ и всѣ истинно-русскіе люди глубоко почувствовали значеніе событія: Вышенская обитель, гдѣ подвизался святитель, благодаря ему, сдѣлалась источникомъ яркаго духовнаго свѣта,—того истиннаго просвѣщенія, которое безконечно выше всѣхъ знаній, приобретаемыхъ въ высшихъ школахъ науки, потому что оно возвышаетъ самыя знанія, могущественно дѣйствуетъ на всѣ стороны духа, укрѣпляя силы, потому что исходить не отъ одного ума, но и отъ глубоко чувствующаго сердца. Да, угасъ великій свѣтильникъ, ярко озарившій своими богомудрыми писаніями ту область вѣдѣнія, которая составляетъ единое на потребу, въ которомъ «воистину воплотился весь духъ православія и еще разъ давно сказалась его вѣчно-юная жизненная сила».

И не для православнаго міра жизнь почившаго святителя составляетъ глубоко знаменательное и поучительное явленіе. Давно мы слышимъ толки объ упадкѣ христіанства въ современномъ мірѣ, объ ускуднѣніи идеаловъ, объ измелчаніи жизни. Слышатся уже и другія горделивыя рѣчи: время—де вѣры прошло, настало время науки, настало время вооруженной знаніемъ работы на благо человѣчества, на устроеніе его матеріальной жизни, безъ всякой мысли о будущей. Уже видѣются намъ и горькіе плоды такого пренебреженія вышеими, духовными стремленіями: погрузившись въ матерію, заблудшіе въ этой пресловутой борьбѣ за существо-

ваніе, за матеріальныя блага, объявляютъ войну всему современному строю общества, не стѣсняясь никакими нравственными требованіями, руководясь исключительно матеріальными, зѣвскими инстинктами... И вотъ среди насъ, въ концѣ пресловутаго девятнадцатаго вѣка, является «богатырь духа», ополченный высшими нравственными силами, который и своимъ сильнымъ словомъ и поразительнымъ подвигомъ цѣлой жизни свидѣтельствуетъ о непобѣдимой силѣ христіанства, абсолютномъ достоинствѣ его требованій, ярко раскрывающій передъ нами дивную красоту и неистощимыя богатства этого единственно цѣннаго сокровища—истинно-христіанской жизни. Благодареніе Всевышнему, воздвигающему великихъ наставниковъ во время благопотребное!.. И невольно тѣснится въ голову сравненіе настоящаго съ давно минувшимъ: такъ же, какъ теперь, въ концѣ прошедшаго вѣка, когда проповѣдь матеріализма, заразивъ лучшія головы въ Европѣ, проникла и въ наше отечество,—отрехнувшись отъ міра, въ тиши уединенія, великій святитель Христовъ св. Тихонъ писалъ свои вдохновенныя сочиненія «о духовной мудрости», о «слѣпотѣ человѣческой», о «суетномъ и прелестномъ украшеніи», о «презрѣніи и отрицаніи міра», «о любви Божіей!..» Счастлива, благословенна Богомъ страна, произращающая столь дивныя плоды, воистину божественно духовное сѣмя, такъ мощно раскрывающее въ нихъ свои силы!...

Однако, въ настоящее время, когда едва минуло только 40 дней со времени кончины почившаго Святителя, было бы преждевременно распространяться о значеніи жизни и трудовъ его. Всестороннее изученіе ихъ и возможно-полная оцѣнка—впереди. Зато тѣмъ сильнѣе сказывается сердечная потребность поближе познакомиться съ нимъ самимъ, начертать насколько возможно полнѣе его лучезарный образъ. Къ величайшему прискорбію, у насъ имѣется пока слишкомъ мало данныхъ для выполненія этой задачи. Въ высшей степени желательно было бы увидать въ печати, подобно «Сказанію о житіи Оптинскаго старца отца іеросхионаха

АМВРОСІЯ, архимандрита Григорія (Борисолѣбскаго), «Письмамъ Оптинскаго старца іеросхимонаха Амвросія» и «Сборнику его статей и писемъ» (см. *Душеполезное Чтеніе* за 1891, 1892, 1893 и текущій годы), — всѣхъ воспоминаній лицъ, знавшихъ въ Бозѣ почившаго святителя-затворника, которыя пролили бы побольше свѣта на его ранніе годы, на домашнюю обстановку, среди которой онъ росъ, на его семейныя отношенія и особенно на внутреннюю его жизнь въ «затворѣ». Въ настоящее же время, не смотря уже на, имѣющіяся нѣкоторыя «сказанія» о почившемъ и доставляемыя намъ письма и замѣтки, почти единственнымъ источникомъ нашихъ свѣдѣній о святителѣ служатъ его сочиненія, которыя, конечно, останутся и навсегда главнымъ пособіемъ при составленіи его полной біографіи: настолько ярко и жизненно отразился въ нихъ его образъ! Все, что ни писалъ онъ, носитъ на себѣ неизгладимый слѣдъ его личности, все въ высокой степени оригинально, самобытно, наконецъ все извлечено изъ глубоко пережитаго внутреннего опыта.

Покойный—въ мірѣ Георгій Васильевичъ Говоровъ—былъ сынъ священника Владимірской церкви села Чернавска Елецкаго уѣзда Орловской губерніи, родился 8 января 1815 года. Первоначальное обученіе дано ему было въ родительскомъ домѣ.

За неимѣніемъ свѣдѣній о домашней обстановкѣ дѣтства почившаго, обратимся къ его сочиненіямъ и, полагаю, не сдѣлаемъ ошибки, если скажемъ, что родители его старались дать ему воспитаніе въ духѣ церкви. «Самое дѣйствительное средство къ воспитанію истиннаго вкуса въ сердцѣ, писалъ впоследствии владыка, есть церковность, въ которой неосходно должны быть содержимы воспитываемыя дѣти. Сочувствіе ко всему священному, сладость пребыванія среди его, ради тишины и теплоты, отрѣшаніе отъ блестящаго и привлекательнаго въ мірской суетѣ, не могутъ лучше напечатлѣться въ сердцѣ. Церковь, духовное пѣніе, иконы—первыя изящнѣйшіе предметы по содержанію и по силѣ...»

Пройдя курсъ духовнаго училища въ г. Ливнахъ, онъ поступилъ въ Орловскую духовную семинарію, гдѣ и обучался 6 лѣтъ отъ 1831 — 1837 года. Намъ слишкомъ хорошо извѣстны условія училищнаго и семинарскаго образованія тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ—такъ много было писано о темныхъ сторонахъ его, но нельзя отказать старой духовной школѣ въ одномъ великомъ преимуществѣ: въ цѣлности направленія и въ серьезномъ закатѣ мысли, которые давались ею, разумѣется, лучшимъ ея питомцамъ.

Свое образованіе закончилъ покойный въ Кіевской духовной академіи въ составѣ десятаго курса (въ 1837 — 1841 годахъ). Товарищемъ его по академіи былъ покойный Московскій митрополитъ Макарій. За это время мы не можемъ его представить себѣ иначе, какъ свѣтлымъ, скромнымъ и благоговѣйнымъ юношей. «Будьте со всѣми привѣтливы, благодушны и веселы, какъ и всегда. Только отъ смѣха, смѣхотворства и всякаго пусторѣчія воздерживайтесь. И безъ этого можно быть и привѣтливою, и веселою, и пріятною. Никогда и ни подъ какимъ видомъ не угрюмичайте», писалъ святитель одной юной своей корреспонденткѣ. «Рѣка жизни нашей пресѣкается волнистою полосою юности. Это время воскипѣнія тѣлесно-духовной жизни. Тихо живетъ дитя и отрочѣ, мало быстрыхъ порывовъ у мужа, почтенныя сѣдины склоняются къ покою; одна юность кипитъ жизнью. Надобно имѣть очень твердую опору, чтобы устоять въ это время отъ напора волнъ... Что сказать о томъ, кто не только не любилъ христіанской жизни и истины, но даже никогда и не слышалъ о нихъ?.. Онъ—домъ безъ ограды, преданный разграбленію или сухой хворость, преданный горѣнію въ огнѣ... Юноша живетъ самъ по себѣ, и кто изслѣдуетъ всѣ движенія и уклоненія его сердца? Это тоже, что изслѣдовать путь птицы въ воздухѣ или бѣгъ корабля въ морѣ!! Что броженіе вскипающей жидкости, что движеніе стихій при разнородной ихъ смѣси, то сердце юности. Всѣ потребности такъ называемой природы въ живомъ возбужденіи, каждая подаетъ голосъ, ищетъ удовлетворенія. Какъ въ природѣ нашей качествуетъ разстрой-

ство, так и совокупность этих голосов тоже, что безпорядочные крики шумной толпы. Что жь будетъ съ юношею, если онъ напередъ не приученъ влагать въ нѣкоторый строй свои движенія и не наложилъ на себя обязательства хранить ихъ въ строгомъ подчиненіи нѣкоторымъ высшимъ требованіямъ? Если сія начала *глубоко запечатаны въ сердцѣ въ первоначальномъ воспитаніи* и потомъ сознательно приняты въ правило, то всѣ волненія будутъ происходить какъ бы на поверхности, переходно, не сдвигая основанія, не колебля души». Съ полнымъ основаніемъ мы можемъ приложить эти слова къ пережитому опыту самого писавшаго ихъ...

Кіевскія пещеры и памятники свящ. старины, безмолвные, но краснорѣчивые свидѣтели великихъ подвиговъ русскаго иночества, безъ сомнѣнія, не разъ были посѣщаемы молодыми студентами, и, можетъ быть, въ тиши молитвеннаго уединенія среди нихъ созрѣла мысль объ отреченіи отъ міра.

За нѣсколько мѣсяцевъ до окончанія курса, Георгій Васильевичъ Говоровъ дѣйствительно былъ постриженъ въ монашество ректоромъ академіи Іереміею (Соловьевымъ), впоследствии епископомъ Нижегородскимъ. Рано, какъ видно, почувствовалъ покойный свое истинное призваніе: его душевные качества, — именно безконечная доброта сердца, голубиная кротость, снисходительность къ людямъ, довѣрчивость и нѣкоторая застѣнчивость въ обращеніи, сказывавшія уже и тогда, указывали ему не на попріе житейской борьбы и суеты... 7 апрѣля того же года юный инокъ былъ рукоположенъ во іеродіакона, а 7 іюня — въ іеромонаха.

Глубоко залегли въ душу юнаго инока пережитыя тогда ощущенія. «Въ Кіевской академіи, такъ вспоминалъ впоследствии Владыка-подвижникъ про это время, постригли насъ четверыхъ въ монахи. Послѣ постриженія мы отправились въ Лавру къ благочестивому старцу іеросхимонаху Парсєнію, духовнику Митрополита и Лавры, уному молитвеннику.

«Вотъ вы ученые монахи, говорилъ старецъ; набравши себѣ правилъ, помните, что одно нужнѣе всего: смолиться и молиться *непрестанно умою въ сердцѣ Богу*, вотъ чего

добивайтесь», и я съ молодыхъ дней этого искалъ и просилъ, чтобы никто не мѣшалъ мнѣ пребывать непрестанно съ Богомъ.»

Мы можемъ отчасти судить о томъ, какъ будущій великій подвижникъ готовилъ себя къ новой жизни. «Надобно вамъ, пишетъ онъ впоследствии, — всѣ вещи, какія бываютъ у васъ на глазахъ, перетолковывать въ духовномъ смыслѣ, и это перетолкованіе такъ набить въ умъ, чтобы, когда смотрите на какую вещь, глазъ видѣлъ вещь чувственную, а умъ созерцалъ вещь духовную. Напримѣръ, видите вы пятна на бѣломъ платѣ, и чувствуете, какъ непріятно и жалко это встрѣтить. Перетолкуйте это на то, какъ жалко и непріятно должно быть Господу, Ангеламъ и Святымъ видѣть пятна грѣховныя на душѣ нашей, убѣленной созданіемъ по образу Божію, возрожденіемъ въ купели крещенія или омытіемъ въ слезахъ покаянія. Слышите вы, что малыя дѣти, оставшіеся одни, поднимаютъ бѣготню, шумъ и гамъ. Перетолкуйте это на то, какой поднимается шумъ и гамъ въ душѣ нашей, когда отходить отъ ней вниманіе къ Богу со страхомъ Божіимъ. Обоняете вы запахъ розы или другой какой, и вамъ пріятно, но, поплавъ на теченіе дурнаго запаха, вы отращаетесь и зажимаете носъ. Перетолкуйте это такъ: всякая душа издаетъ свой запахъ (Апостолъ говоритъ: мы благоуханіе Христово. 2 Кор. 2, 15—), добрая — хорошій, страстная — дурной... Это я говорю вамъ только для примѣра, а всякая вещь можетъ порождать духовныя мысли, у одного — одні, у другого — другія. Какъ найдете болѣе для себя пригожимъ, такъ и перетолкуйте все, васъ окружающее и могущее встрѣтиться кромѣ того. Начинайте съ дома и перетолкуйте все въ немъ, — самый домъ, стѣны, кровлю, фундаментъ, окна, печи, столы, зеркала, стулья и прочія вещи. Перейдите къ жильцамъ и перетолкуйте — родителей, дѣтей, братьевъ и сестеръ, родныхъ, слугъ, пріѣзжихъ и проч. Перетолкуйте и обычное теченіе жизни — вставаніе, здорованье, обѣдъ, работы, отлучки, возвращенія, чаепитіе, угощенія, пѣніе, день, ночь и проч. и проч. и проч... Когда это сдѣлаете, то всякая вещь будетъ для васъ,

что книга святая или что статья въ книгѣ. Тогда и всякая вещь будетъ приводить васъ къ мысли о Богѣ, какъ и всякое занятіе и дѣло. И будете вы ходить среди чувственнаго міра, какъ въ области духовной. Все вамъ будетъ говорить о Богѣ и поддерживать ваше вниманіе къ Нему.» Такимъ же путемъ, безъ сомнѣнія, и мысль молодого монаха рано научилась отрѣшиться отъ всего видимаго, отъ суеты житейской и возноситься въ міръ вышній, невидимый...

По окончаніи курса іеромонахъ Теофанъ, магистръ Богословія, назначенъ былъ исправляющимъ должность ректора Киево-Софійскихъ духовныхъ училищъ и преподавателемъ латинскаго языка. Около пяти лѣтъ Теофанъ безъ перерыва подвизался на духовно-учебномъ поприщѣ—до 21 августа 1847 года. «Воспитатель, писалъ впоследствии преосвященный, долженъ пройти всѣ степени христіанскаго совершенства, чтобы впоследствии въ дѣятельности умѣть держать себя, быть способнымъ замѣчать направленія воспитываемыхъ, и потомъ дѣйствовать на нихъ съ терпѣніемъ, успѣшно, сильно, плодотворно. Это должно быть сословіе лицъ чистѣйшихъ, боговзбравшихъ и святыхъ. Воспитаніе изъ всѣхъ святыхъ дѣлъ самое святое... Надобнотакъ расположить духъ учениковъ, чтобы у нихъ не погасло убѣжденіе, что главное у насъ дѣло есть Богоугождене, а научность есть придаточное качество, случайность, годная только на время настоящей жизни. И потому никакъ не должно ставить ее такъ высоко, и въ такомъ блестящемъ видѣ, чтобы она занимала все вниманіе и поглощала всю заботу. Нѣтъ ничего ядовитѣе и гибельнѣе для духа христіанской жизни, какъ эта научность и исключительная объ ней забота. Она прямо ввергаетъ въ охлажденіе, и потомъ можетъ навсегда удержатъ въ немъ... Должно быть поставлено непреложнымъ закономъ, чтобы всякая, преподаваемая христіанину, наука была пропитана началами христіанскими, и притомъ православными... У насъ самое опасное заблужденіе то, что преподають науки безъ всякаго вниманія къ истинной вѣрѣ, позволяя себѣ вольность или ложь, въ томъ предположеніи, что вѣра и наука —

дѣи области, рѣшительно разъединенныя. Духъ у насъ одинъ. Онъ же принимаетъ науки, и напитывается ихъ началами, какъ принимаетъ вѣру и проникается ею. Какъ же можно, чтобы онѣ не приходили въ благопріятное или неблагопріятное соприкосновеніе здѣсь?.. Если въ такомъ порядкѣ будетъ ведено обученіе, чтобы вѣра и жизнь въ духѣ вѣры высились надъ всѣмъ во вниманіи обучаемыхъ, и по образу занятія и по духу преподаванія, то нѣтъ сомнѣнія, что положенныя въ дѣтствѣ начала не только будутъ сохранены, но и возвысятся, укрѣпятся и придутъ въ соразмѣрную зрѣлость. А какъ это благодѣтельно!» Безъ сомнѣнія, столь же возвышенными взглядами руководился молодой наставникъ при прохожденіи педагогическаго поприща. За ревностное исполненіе своихъ обязанностей онъ удостоился благословенія св. Синода.

Въ теченіе указанныхъ выше пяти лѣтъ Теофанъ проходилъ слѣдующія должности: 7 декабря 1842 г. онъ былъ назначенъ инспекторомъ и преподавателемъ логики и психологіи въ Новгородскую духовную семинарію, а чрезъ два года, именно 13 декабря 1844 г., переведенъ въ С.-Петербургскую духовную академію на должность бакалавра нравственнаго богословія. Его жизнь постепенно усложнялась: вмѣстѣ съ чтеніемъ лекцій на него 22 марта 1845 г. возложена должность помощника инспектора академіи, а съ 3 іюля того же года онъ былъ сдѣланъ членомъ комитета для разсмотрѣнія конспектовъ преподаваемыхъ въ семинаріи учебныхъ предметовъ, но уже 25 мая 1846 г., будучи причисленъ къ соборнымъ іеромонахамъ Александро-Невской лавры, 21 августа подалъ прошеніе объ увольненіи отъ должности бакалавра и помощника инспектора академіи. Душа его стремилась въ болѣе сродную ей область строго-внѣшескаго служенія... Скоро Промыслъ Божій указалъ ему иное призваніе: іеромонахъ Теофанъ былъ пазначенъ членомъ нашей миссіи въ Іерусалимъ, откуда возвратился въ 1853 г. Видъ Палестины, ея холмовъ и долинъ, свѣтлыхъ озеръ и источниковъ удивительно ярко воскрешають въ нашемъ вообра-

женія біблейскія событія. Можно себѣ представить, какъ богато питалась душа Теофана священными воспоминаніями. Его влекло въ древнія обиталища Палестины, въ знаменитую Лавру св. Саввы Освященнаго... Тамъ онъ могъ и слышать рассказы и самъ наблюдать уединенную жизнь подвижниковъ. Такъ,—хорошо познакомившись въ юности съ святынями русскаго Іерусалима—Кіева, Теофанъ имѣлъ возможность изучить на мѣстѣ и древніе разсадники восточнаго подвижничества. Писанія великихъ аскетовъ восточной церкви, духомъ которыхъ онъ такъ глубоко проникся, получали для него особенную жизненность при созерцаніи священныхъ памятниковъ древности. За труды и заслуги въ качествѣ члена духовной миссіи въ Іерусалимѣ онъ возведенъ былъ въ 1855 году въ санъ архимандрита. Будучи, по возвращеніи въ Россію, назначенъ ректоромъ Олонецкой духовной семинаріи, онъ и года не пробылъ на этомъ посту: въ маѣ 1856 года ему пришлось отправиться въ Константинополь на должностъ настоятеля посольской церкви. Итакъ опять Востокъ... За это время онъ могъ хорошо узнать объ Афонѣ и тамошнихъ подвижникахъ. Отправляясь къ мѣсту своего назначенія, Теофанъ пожертвовалъ Олонецкой духовной семинаріи всѣ книги и рукописи своей бібліотеки, за что ему преподано было благословеніе Святейшаго Синода. По возвращеніи изъ Константинополя, архимандритъ Теофанъ 13 іюня 1857 года былъ назначенъ ректоромъ С.-Петербургской духовной академіи и профессоромъ богословскихъ наукъ, но отъ послѣдней должности былъ уволенъ, по его просьбѣ, въ самомъ началѣ учебнаго года, а вмѣсто того ему поручено было наблюденіе за преподаваніемъ Закона Божія во всѣхъ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ столицы и ея окрестностей. Въ 1859 году 9 мая архимандритъ Теофанъ былъ посвященъ въ епископа, съ назначеніемъ управлять Тамбовской епархіей. Хиротонія была совершена 1 іюня въ Александроневской лаврѣ высокопреосвященнымъ митрополитомъ С.-Петербургскимъ Григоріемъ. Пребываніе епископа Теофана на Тамбовской кафедрѣ было ознаменовано устройствомъ жеп-

скаго духовнаго училища. Онъ нашелъ домъ и средства его купить и устроить сообразно назначенію, нашелъ и средства для обезпеченія училища. Все необходимое для жизни заведенія было сдѣлано преосвященнымъ, но ему не привелось участвовать въ торжествѣ его открытія: 22 іюля 1863 года онъ переведенъ былъ на епископскую кафедру въ городъ Владиміръ, какъ епископъ «настоящимъ своимъ служеніемъ снискавшій потребную опытность для управленія столь обширною епархіей». (Слова указа Св. Синода). Въ бытность свою на Тамбовской кафедрѣ святитель замѣтилъ «и излюбленную смиренную пустынь Вышенскую, которой нѣтъ ничего на свѣтѣ лучше...» Три года преосвященный управлялъ Владимірской епархіей и ознаменовалъ это время открытіемъ также и здѣсь женскаго епархіальнаго училища. Имъ же основаны въ Тамбовѣ *Тамбовскія Епархіальныя Вѣдомости* и во Владимірѣ—*Владимірскія*. Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ подъ руками бодѣ полныхъ свѣдѣній о дѣятельности преосвященнаго за періодъ его управленія тамбовской и владимірскою паствой. Но судя по внутреннему строю души его, мы можемъ полагать, какъ тяготила его административная дѣятельность и самая власть епископская. По свидѣтельству лицъ его знавшихъ, его кротость и снисходительность къ людямъ, его довѣріе къ нимъ были безграничны... А когда ему приходилось сдѣлать кому-либо выговоръ или порицаніе, онъ поручалъ своему ключарю исполнить за него эту тяжелую для его любвеобильнаго сердца обязанность...

Святитель обратился въ Святейшій Синодъ съ просьбою уволить его на покой. Просьба была исполнена, и 17 іюня 1866 года епископъ Теофанъ былъ уволенъ «отъ управленія Владимірскою епархіею и опредѣленъ настоятелемъ въ Шацкую общежительную Вышенскую пустынь, съ порученіемъ ему управленія оною и предоставленіемъ ему права пользоваться всѣмъ по званію настоятеля пустыни». Но его душа жаждала уже возможно полнаго уединенія, и настоятельство, сопряженное съ хозяйствомъ и со всѣми его мелочами, было бременемъ для Теофана. Въ сентябрѣ 1866 года преосвящен-

ный послалъ въ Св. Синодъ два прошенія, въ которыхъ писалъ, что «скудость содержанія и хлопотливые способы добывать его не дадутъ ему покоя при управленіи обителью». Поэтому онъ просилъ уволить его отъ управленія обителью и исхodataйствовать ему пенсію. Тутъ же онъ просилъ: 1) «предоставить ему право служить, когда пожелаетъ, 2) оставить за нимъ какое-либо вліяніе на монастырскія власти, безъ вмѣшательства въ дѣла монастырскаго управленія и 3) оставить за нимъ занимаемый имъ флигель съ тѣмъ, чтобы обитель какъ приспособила этотъ флигель къ помѣщенію его, поправляла что каждагогодно потребуетъ и отопляла, такъ и помогала ему, преосвященному, въ добываніи нужнаго къ трапезѣ или даже и доставляла всю трапезу». Св. Синодъ своимъ опредѣленіемъ, отъ 19/28 сентября 1866 года, постановилъ: 1) «уволить преосвященнаго епископа Теофана отъ управленія Вышенскою пустыню, 2) предоставить ему право служенія, когда пожелаетъ, 3) подчинить ему по церковно-служебной части братію Вышенской пустыни такъ, чтобы они совершали съ нимъ церковныя службы по его назначенію, 4) предоставить въ его распоряженіе занимаемый имъ флигель, обязавъ пустынь приспособить, ремонтировать, отоплять оный и исполнять желаніе епископа относительно трапезы и 5) назначить ему пенсію въ 1.000 рублей со дня увольненія на покой отъ управленія Владимірскою епархіей», то-есть съ 17 июня 1866 года. Съ тѣхъ поръ началась его подвизническая жизнь, продолжавшаяся 27 лѣтъ, съ тѣхъ поръ въ теченіе долгихъ лѣтъ «горѣлъ онъ, какъ свѣча или неугасимая лампада предъ ликами Христа, Богоматери Заступницы и святыхъ Божіихъ».

«Около шести лѣтъ, говорить свидѣтель-очевидецъ, горѣніе это было *явное*, ибо святитель ходилъ ко всѣмъ службамъ Божіимъ, наравнѣ съ иноками, и къ ранней литургіи; слушая службы Божіи, стоялъ онъ благоговѣнно, тихо, не озираясь нигде, бодренно, какъ воинъ предъ царемъ, такъ и онъ предъ Христомъ Царемъ небеснымъ, очи свои закрывалъ, ради собранности ума и сердца въ молитвѣ; случалось,

послѣ литургіи подносявшій владыкѣ антидоръ стоялъ предъ нимъ минуты двѣ, и погруженный въ молитву Богомощею открывалъ очи и бралъ поднесенное.

«Въ великіе праздники и воскресные дни нашъ святитель служилъ соборно, съ о. архимандритомъ и братією, божественную литургію. Своимъ благоговѣйнымъ священнослуженіемъ святитель Теофанъ и въ сослужащихъ съ нимъ вселялъ благоговѣніе и страхъ Божій. Едва ли кто изъ насъ, иноковъ вышенскихъ, когда-либо слышалъ во св. алтарѣ какое стороннее слово изъ устъ святителя Теофана, кромѣ послѣдованія богослужебнаго. И поученій онъ не говорилъ, но самое служеніе его предъ престоломъ Божіимъ было живымъ поученіемъ для всѣхъ. Бывало среди вѣрующаго простаго народа только и слышны сердечные вздохи умиленія и возгласы: Господи помилуй». Тамб. *Епарх. Вѣд.* № 6. «Воспоминанія Вышенскаго инока».

Съ 1872 года святитель самъ устроилъ въ своихъ келліяхъ малую церквцу, во имя Богоявленія Господня. Тогда онъ заключился въ своей келліи, прекративъ всѣ сношенія съ людьми, за исключеніемъ своего духовника и настоятеля пустыни. Со всѣми, кто жаждалъ его духовнаго руководства, онъ сносился только письменно...

Что склонило святителя къ такому полному отрѣшенію отъ общества, отъ міра, наконецъ даже отъ общенія съ братією? Кто можетъ вполне разъяснить намъ это? «Есть, на примѣръ, посвящающіе себя наукѣ, искусству... отъ чего? Такой талантъ, писалъ святитель,—почему же не благоволить къ тѣмъ, кои посвящаютъ себя Богу? Ибо и это даръ Божій,—настроеніе духа таково. . . Настроеніе духа, конечно, даръ Божій, но оно окрѣпло, безспорно, благодаря сознательному подвигу. И, думается намъ, на святителя Теофана имѣлъ могущественное воздѣйствіе примѣръ другаго святителя, подобно ему удалившагося на покой и проведшаго всю остальную жизнь въ молитвѣ, богомыслии и великихъ подвигахъ, именно Св. Тихона Задонскаго. Не даромъ такъ часто упоминаетъ онъ его въ своихъ сочиненіяхъ, настойчиво со-

вѣтуетъ читать его сочиненія. Не даромъ въ своемъ затворѣ, самъ, своей свѣтителской рукой, онъ писалъ его образъ во весь ростъ—и оставилъ его еще не вполне оконченнымъ... Недаромъ еще юношей ходилъ онъ за 100 верстъ на поклоненіе гробницѣ святочимаго имъ угодника Божія; не даромъ Промыслъ Божій привелъ его быть и свидѣтелемъ великаго торжества православной церкви—открытія мощей святителя Тихона..

«Даруй вамъ, Господи, увидѣть монашескую жизнь въ монастырѣ, писалъ Владыка. Извольте знать, что во всякомъ монастырѣ текутъ двѣ жизни: одна обычная, житейская, — ходить, говорить, ѣдать, пить, спать и проч.; а другая — собственно монашеская, въ молитвѣ, постѣ, богомыслии и борьбѣ со страстями проходящая. На виду только первая, — а вторая не видна и намѣренно скрывается, даже отъ своихъ, а не только отъ пришлыхъ...»

«Хотѣлось бы, говоришь, въ затворѣ. Раненько, да и нужды нѣтъ. Одишь же живешь. Когда — когда кто зайдетъ. А что въ церкви бываешь, это не разбиваетъ твоего одиночества, а утверждаетъ, или даетъ тебѣ силу и дома проводить время молитвенно. По временамъ можно — день, другой не выходить, все съ Богомъ стараясь быть. Но это у тебя и само собою бываетъ. Такъ нечего загадывать о затворѣ. Когда молитва твоя до того укрѣпится, что все будетъ держать тебя въ сердцѣ предъ Богомъ, тогда у тебя и безъ затвора будетъ затворъ. Ибо затворъ что есть? То, когда умъ, заключившись въ сердцѣ, стоитъ предъ Богомъ въ благоговѣнствѣ и выходитъ изъ сердца или чѣмъ нибудь завяжется другимъ не хочетъ. Этого затвора нищ, а о томъ не хлопочи. Можно и при затворенныхъ дверяхъ по міру шататься или плѣлый міръ напустить въ свою комнату.»

Можно быть затворникомъ и живя въ мірѣ.

«Ищущему Господа надобно удалиться отъ міра. Подъ міромъ разумѣется все страстное, суетное, грѣховное, вошедшее въ жизнь частную, семейную и общественную и ставшее тамъ обычаемъ и правиломъ. Потому удалиться отъ міра не то

значить, чтобы бѣжать отъ семейства или отъ общества, а оставить нравы, обычаи, правила, привычки, требованія, совершенно противоположныя духу Христову, принятому и зрѣющему въ насъ. Гражданство и семейство — благословенны у Бога; потому не должно отрѣшаться отъ нихъ или презирать, равно какъ и все, принадлежащее къ ихъ существованію благоустроению. Но все пришло къ нимъ, прихотное, похотное и страстное, какъ наростъ вредящій и искажающій ихъ, должно презрѣть и отвергнуть. Убѣжать отъ міра значить установить себя въ истинной семейственности и гражданственности; все же другое сдѣлать такъ, чтобы оно было какъ бы не наше, не насъ касалось. Требующіе міра сего, яко не требующе (1 Кор. 7, 31). Почему такъ должно дѣлать, очевидно само собою. Суетное, страстями пропитанное, неминуемо передаетъ въ душу нашу то же, возбуждаетъ или прививаетъ страсть. Какъ ходящій около сажи или касающійся огня опалается, такъ и участвующій въ мірскомъ пропитывается страстнымъ, богопротивнымъ. Потому, попавши въ міръ, покаившійся снова падаетъ, а невинный развращается. Это неизбежно. Тотчасъ омрачается умъ, рождается забвеніе, ослаба, плѣвъ и расхищеніе, а тамъ и увязленіе сердца, за нимъ страсть и дѣло, — и человекъ палъ... А что именно оставить и какъ, тому учить болѣе опыты, нежели наше писаніе. Законъ такой: оставить должно все, что опасно для новой жизни, что возгнѣваетъ страсть, наноситъ суету и погашаетъ духъ; а во всемъ этомъ сколько разнообразія!.. Мѣрою тому пусть будетъ собственное сердце каждаго, искренно ищущаго спасенія безъ лукавства, не на показъ только... Отсюда слѣдуетъ, что оставить міръ есть не что иное, какъ перечистить всю свою внѣшнюю жизнь, устранить изъ нея все страстное, замѣнить чистымъ, не мѣшающимъ духовной жизни, а помогающимъ ей — въ жизни семейной, частной, общественной; установить вообще образъ внѣшняго своего поведенія дома и внѣ, съ другими и по должности.»

«Страшно, однакоже; какъ же быть, оставя міръ? Это

страшно только снаружи, внутри же оставление мира есть вступление въ рай. Совнѣ—тотчасъ озлобленіе, скорби, потери: что-же?—Скрѣпи себя терпѣніемъ. Что дороже: міръ или душа, время или вѣчность? Отдай малое—и возьми неизмѣримое по всѣмъ измѣреніямъ. Бываетъ, впрочемъ, и такъ, что сильный натискъ отъ міра бываетъ только въ началѣ, потомъ стихаетъ, стихаетъ, и оставившій міръ оставляется въ покоѣ, ибо въ мірѣ рѣдко вѣмъ дорожать,—поговорять, поговорять, а тамъ и забудутъ. Съ оставляющими міръ—то же, что и съ мертвыми. Потому можно и не такъ страшиться непріязни міра, ради его суетливости и гордости,—ради того, что онъ любитъ наличное, а другое забываетъ. Онъ—зрѣлище: занять только или держитъ въ себѣ тѣхъ, кои въ немъ, до другихъ же ему мало дѣла.

«Такимъ образомъ, то занятіями, обращенными на созиданіе души, то стѣсненіемъ плоти во всѣхъ ея частяхъ, особенно тѣхъ, кои суть ближайшіе органы души, то перечисленіемъ внѣшняго порядка, человѣкъ ищущій хорошимъ и прочнымъ оплотомъ обезопаситъ свое внутреннее. Укрѣпившись внутри духовными и душевными занятіями въ удивленіи, при стѣсненіи плоти, исходитъ онъ къ дѣламъ семейнымъ, или гражданскимъ, или общежительнымъ, къ дѣламъ чистымъ и спасительнымъ, по волѣ Божіей, и всѣмъ тѣмъ созидается въ духѣ или, по крайней мѣрѣ, не расхищается».

«Одно еще можетъ его развлекать—это непрестанное видѣніе и слышаніе вещей — то мірскихъ, то простыхъ, кои только потому, что дѣйствуютъ на душу, извлекаютъ ее чрезъ вниманіе къ себѣ вонъ и расхищаютъ. Если бы заградить и эти отверстія, то покою внутри былъ бы ненарушимъ. Очевидно, надежнѣйшій и наибѣспѣльнѣйшее къ тому средство есть загражденіе чувствъ, но это не всякому можно и должно. Потому св. отцами изобрѣтено спасительное средство: и подлечь впечатлѣнію внѣшнихъ вещей, и не развлекать, а созидать духъ. Оно состоитъ въ томъ, чтобы всякой вещи, всему видимому и слышимому дать духовное знаменованіе и до того укрѣпиться въ помышленіи о семъ духовномъ зна-

менованіи, чтобы при изгладѣ на вещь не она касалась сознанія, а ея знаменованіе. Кто сдѣлаетъ это для всего встрѣченнаго, тотъ постоянно будетъ ходить какъ въ училищѣ... И свѣтъ и тьма, и человѣкъ и звѣрь, и камень и растеніе, и домъ и поле, и все — все до малѣйшаго будетъ урокомъ ему; надлежитъ только истолковать себѣ и укрѣпиться въ томъ. И какъ это спасительно!.. «Что ты плачешь?» спрашивали ученики у старца, увидѣвшаго красивую, разряженную женщину. — «Плачу, отвѣчалъ онъ, о погребели твари Божіей разумной и о томъ, что не имѣю такого радѣнія о душѣ во спасеніе, какъ она о тѣлѣ на пагубу...» Другой, услышавъ плачь жены на могилѣ, сказалъ: «такъ христіанинъ долженъ плакать о грѣхахъ своихъ.»

«Безъ дѣла какъ быть? Будетъ грѣшная праздность. И работать что нибудь надо и кое-какіе хлопоты исполнять. Это долгъ вашъ. Всякое дѣло, созннанное достодолжнымъ, надо дѣлать со всѣмъ усердіемъ, это есть долгъ, огражденный страшнымъ прещеніемъ: проклятъ всякъ, творящій дѣло Божіе съ небреженіемъ. И внѣшнихъ отношеній пресѣчь нельзя. Надо держать ихъ и держать достодолжно. Это долгъ общежитія человѣческаго... Есть у насъ повѣрье, и чуть-ли не всеобщее, что коль скоро займешься чѣмъ-либо по дому или внѣ его, то уже выступаешь изъ области дѣлъ божескихъ и Богу угодныхъ. Оттого, когда породится желаніе—жить богоугодно или зайдешь рѣчь о томъ, то обыкновенно съ этимъ сопрягають мысль, что ужъ коли такъ, то бѣги изъ общества, бѣги изъ дома, — въ пустыню, въ лѣсъ. Между тѣмъ и то и другое не такъ. Дѣла житейскія и общественныя, отъ которыхъ зависятъ стоище человекъ и общество, суть Богомъ опредѣленные дѣла, и исполненіе ихъ не есть отбѣганіе въ область небогоугодную, а есть хожденіе въ дѣлахъ Божіихъ... Но забота или многозаботливость, точащая сердце и покоя ему не дающая, есть болѣзнь падшаго, который взялся самъ устроить свою судьбу и мечется во всѣ стороны. Она разбиваетъ мысли и даже на томъ дѣлѣ, о которомъ хлопочетъ, не даетъ имъ сосредоточиться...»

Такъ понималъ святишель затворъ. Затворъ ви́шній лишь помогаетъ внутреннему.

«Монашество есть, *съ отрпшеніемъ отъ всего, непрестанное умомъ и сердцемъ пребываніе въ Богѣ*. Монахъ тотъ, у кого такъ устроено внутреннее, что только и есть Богъ, да онъ исчезающій въ Богѣ».

«Такъ какъ сему настроенію много мѣшаетъ семейная и гражданская жизнь, то ищущіе его удаляются отъ общества разрываютъ или совсѣмъ не вступаютъ въ семейныя связи...»

«Ужъ когда въ монастырь, то на одиночество. Плохо жить въ монастырѣ тому, кто въ общеніи со многими хочетъ жить тамъ, какъ бы въ обществѣ. И тамъ одного только знать надо,—настоятеля, или духовнаго отца и старца...»

Въ обители вступаютъ для того, «чтобы жить въ послушаніи безропотномъ, въ пощеніи строгомъ, въ молитвѣ трудолюбной и трезвеніи бодрственномъ. Тутъ ничего—неимѣніе, своей воли отсѣченіе и себя не жалѣніе вымолачиваютъ изъ души все страстное. Затѣмъ водворяется мирное устройство сердца, и чистота сердца—послѣдняя цѣль міроотречной жизни. Я не гоню васъ изъ міра...»

Но если кто твердо рѣшился—«какъ это сдѣлать?—Какъ кто можетъ, только сдѣлай съ совѣта и разсужденія, по руководству отца духовнаго, или того, къ кому есть довѣріе. Иные дѣлаютъ это вдругъ и, кажется, лучше, а иные исподоволь. Должно только съ первой же минуты все мірское и грѣховное возненавидѣть сердцемъ и быть для него чуждымъ... За этимъ внутреннимъ оставленіемъ міра оставленіе видимое можетъ послѣдовать и вдругъ и исподоволь. Человѣкъ слабый въ духъ не спесетъ продолжительнаго искуса, не устоитъ, разслабится и падаетъ...»

Если всякая рѣшимость на все доброе дается человѣку не легко, тѣмъ болѣе—рѣшимость вполне умереть для міра, рѣшимость разстаться со всѣми пристрастіями, «стереть въ порошокъ нашу калную самость, нашъ упорный эгоизмъ...» Борьба настаетъ жестокая, упорная, страшная... «Въ минуту возбужденія... грѣхъ молчать, какъ будто не до

него касается то, что происходитъ у человѣка; но теперь, когда его хотятъ поправить, онъ, тысячеглавый, какъ называется его св. Лѣстничникъ, тысячи волей выпускаетъ на человѣка, замыслившаго сіе, въ это мгновеніе вся бездна зла, крившаяся въ сердцѣ, возмечается, какъ прахъ, и стремится опять покрыть всю его душу. Подобно тому какъ пробудившійся, пока думаетъ еще только встать,—все въ тѣлѣ у него спокойно. Но лишь только положить онъ встать самымъ дѣломъ и мало напряжетъ мышцы,—всѣ боли въ тѣлѣ, которыя дотолѣ не беспокоили, теперь даютъ о себѣ знать и поднимаютъ жалобы. Такъ и у склонившагося на благодатный зовъ, грѣховныя боли молчатъ, пока онъ доходитъ до сего склоненія, но какъ только положить онъ приступить къ дѣлу, всѣ эти немощи поднимаютъ тревогу—сильную и смутительную. Помысль за помысломъ, движеніе за движеніемъ поражаютъ бѣднаго человѣка и влекутъ назадъ; нападая безъ всякаго порядка со всѣхъ сторонъ, охватываютъ душу и погружаютъ ее въ волненія своею. Все доброе у человѣка держится какъ бы на волоскѣ и самъ онъ поминутно готовъ оторваться отъ того, чѣмъ держится, и снова погрузиться въ ту же среду, изъ которой восхотѣлъ выйти. Одно спасаетъ его—та сладость, льгота и отрада, которыхъ вкусить удостоился онъ въ моментъ возбужденія, и та крѣпость, которую ощутилъ онъ, когда изрекъ въ сердцѣ: «птакъ, сейчасъ начну». Кто видѣлъ, какъ малая искра туда и сюда носится въ дымѣ, но все еще какъ бы стоитъ за себя или какъ малая частица дерева бросается волнующеюся струею то вверхъ, то внизъ, то вправо, то влѣво,—тотъ имѣетъ въ этомъ образъ того, что бываетъ въ сію минуту съ благимъ желаніемъ человѣка. Не въ дуплѣ только смятенія, но и кровь вся волнуется, бываетъ даже шумъ въ ушахъ и туманъ въ глазахъ...»

Какъ проходила жизнь святишеля въ глубинѣ его затвора? Кто можетъ повѣдать намъ тайны его глубокаго удивленія? Кто можетъ знать о настѣ, кромѣ всевидящаго Сердцевѣдна Бога? Даже иноки Вышенской обители мало знали о немъ,

даже слуга покойного, ближайшій къ нему человекъ, и тотъ не былъ посвященъ въ эту таинственную жизнь, являясь въ келліи только по зову и на короткое время... До 1872 года можно было видѣть святителя за богослуженіемъ, на рѣдкихъ прогулкахъ и выѣздахъ. Иногда онъ принималъ посѣтителей и бесѣдовалъ съ ними, но съ этого года, казалось, всѣ отношенія его къ внѣшнему міру прекратились, съ этого періода онъ, можно сказать, только тѣломъ принадлежалъ землѣ, духомъ же обиталъ въ горнемъ мірѣ... Одинъ изъ иноковъ Вышенской обители пишетъ, что за послѣдній періодъ полного затвора они, иноки, могли только судить о жизни владыки, «и то по малымъ ея проявленіямъ». «Извѣстно намъ, что въ теченіе 21 года богомолецъ нашъ уединенникъ совершалъ въ своей малой церкви келейной, въ первые десять лѣтъ каждый воскресный и праздничный день, а въ послѣдніе одиннадцать лѣтъ ежедневно божественную литургію, а также и другія положенныя св. церковію богомоленія и свои личныя. Келейный служитель приготовлялъ богомольцу святителю въ опредѣленное время только самое необходимое для литургіи: облаченіе, вино церковное и просфоры. Совершалъ свои богомоленія уединенникъ одинъ предъ Господомъ, въ сослуженіи свв. ангеловъ... На вопросъ ближайшаго своего почитателя-ученика, какъ онъ служитъ литургію, покойный святитель говорилъ: «служу по служебнику молча, а иногда и запою...» Другой инокъ, больной и немогущій бывать въ храмѣ Божіемъ, спрашивалъ у святителя, какъ ему исправлять въ келліи правило свое молитвенное и за службами церковными что исполнять, и получилъ отвѣтъ: «замѣняй читаемое и поемое за службами церковными молитвою умною Иисусовою, по четкамъ, какъ положено въ концѣ псалтиря и служебника, за каждую службу... И я такъ дѣлаю... когда не могу вычитывать по книгамъ церковнымъ всѣ службы, выполняю положенное въ уставѣ церковномъ извѣстное число молитвъ Иисусовыхъ...» На желаніе того же инока — нельзя ли ему, хотя изрѣдка, когда въ силахъ будетъ, приходить за литургію, совершаемую имъ въ келліи, чтобы приобщаться

изъ святиТЕЛЬСКИХЪ его рукъ, богомолецъ отвѣчалъ: «приобщаться тебѣ неудобно у меня, имѣй запасные дары Тѣла и Крови Христовыхъ, и приобщайся келейно, по должному приготовленію...»

Одинъ священикъ просилъ чрезъ инока Вышенскаго наставленія себѣ у святителя, какъ ему поучать своихъ прихожанъ. «Ну кто я такой, чтобы давать другимъ наставленія, отвѣчалъ смиренный учитель, пусть беретъ св. Тихона творенія и читаетъ въ церкви, и довольно съ него.» Получая лично св. книжки отъ святителя, тотъ же инокъ говорилъ ему: «Владыко святой! Какъ и читать ваши св. творенія и свято-отеческія; ничего не вижу я въ себѣ похожаго на то, что творили Божіи угодники... Ничего у меня нѣтъ добраго...» «Что же дѣлать? я вотъ и книги составляю и пишу, отвѣчалъ Владыка, а и у меня ничего нѣтъ!.. Все отъ милости Божіей! Надо смиряться.»

Удостоенный особенной милости отъ святителя — входить къ нему лично, инокъ вышенскій, изрѣдка входившій, свидѣлствуетъ передъ Богомъ: «кротость и незлобіе святителя Теофанъ проявлялъ истинно ангельскія, чисто-младенческія...» Нашъ святитель никога не осуждалъ, не любилъ разбирать дѣлъ человѣческихъ и говорить о чемъ-либо мірекомъ, суетномъ, тѣннымъ. Однажды этотъ же инокъ, по духовной нуждѣ своей, прийдя къ нему, увидавъ его ласковость и веселость, осмѣлился сообщить ему одну новость невинную изъ жизни монашеской... Святитель вдругъ закрылъ глаза свои, сидѣлъ какъ бы погруженный въ молитву, и ни слова не промолвилъ на эту новость. Прошло нѣсколько минутъ, опомнился принесшій новость, что погрѣшилъ, и владыка, открывъ очи, началъ разговоръ, но по обычаю о единомъ на потребу, спасеніи души, о немощахъ и неисправленіяхъ, о томъ, какъ жить и благоугождать Господу...

Когда надо было прекратить бесѣду, то святитель давалъ о семъ знать погруженіемъ внутрь себя молитвеннымъ. Воздохнувъ изъ глубины души, скажетъ: *Господи помилуй! Божже нашъ, помилуй насъ!* И уйдетъ какъ-бы весь внутрь себя предъ

лице Сердцевѣдца Господа... закроетъ очи и сидитъ молча.... Тогда почитатель вставалъ, просилъ прощенія и благословенія, и уходилъ.

«Постничество, умерщвленіе плоти было у святителя нашего совершенное. Онъ былъ какъ бы проникнутъ весь духовностію, и тѣло свое питалъ для того только, чтобы оно помогало духу его жить свободно, легко... Иначе, подчиняясь хоть въ малой мѣрѣ плоти и крови, онъ не могъ бы вмѣстить въ своемъ духѣ такой высокой премудрости Божіей, какая обитала въ немъ и выразилась въ столь многочисленныхъ богомудрыхъ его твореніяхъ».

«Милостивъ почившій святитель ко всѣмъ бѣднымъ былъ, кажется, безъ границъ. «Рѣдкая почта проходитъ, говорилъ сербобольный святитель одному иноку, чтобы бѣдные не писали и не просили. Радъ помогать и по возможности помогать». Бывало, предъ праздниками Рождества Христова и Пасхи получить милостивый святитель свою пенсію и разослать ее всю, себѣ оставивъ только на выписку любимыхъ ему книжекъ... Конвертовъ по 10-ти и болѣе денежныхъ приходилось сдавать по почтѣ тому же иноку, по порученію св. владыки, и съ суммою немалую, вдовамъ и сиротамъ и разнымъ горемыкамъ въ мірѣ. И такъ проходило изъ года въ годъ во всю его уединенную жизнь на Выгѣ, не говоря о разныхъ другихъ его дѣлахъ милости и помощи, въ другія времена. И книжки свои онъ всегда дарилъ и разсылалъ безмездно. «У меня нѣтъ продажныхъ... скажете, бывало, святитель, вотъ вамъ книжка». (Воспоминанія Вышенскаго инока.)

Вотъ почти все, что можно услыхать о святителѣ на мѣстѣ его пребыванія, въ Вышенской обители.

Впрочемъ о внутреннемъ распорядкѣ затворнической жизни святителя мы можемъ кое-что узнать и по его сочиненіямъ. Утромъ, какъ сказано выше, онъ служилъ литургію въ своей домашней церкви, находившейся рядомъ съ его рабочимъ кабинетомъ. «Въ свою комнату прямо изъ церкви спѣшите, и пригнѣ ей дѣлаете нѣсколькими поклонами, прося Гос-

пода благоговѣнно, съ пользою душевною провести предлагаемое время уединеннаго дома пребыванія, писалъ святитель одной юной особѣ, жаждавшей духовной жизни. Мыслямъ же все-таки блуждать не давайте, а говорите въ себѣ, ни о чемъ не думавши, одно: Господи, помилуй! Господи, помилуй!—Отдохнувши, какое-либо дѣло надо дѣлать: или молиться или руководѣнничать.» (Святитель былъ самъ превосходнымъ рѣшникомъ, слесаремъ и хорошимъ художникомъ. Пишущему эти строки довелось увидать у племянника святителя А. Г. Говорова три превосходныхъ иконы его работы: Спасителя, несущаго крестъ, Казанской Божіей Матери и св. великомученицы Варвары, ангела супруги А. Г. Говорова. Дивно неземное выраженіе въ св. ликахъ.) «Нельзя все духовнымъ заниматься: надо какое-либо нехлопотливое руководѣіе имѣть. Только браться за него надо, когда душа утомлена, и ни читать, ни думать, ни Богу молиться неспособна. А если тѣ духовныя занятія идутъ хорошо, то руководѣіа можно не касаться. Оно назначается для наполненія времени, которое безъ него придется проводить въ праздности... Какъ дома молиться? Вы хорошо сказали, что надо немного надбавить противъ обыкновеннаго правила молитвеннаго... (Писавшая святителю въ то время говѣла). Но лучше, если вы прибавите не лишнія чтенія молитвъ, а подольше будете молиться безъ молитвенника, сами своимъ словомъ изъясняя предъ Господомъ свои кровныя нужды духовныя. Читайте и утромъ и вечеромъ не болѣе того, какъ и въ обыкновенные дни; но предъ началомъ молитвословія вашего и послѣ него, сами своею молитвою молитесь, и въ промежутки читаемыхъ молитвъ вставляйте свою молитву, кладя поклоны,—поясные и земные,—и на колѣна становясь... Но слишкомъ длиннымъ и долгимъ правлюсь себя не вѣжите. Лучше почаще вставать на молитву и класть поклоны въ продолженіе дня понемногу, но часто, чтобы весь день перетростить поклонами. Умомъ же совсѣмъ не отступайте отъ Господа, на молитвѣ ли стоите или другое что дѣлаете. Послѣ молитвы—чтеніе съ размышленіемъ. Чи-

тять надо не затѣмъ, чтобы память набивать разными свѣдѣніями и понятіями, а затѣмъ, чтобы получить назиданіе... Для того читать надо немного, но всякое вычитанное положеніе доводить до чувства, посредствомъ долгаго къ нему вниманія».

Далѣе святитель рекомендуетъ читать особенно творенія св. Тихона, замѣчая: «лучшаго для васъ чтенія не нахожу».

«Отчего бываетъ спѣшность въ молитвѣ? Непонятно. За другими дѣлами часы проводимъ и не кажется долго; а на молитву лишь станемъ, какъ ужъ думаемъ, что не знать какъ долго простояли. И ну погонять себя, чтобы скорѣе кончить. Никакого толку отъ молитвы и не бываетъ. Какъ же быть? Иные вотъ какъ дѣлаютъ: назначаютъ себѣ на молитву четверть часа, или полчаса, или часть, какъ имъ удобнѣе, и такъ подготавливаютъ свое состояніе на молитвѣ, чтобы ударъ на часахъ—получасовой, или часовой,—давалъ имъ знать о концѣ стоянія. Затѣмъ, становясь на молитву, уже не заботятся о прочитаніи столькохъ и столькохъ молитвъ, а лишь о томъ, чтобы къ Господу вознестись въ молитвѣ достоительно во все время положенное. Другіе такъ: опредѣливъ себѣ время для молитвы, узнаютъ, сколько въ это время разъ можно пройти четки, неспѣшно ихъ передвигая. Затѣмъ, становясь на молитву, передвигаютъ четки неспѣшно опредѣленное число разъ, а умомъ въ ту пору Господу предстоятъ, или своимъ словомъ бесѣдуя къ нему, или прочитывая какія-либо молитвы, или безъ того и другаго блга гоговѣнно поклоняясь Его безпредѣльному величію. Тѣ и другіе такъ привыкаютъ молиться, что минуты стоянія на молитвѣ бываютъ для нихъ сладостными минутами. И ужъ рѣдко бываетъ, чтобы они стояли на молитвѣ лишь положенное время, но удваиваютъ и утраиваютъ его... Спѣшить чтаніемъ молитвъ не для чего. Пусть одинъ псаломъ прочтаете во все это время. *Никто* рассказывалъ, что ему рѣдко случается во все положенное у него время для молитвы прочитать одно— *Отче нашъ*, потому что всякое слово у него обращается въ цѣлую молитву».

«Молитва—для самонаблюденія барометръ духовный. Барометръ опредѣляетъ, какъ тяжелъ или легокъ воздухъ, и молитва показываетъ, насколько высоко-ходенъ или низко-ходенъ духъ нашъ въ его обращеніи къ Богу... Почаще становитесь предъ своими иконами въ продолженіи дня и кладите всякій разъ по нѣскольку поклоновъ,—поясныхъ и земныхъ. Пастъ на колѣна и класть поклоны еще лучше. Никто вѣдь не видитъ, кромѣ Господа. Молитва утромъ и вечеромъ—своимъ чередомъ... а въ эти частыя припаданія къ Господу—по немногу; не такъ однакожъ, какъ обычно знакомымъ при встрѣчѣ,—кивнуть головою, и довольно. Усердіе впрочемъ всему научить».

Мы не входимъ здѣсь въ святая святыхъ духовной жизни святителя, не изображаемъ его молитвеннаго подвига во всей полнотѣ. Объ этомъ рѣчь будетъ еще впереди. Наша цѣль въ настоящее время дать хотя приблизительное понятіе о томъ, что недоступно было взорамъ человѣческимъ—о затворнической жизни почившаго святителя.

Во время, свободное отъ молитвы, святитель предавался Богомыслию, и плодомъ его вдохновенныхъ созерцацій явились его многочисленные труды неизмѣримо - важной цѣнности. Намъ еще придется подробнѣе говорить объ нихъ. Здѣсь же скажемъ только, что его ученія творенія составляютъ эпоху въ развитіи православной богословской мысли... Можно быть увѣреннымъ, что почившій оставилъ столь великое и богатое духовное наслѣдіе, что его имя не угаснетъ съ его кончиной, а напротивъ съ поднятіемъ духовнаго самосознанія въ нашемъ обществѣ будетъ пріобрѣтать все болѣе и болѣе извѣстности, какъ великаго духовнаго свѣтила православія... С.-Петербургская Духовная Академія еще въ 1882 году «въ выраженіе глубокаго уваженія къ неутомимой и многоплодной литературной дѣятельности преосв. Теофана въ области православнаго нравственнаго богословія и истолкованія св. писанія» избрала его своимъ почетнымъ членомъ, а въ 1890 году «за его многочисленные и замѣ-

чательныя богословскія сочиненія» возвела въ степень доктора богословія. Святитель, безъ сомнѣнія, не искалъ такой опѣнки... Главной чертой его твореній, какъ и твореній св. Тихона, слѣдуетъ призвать ихъ самобытную свѣжесть, глубокую жизненность. Все, что писалъ преосвященный, извлечено было изъ глубоко пережитаго духовнаго подвига. Святитель обладалъ громадными познаніями не только въ области богословской науки, но и въ другихъ отрасляхъ знанія. Онъ владѣлъ, кромѣ классическихъ и новѣйшими языками, по видимому, зналъ и еврейскій. Но основой для его богословскихъ созерцаній служили почти исключительно творенія восточныхъ великихъ учителей и аскетовъ. На этой родной намъ почвѣ воспитался нашъ православный учитель, привнесъ все разнобразие своихъ духовныхъ дарованій, а главное— всю искренность и сердечность русскаго человѣка.

Не мало времени у почившаго отнимала и его громадная переписка. Со всѣхъ концовъ Россіи летѣли письма въ Вышенскую пустынь—съ выраженіемъ духовныхъ и тѣлесныхъ скорбей, съ горькими сѣтованіями на неправды, на суету мірскую, на душевное томленіе. Ежедневно получалось отъ 20—40 писемъ, и на каждое письмо святитель спѣшилъ отвѣтить. И его отвѣты были истиннымъ цѣлительнымъ бальзамомъ для скорбныхъ душъ. Онъ чутко старался угадать духовную потребность писавшаго и не жалѣлъ своихъ силъ, обстоятельно и сердечно разясняя всѣ вопросы и недомыслія. Письма преосвященнаго Ософана—это истинное сокровище. Начавши читать его переписку, нескоро оторвешься отъ вдохновенныхъ страницъ. Какая свѣжесть и изящество слога, какое изумительное богатство всевозможныхъ сравненій, какая простота и сердечность сказывается всюду, въ каждомъ письмѣ!

«Какъ вы обрадовали меня отвѣтомъ!» часто читаемъ въ его письмахъ.

«А я растерялся въ догадкахъ, что бы такое было!—А вотъ что! Бабушка немножко болѣла. Ну—бабушка побѣдоносное слово. Для внушекъ нѣтъ теплѣе мѣста, какъ у

бабушекъ. Нѣтъ и для бабушекъ дороже лицъ, какъ хорошія внуки. И за это надо Бога благодарить.—А вы чаще утѣшайте бабушку и повнимательнѣе слушайте, что она говоритъ. У старицъ—мудрость, опытами и трудами жизни приобретѣнная. И онѣ часто невзначай, въ простыхъ фразахъ, высказываютъ такіе мудрые уроки, которыхъ и въ книгахъ поискать—не найдешь».

«Хоть вы представили очень удовлетворительное объясненіе, почему не писали такъ долго; но все же слѣдовало бы на васъ наложить, хоть небольшую, епитимію, въ видахъ исправленія. Думаю, однакожь, что, можетъ быть, вы лучше расположитесь къ исправности, если поблагодарю васъ, что писали, и за то, что писали».

«Объщайте быть откровенно. Добрѣ! Уже откровенность—первое дѣло въ перепискѣ: иначе нечего было ее и затѣвать. И пишите всегда сплеча—все, что есть на душѣ, и особенно поподробнѣе излагайте вопросы, которые зашевелились въ головѣ и станутъ настойчиво требовать рѣшенія. Тогда и рѣшенія будутъ приниматься, какъ земля жаждущая принимаетъ воду».

«Пишите обо всемъ. Скрытность въ житейскомъ быту—не худая вещь; въ духовной же жизни—самая опасная. Непремѣнно надо имѣть кого-нибудь, съ кѣмъ бы можно было совѣщаться о всемъ, бывающемъ и внѣ, и паче внутри».

Въ другой разъ владыка писалъ молодой особѣ, спрашивавшей относительно чтенія:

«Такъ какъ же—можно читать иное что кромѣ духовнаго? Сквозъ зубы говорю вамъ, чуть слышно: пожалуй, можно,—только немного и не безъ разбора. Положить такую примѣту: когда, находясь въ добромъ духовномъ настроеніи, станете читать съ человѣческими мудростями книгу, и то доброе настроеніе начнетъ отходить, бросайте ту книгу. Это всеобщій для васъ законъ.»

«Но и книги съ человѣческими мудростями могутъ питать духъ. Это тѣ, которыя въ природѣ и въ исторіи указываютъ намъ слѣды премудрости, благости, правды и многопопечи-

тельного о насъ промысленія Божія. Такія книги читайте. Богъ открываетъ Себя въ природѣ и исторіи такъ же, какъ и въ словѣ Своемъ. И они суть книги Божіи для тѣхъ, кто умѣетъ въ нихъ читать.»

«Сказать: читайте такія книги легко; но гдѣ ихъ взять? Этого я вамъ указать не могу. Книгъ болѣе выходитъ книгъ по предметамъ естествознанія. Но почти всѣ онѣ съ дурнымъ направленіемъ,—именно, покушаются объяснить происхожденіе міра безъ Бога, и всѣ нравственно-религіозныя, и другія проявленія въ насъ жизни—безъ духа и души. И въ руки ихъ не берите. Есть книги по предметамъ естествознанія безъ такихъ мудрованій. Тѣ можно читать. Хорошо уяснить себѣ строеніе растений, животныхъ, особенно человека, и законы жизни, въ нихъ проявляющейся, великая во всемъ этомъ премудрость Божія! Незслѣдимая...»

«А повѣсти и романы? Есть и между ними хорошіе. Но чтобы узнать, хороши ли они, надо ихъ прочитать, а прочитавши, наберетесь такихъ исторій и образовъ, что—Боже упаси! *Занавозите свою чистенькую головку. Посмѣ, поди—вычищай...* Когда кто изъ прочитавшихъ благонамѣренныхъ людей порекомендуетъ какую повѣсть, можете прочитать...»

Такъ говорить можетъ только отецъ или любящій родственникъ...

Той же особѣ, собравшейся къ преподобному Сергію на богомолье: «Вы напрасно полагаете, что это будетъ пріятная прогулка. Верстъ пятьдесятъ, можетъ-быть, пройдете не безъ пріятности, а потомъ начнете чувствовать не то, что ожидаете. Въ два дня дойдете. На первомъ ночлегѣ узнаете, что значитъ пѣшеходство, если не знали его прежде. Не забудьте взять пузырекъ водки съ солью, на ночь натрете ею ноги. Къ вечеру-то онѣ будутъ уже не свои. Натрете, къ утру онѣ немного отойдутъ. Утромъ уже не такъ пойдете, какъ изъ Москвы, но разойдется. Обратно можно и по чугункѣ, а то едва ли сдюжаете еще два дня пройти...»

И затѣмъ въ самомъ концѣ большого письма: «не упустите главнаго—слезку сокрушенія. Одна слезка,—и будете

какъ выкупавшись или въ банѣ помывшись. О такой слезкѣ я и прежде хотѣлъ вамъ нѣчто написать, да забылъ. Пропису теперь. Вы берете книги изъ библіотеки для чтенія. Возьмите Жуковского и прочитайте статью: Пери и ангелъ. Она, кажется, въ пятомъ томѣ. Преназидательная. Она большая. Расскажу вамъ коротенько ея содержаніе! Пери—духъ, одинъ изъ увлеченныхъ къ отпаденію отъ Бога, опомнился и воротился въ рай. Но, прилетѣвъ къ дверямъ его, находитъ ихъ запертыми. Ангелъ-стражъ ихъ говоритъ ему: есть надежда, что войдешь, но принеси достойный даръ. Полетѣлъ Пери на землю. Видитъ война. Умираетъ доблестный воинъ, и въ слезахъ предсмертныхъ молить Бога объ отечествѣ. Эту слезу подхватилъ Пери и несетъ. Принесъ, но двери не отворились. Ангелъ говоритъ ему: хорошъ даръ, но не силенъ отворить для тебя двери рая. Это выражаетъ, что всѣ добродѣтели гражданскія хороши, но однѣ не ведутъ въ рай. Летитъ Пери опять на землю. Видитъ морь. Умираетъ красавецъ. Его невѣста ухаживаетъ за нимъ съ самоотверженіемъ, но заражается и сама. И только что успѣла закрыть ему глаза, какъ и сама пала ему на грудь мертвою. Были слезы и тутъ. Пери подхватилъ одну и несетъ, но двери рая и за эту не отворились. Ангелъ говоритъ ему: хорошъ даръ, но одинъ не силенъ отворить для тебя неба. Это значитъ, что семейныя добродѣтели однѣ тоже не приводятъ въ рай. Ищи! Есть надежда. Пери опять на землю. Нашелъ кого-то каюшагося. Взялъ его слезу и несетъ. И прежде чѣмъ приблизился къ раю, всѣ двери его были уже отворены для него. Такъ вотъ какую слезку извольте принести Господу...»

Такъ святитель умѣлъ входить въ духовныя потребности каждаго и быть всѣмъ для всѣхъ...

Онъ скрылся въ своемъ затворѣ отъ очей людскихъ, но любовь его обнимала всѣхъ. Затворъ, кромѣ удовлетворенія его духовныхъ стремленій, давалъ ему досугъ: этимъ досугомъ пользовались многія, многія тысячи... Не мудро въ перепискѣ его встрѣтить слѣдующія знаменательныя строки: «я знаю одного человека, который всегда одинъ—самъ ни-

куда не выходить, и другихъ къ себѣ не принимаетъ. Спрашиваютъ его: какъ тебѣ не скучно? Онъ отвѣчаетъ: мнѣ некогда, такъ много дѣла, что, какъ открою глаза, дѣлаю — дѣлаю, и никакъ не успѣваю передѣлать, пока закрою ихъ...»

Г л а в а II.

Духовная борьба преосвященнаго Теофана „въ затворѣ“. *)

Глубоко поучительны и вѣшнія проявленія жизни замѣчательныхъ людей, тѣмъ болѣе людей высокаго духовнаго совершенства, но можетъ ли быть что-либо выше, цѣннѣе, какъ возможность проникнуть въ ихъ внутренній міръ, въ глубину ихъ души и познать, какъ вѣровать и молиться, какъ размышлять и внутренне бороться самъ съ собою, какъ страдалъ и радовался человѣкъ, надѣленный богатыми духовными силами и небесными стремлениями?! Но съ другой стороны — кто дерзнетъ на подобную попытку? Кто настолько чистъ, чтобы войти во святѣлище? Чтобы понимать великаго художника, надо самому хотя отчасти понимать и любить искусство, тѣмъ болѣе — только человѣкъ, не чуждый духовнаго подвига, можетъ повнѣ душу подвижника... Признаемся, мы чувствуемъ трепетъ въ душѣ, размышляя о попыткѣ изобразить внутреннюю жизнь въ Божѣ почившаго святителя, и никогда бы не дерзнули на это, если бы онъ самъ въ своихъ дивныхъ твореніяхъ не ввелъ насъ во святая святыхъ своей души. Всякій, кто только имѣетъ чувство правды въ душѣ,

*) Въ предыдущей, мартовской, книжкѣ былъ помѣщенъ портретъ преосвященнаго Теофана относившійся къ началу его жизни въ Вышенской обители. Теперь прилагаемъ его же портретъ въ преклонномъ возрастѣ. Предполагаемъ, что онъ обязанъ своимъ происхожденіемъ поѣздкѣ Затворника на два дня въ Москву по случаю болѣзни глазъ. Дозволяя снять съ себя портретъ почившій Владыка безъ сомнѣнія удовлетворилъ горячимъ просьбамъ многихъ.

не можетъ не почувствовать при чтеніи сочиненій епископа Теофана непреодолимой силы искренности и правды. Все въ нихъ въ высшей степени субъективно, въ нихъ высказано то, что пережито, что выстрадано, что приобрѣтено собственными усиліями. За каждый фразой вы невольно предполагаете внутренний опытъ, духовный подвигъ. Отсюда — красота, отсюда — непосредственное воздѣйствіе на душу другого, которыми отличаются произведенія глубокоискреннихъ писателей, и въ числѣ ихъ — творенія почившаго святителя. Его собственными словами мы и постараемся познакомить съ его богатой внутренней жизнью, тѣмъ болѣе что это дастъ возможность каждому прочесть или возобновить въ памяти нѣсколько страницъ, изумительныхъ по силѣ убѣжденія, по глубинѣ и тонкости психологическаго анализа.

Сдѣлаемъ небольшую оговорку. Совершенство духовное не то, что мірское, и духовная мудрость не то, что свѣтская. Изображая умственный складъ какого нибудь знаменитаго дѣятеля, напр., въ области науки, обыкновенно намѣчаютъ различныя стадіи его развитія, постепенной выработкой его взглядовъ и убѣжденій и проч. Говорятъ о достигнутыхъ имъ успѣхахъ, объ сдѣланныхъ имъ открытіяхъ. Не совсѣмъ такъ въ дѣлѣ спасенія, которое составляетъ задачу всей жизни человѣка, во всей ея цѣлости. «Коротко и легко дѣло самоисправленія въ описаніи, говоритъ святитель, но не такъ коротко, а тѣмъ менѣе легко, оно на самомъ дѣлѣ.» Притомъ благодать Божія многоразличными путями ведетъ человѣка ко спасенію: «одного приеѣмлетъ она прямо въ блаженный покой, изводитъ на пажить духа, пасетъ и улаживаетъ; другого долгими обходами испытываетъ и послѣ многообразныхъ уже странствованій проводить туда, какъ утружденнаго и изможденнаго путника.»

Мы, наприм. можемъ съ увѣренностью говорить, что, удаляясь на покой и затѣмъ въ затворъ, святитель достигъ, уже высокой степени духовнаго совершенства. «На безмолвіе не потянетъ того, кто не вкусилъ еще сладости Божіей; сладости же сей не вкуситъ тотъ, кто не побѣдилъ еще страстей.»

Между тѣмъ мы знаемъ, что брань со страстями, съ грѣховными навыками продолжается въ человѣкѣ до самой смерти. Подвижничество есть *непрестанная* побѣдность... Труды добродѣланія, подвиги самовсправленія, скорби терпѣнія противностей представляютъ періодъ ношенія во чревѣ и образованія новаго человѣка: *смерть будетъ его рожденіемъ.*— «Самоугодіе долго скрытно живетъ въ насъ и послѣ того, какъ мы *явно* отверглись себя и Богу себя предали и не хотимъ ни на іоту нарушить сего рѣшенія.» Грѣховные помыслы самоугодія, повидимому, совершенно подавленные, могутъ вновь воскресать въ душѣ и часто составляли камень преткновенія для оставляющихъ бдительность даже на высшихъ ступеняхъ духовнаго совершенства. Поэтому, изображая внутреннюю жизнь святителя его же словами, мы въ сущности говоримъ о подвигѣ всей его жизни. Въ «затворѣ» онъ совершался, конечно, только полнѣе, безпрепятственнѣе...

«Въ какомъ состояніи душа у вступающаго въ брань (со грѣхомъ) человѣка, образовавшаго въ себѣ *твердую рѣшимость жить какъ должно*, и въ какомъ отношеніи ея новое настроеніе къ другимъ расположеніямъ души?» спрашиваетъ святитель.

«Потому ли, что духъ, прежде такъ глубоко сокрытый подъ движеніями души и даже тѣла, а теперь высвобожденный силою благодати изъ сей темницы, получивъ свободу дѣйствования..., перелаетъ сознанію свои высокія требованія съ такою силою, что и произволеніе неуклонно подвигается къ выполненію ихъ, или потому, что сила благодати соприкасаясь душѣ и проникала сознаніе и произволеніе такъ внутренне и глубоко, что оставила въ нихъ неизгладимые слѣды особеннаго духовнаго настроенія, только въ *окончательно рѣшились* начать новую жизнь душа ощущаетъ совершенно новый порядокъ бытія и жизни и, полагая въ немъ все свое блаженство, пламенно желаетъ войти въ оный, чего бы это ни стоило. Впрочемъ, на первый разъ на ея сторонѣ только и есть. Она жаждетъ новаго порядка; не

жалѣя себя, готова все сдѣлать для водворенія его съ себѣ, но между тѣмъ сама все еще обята и какъ бы покрыта тѣмъ, что не только не способно соотвѣтствовать ея преднамѣренію, но даже положительно противоположно ему. Нѣтъ въ ней ни одной силы, которая бы сочувствовала ей, нѣтъ ни одного движенія, которое бы не возставало противъ нея: хотѣла бы мыслить по новому, но умъ не умѣетъ соотвѣтствовать ея желанію, хотѣла бы услаждаться духовнымъ, но сердце еще не имѣетъ къ тому вкуса; а тамъ все количество страстей и обычныхъ наклонностей поминутно готовы вспыхнуть и своею адскою силою поглотить ростокъ новой жизни. Вообще рѣшившійся все еще таковъ же, каковъ былъ и прежде, только у него коренное начало ново. Это все то же, какъ если кто приметъ лѣкарство, и оно будетъ воспринято тѣломъ. Искрѣленіе здѣсь начато въ центрѣ жизни, но ему остается еще проникнуть до послѣднихъ оконечностей, кои все еще остаются зараженными болѣзнями...

«Сознаніемъ и произволеніемъ вы стоите на сторонѣ Божіей. Богу хотите служить и Ему единому угождать. Это—точка опоры для вашей дѣятельности въ духѣ». Но страсти и злые навыки мѣшаютъ духовной жизни. Необходимо вооружиться противъ страстей. Богу не угодно все страстное, потому что страсти противны заповѣдямъ Божиимъ. Борьба со страстями неизбежна. Онѣ не уступятъ сами собою своихъ владѣній, хотя и незаконныхъ. «Страсти то же, что въ сырость дровахъ. Сырые дрова не горятъ. Надо со стороны принести сухихъ дровечекъ и зажечь. Они, горя, начнутъ просушивать сырость, и по мѣрѣ просушиванія зажигать сырые дрова. Такъ понемногу огонь, гоня сырость и распространяясь, объемлетъ пламенемъ и всѣ дрова положенныя. Дрова суть всѣ силы души нашей и всѣ отправления тѣла. Всѣ онѣ, пока не внимаютъ человѣкъ себѣ, пропитаны сыростью—страстями, и пока страсти не изгнаны, упорно противятся огню духовному.»

Такимъ образомъ въ духовномъ подвигѣ мы необходимо

должны различать два теченія или двѣ стороны духовной жизни: съ одной стороны, необходимо воспитывать въ себѣ ростокъ новой духовной жизни, успѣвать въ послушаніи и любви къ Богу, съ другой — вести непрерывную брань со страстями и злыми навыками. «Въ непрерывной связи съ *прямымъ положительнымъ занятіемъ* силъ всегда стоитъ не *прямое направленіе* къ прогнанію зла и страстности, иначе борьба со *страстями и похотьми*».

«Между *обращеніемъ* (къ Богу) и *освященіемъ* среднее мѣсто должно занимать *исправление или очищеніе*: ибо иначе—кое общеніе свѣту ко тьмѣ? Сіе очищеніе бываетъ болѣе или менѣе продолжительно, болѣе или менѣе трудно, смотря по нравственному состоянію приводимаго въ предначертанное христіанское совершенство; но, во всякомъ случаѣ, оно мучительно. Грѣхъ вошелъ въ самую глубину существа человѣческаго, отсюда развѣтвился въ разнообразныхъ наклонностяхъ, привычкахъ, страстяхъ, и, проникнувъ все существо его, распространился вновь и связалъ его съ чувственными вещами узами, столь же почти крѣпкими, какъ узы бытія. Какъ ни осторожно будешь очищать отъ грѣха существо, зараженное имъ, не можешь не причинять боли, подобно тому, какъ нельзя не причинить боли, когда вынимаешь занозу изъ живаго тѣла. Сердце, пристращенное къ чему-нибудь, какъ бы входитъ само въ предметъ пристрастія; отрывая его отъ предмета или предметъ отъ него, отрываютъ какъ бы часть его самого...»

«Грѣхъ, вселившись въ самой глубинѣ души, вмѣстѣ съ тьмѣмъ подчинилъ себѣ и всѣ силы ея,—умъ, волю и чувство, и разложился отъ сего на множество наклонностей, страстей и грѣховныхъ помышленій; изъ души перешелъ въ тѣло, отсюда въ дѣла и поступки,—и такимъ образомъ проникъ все поведеніе и всѣ отношенія человѣка. Такъ, «грѣхъ приравнялся ко всему существу человѣка,—и къ душѣ, и къ мыслямъ, и къ уму,—потрясъ всѣ тѣлесные члены; и ничто въ душѣ и въ тѣлѣ не свободно и не удалено отъ злыхъ вліаній сего живущаго въ насъ грѣха.» (Мак. Вел. Бесѣд. о

повр. и обновл. сост. челов. § 4). «Весь человѣкъ облеченъ въ сей грѣхъ, чтобы не могъ уже смотрѣть такъ, какъ бы хотѣлось, но чтобы и видѣлось худо, и слышалъ худо, чтобы и ноги имѣли скорня къ злодѣянію, и руки, простертыя къ беззаконію, и сердце, занятое злыми помыслами.» (Тамъ же, 1—2).

«Живущій въ насъ грѣхъ, съ діаволомъ — отцемъ его, точно есть деспотъ, держащій душу у себя въ плѣну и не дающій человѣку дѣлать то, что противно ему. Какъ истинникъ, влечетъ онъ грѣшника по обычному пути далѣе и далѣе, не давая ему времени одуматься и какъ-нибудь остановить цѣпь своихъ грѣховныхъ желаній. Большею частью грѣшнику и на мысль не приходитъ измѣнить свою жизнь: грѣшникъ и не думаетъ о томъ, что грѣшать «*сверженный въ море забвенія и бездну пороковъ, и какъ бы во вратахъ ада поселившись.*» (Мак. В. о тер. и разл. вещей, гл. 18). «Округъ бо сердца завѣса пѣкая тьмы обложена лежитъ, дымъ, глаголю, пеходящій отъ огня мірскаго духа, который ниже мысли допускаетъ обращаться съ Богомъ, ниже душѣ дозволяетъ по соизволенію молиться, или вѣровать, или любить Господа.» (Тамъ же, гл. 5). Но если и увидать грѣшникъ, если и узнаеть, что того или другого не должно дѣлать, что то или другое желаніе, та или другая наклонность, не законны, безнравственны: то и тогда что пользы! Ему не хочется подвѣять руку, подвинуть ногу въ противность незаконному желанію или незаконной наклонности; потому что ему вообще не хочется не грѣшнить, не хочется воспротивиться себѣ и покориться Божіей правдѣ. Онъ плѣнникъ, увидѣвшій, что связанъ по рукамъ и по ногамъ, и безпечно предавшійся поносной судьбѣ рабства. Это—главный недугъ, коренное зло, поддерживающее всѣ душевные недуги, питающее всѣ грѣховныя наклонности — нежеланіе возстать противъ грѣха, нежеланіе покориться волѣ Божіей. Кто хочетъ освободиться отъ рабства грѣховнаго, очистить душу свою отъ всѣхъ сквернъ, тому необходимо прежде всего возненавидѣть грѣхъ, возжечь желаніе противиться ему,

истребить протавленіе Божію закону и возжечь желаніе ходить въ немъ, — *необходимо переломить волю*. Безъ сего нельзя сдѣлать никакого добра, нельзя побѣдить ни одного грѣховнаго движенія. Правда, «суть нѣщцы, какъ говорить св. Макарій, воздерживающіеся отъ всякаго блуда, и татбы и лихоимства, и подобныхъ симъ грѣховъ, и посему въ число святыхъ вносятъ себя: но въ самой истинѣ весьма далеко отстоятъ отъ святости. Обитасть бо въ умѣ ихъ злоба многояды, и живеть, и пресмыкается, и не у оставила ихъ.» (Сл. о возв. ум. гл. 20). «Не просто бо *воздержаніе* отъ злыхъ, говоритъ онъ въ другомъ словѣ, очищеніе есть: но *истребленіе* тѣхъ изъ совѣсти совершенное есть очищеніе. Вниди ты, кто-либо еси, чрезъ возрастающія въ тебѣ выну помышленія, къ военнопѣнной и рабѣ грѣха душѣ твоей, и разсмотри до дна мысли твои, и глубину помышленій изслѣдуй: и узриши въ нѣдрахъ души твоея позыающаго и гнѣздящагося змія, убивающаго тебя отравою частей души твоея. Неизмѣримая бо бездна есть сердце: но аще убьешь змія сего, похвалися предъ Богомъ о чистотѣ твоей; аще же ни: смири себе, яко немощный и грѣшный.» (О хр. сердца, 1). Сія-то злоба, сей-то змій, кроющійся въ сердцѣ — хотѣніе грѣха и нехотѣніе правды — и должно быть убито первоначально. Безъ сего невозможенъ никакой успѣхъ: при каждомъ дѣлѣ будутъ какъ-бы сниматься руки.»

Но вотъ и рѣшеніе работать Господу и отринуть грѣхъ созрѣло, но — «только что напряжеть душа силы, чтобы приступить къ дѣлу, какъ вдругъ поражаетъ ея вниманіе жалостный вопль: еще день и — довольно; завтра преступишь сію границу. Вопль самый обольстительный! Грѣхъ стоитъ здѣсь за насъ, умаливаетъ, чтобы мы сжалились надъ собою: но склонись только мало на его внушеніе, какъ вся толпа злыхъ помышленій, прогнанная только изъ сердца, во мгновение ока, какъ бы по мановенію жезла, охватитъ тебя отовсюду и подавить своею тяжестію: человекъ, прежде доходившій до воодушевленія, снова не хочетъ приподнять руки, двинуть ногою. Потому воодушевшись мужествомъ, не почитай сего

помышленія происходящимъ отъ тебя, не давай ему надолго оставаться въ душѣ, и особенно не допускай до сердца. Спѣши изгнать его яснымъ представленіемъ о безразсудствѣ и опасности отлагательства; будь увѣренъ, что это малое требованіе есть сокращеніе всего, есть прелестное представленіе рабства въ видѣ свободы, есть лъстивое дружество, скрывающее непримиримаго врага. Воодушевисъ: поразивъ сего врага, ты приобрѣтешь рѣшительную побѣду. Скажи: «готово сердце мое... возставъ, иду...»

«Трудно!.. Но что же бываетъ безъ труда? Съ тѣхъ поръ какъ проклята для человѣка земля въ дѣлахъ своихъ, — человекъ въ потѣ лица достаетъ себѣ благо тѣлесное, тѣмъ болѣе — духовное. За то сколько бываетъ наконецъ утѣшеній въ приобрѣтеніи! *Жена, егда раждаетъ, скорби имать*, но за радость рожденнаго дитяти забываетъ всѣ прежнія скорби (Іоан. 16, 21). *Недостойны и страсти нынѣшняго времени къ хотѣнью славы явитися въ насъ* — (Римл. 8, 18) — явитися и здѣсь въ духѣ, и тамъ, во всемъ нашемъ существѣ. И что еще особенно можетъ служить намъ въ утѣшеніе? То, что трудъ самоисправленія не столько тягостенъ на дѣлѣ, какъ намъ кажется съ перваго раза. Онъ представляется необъятнымъ только со стороны, только дотолѣ, пока мы не вступили въ него. — И здѣсь, какъ въ обыкновенныхъ дѣлахъ, все зависитъ отъ воодушевленія, съ какимъ кто приступаетъ къ дѣлу. Спросите у всякаго величественно дѣятельнаго человека, спросите его о тяжести трудовъ: онъ тоже скажетъ вамъ, что труды его могутъ исчислять и взвѣшивать только другіе, а для него ихъ нѣтъ, онъ не замѣчаетъ ихъ. Воодушевленіе, приводя въ быстрое движеніе всѣ его силы, поглощаетъ всѣ безпокойства, возноситъ его надъ всѣми препятствіями и среди неудобствъ — онъ идетъ, какъ по гладкому и пространному пути. — Тоже въ дѣлѣ спасенія: тѣсенъ путь къ царствію, тяжкимъ представляется иго Христово: но только до тѣхъ поръ, пока мы стоимъ еще внѣ, соображаемъ, обдумываемъ ходъ новой жизни. Но когда зародится и образуется въ сердцѣ спасительная рѣшимость, — она прино-

ситъ съ собою и воодушевленіе на благое дѣланіе. Воодушевленный послѣдователь Христовъ идетъ въ слѣдъ Его, радуясь и благословляя его, воспринятое отъ Него. Со стороны будутъ видѣть его въ трудѣ, въ язвѣ и озлобленіи,—а онъ какъ предъ Сердцевѣдцемъ въ слухъ всѣхъ исповѣдуетъ, что онъ и всѣ подобные ему, живутъ—*незнаемы и познаваемы, яко скорбяще, присно же радующесе, яко нищи, и мнози бѣгущаще, яко ничтоже имуща а вса содержаще* (2 Кор. 6, 9, 10).>

«Возможность, основаніе, условіе всѣхъ внутреннихъ побѣдъ есть первая побѣда надъ собою—въ переломѣ воли и въ преданіи себя Богу, съ непріяннымъ отверженіемъ всего грѣховнаго. Тутъ зародилась нелюбовь къ страстности, ненависть, непріязнь, которая и есть военная духовная сила и одна замѣняетъ собою всю рать. Гдѣ нѣтъ ея, тамъ безъ брани побѣда уже въ рукахъ врага; напротивъ того, гдѣ есть, тамъ побѣда уступается намъ нерѣдко безъ брани... Сознаніе и произволеніе, переходы на сторону добра, съ возлюбленіемъ его, поражаетъ ненавистію всякое зло и всю страстность, и притомъ именно свою. Въ этомъ собственно и состоятъ переходы, переломы. Потому сила, борящаяся со страстями, есть также умъ или духъ, въ коемъ сознаніе и свобода,—духъ, держимый и укрѣпляемый благодатію... Когда страсти возстаютъ, то мѣтять прямо на умъ, или духъ, то-есть, на покореніе сознанія и свободы. Онѣ—во святилищѣ нашего внутренняго, куда врагъ чрезъ страсти пускаетъ свои разжигательныя стрѣлы изъ душевно-тѣлесности, какъ изъ засады. И пока цѣлы сознаніе и свобода, т. е. стоятъ на сторонѣ добра, то какъ бы ни было велико нападеніе, побѣда наша»...

«Этимъ однако-же не утверждается, будто вся сила побѣды отъ насъ, а показывается только исходище. Точка опоры для брани есть возстановленный духъ; сила же побѣдительная и разрушительная для страстей есть благодать. Она въ насъ одно созидаетъ, а другое разоряетъ,—но опять чрезъ духъ, или сознаніе и произволеніе. Борющійся съ волею повергаетъ себя Богу, жалуясь на враговъ и ненавидя ихъ, и Богъ въ

немъ и чрезъ него прогоняетъ ихъ и поражаетъ. *Держайте, говорить Господь, яко Азъ побѣдихъ міръ* (Іоан. 16, 33). *Вся могу о укрѣпляющемъ мя Христѣ, исповѣдуетъ Апостолъ* (Филип. 4, 13),—точно такъ, какъ безъ Него мы ничего не можемъ. Кто хочетъ побѣдить самъ, тотъ несомнѣнно падетъ или въ ту страсть, съ кою борется, или въ побочную. Предавши же себя Богу, словно изъ ничего стяжываетъ побѣду... Потому-то всевозможно противоборствуй и борись, но не оставляй возлагать всю печаль свою на Бога живаго, Который говоритъ: «съ тобою есмь въ день золь,—не бойся!»

«Надо такъ устроиться, чтобы врагъ ничѣмъ не поживился около насъ, даже самонамѣннымъ. А сего для дѣлать, бодрствовать, трезвиться и блюсти... смотрѣть, какъ бы не подкрался врагъ... Это первое въ борьбѣ со страстями. Коль скоро просмотрѣнъ и пропущенъ врагъ, то ужъ тутъ жди или раны или совсѣмъ пораженія. Врагъ же замѣченный не страшень. Только пригрози и побѣжить. Такова ужъ уловка нашихъ духовныхъ враговъ, что, какъ только увидать, что они открыты, сейчасъ утекаютъ, хотя это, конечно, не всегда бываетъ. Есть и тутъ озорники такіе, что, ни на что не смотря, все лѣзутъ и лѣзутъ...»

«Замѣтивъ приближеніе врага—начинающееся возбужденіе или помысла, или страсти, или наклонности, первѣе всего спѣши сознать, что это враги. Великая ошибка, и ошибка всеобщая—почитать все, возникающее въ насъ, кровною собственностію, за которую должно стоять какъ за себя. Все грѣховное есть пришлое къ намъ; потому его всегда должно отдѣлять отъ себя, иначе мы будемъ имѣть измѣнника въ себѣ самихъ. Кто хочетъ вести брань съ собою, тотъ долженъ раздѣлить себя на себя и на врага, кроющагося въ немъ. Отдѣливъ отъ себя извѣстное порочное движеніе и сознавъ его врагомъ, передай потомъ это сознаніе и чувству, возроди въ сердцѣ непріязнь къ нему. Это—самое спасительное средство къ прогнанію грѣха... Какъ только замѣтите страстное, поскорѣ постарайтесь возбудить въ себѣ

серчаніе... Сіе серчаніе есть рѣшительное отверженіе страстного... И вотъ гдѣ только позволительнъ и благопотребенъ гнѣвъ. У всѣхъ св. отцевъ нахожу, что гнѣвъ на то и данъ, чтобы имъ вооружиться на страстныхъ и грѣшныхъ движенія сердца, и прогнать ихъ.... Гнѣвъ на страсти у васъ долженъ быть вкорененъ съ той минуты, какъ вы положили всеусердно работать Господу, твори благоугодное предъ Нимъ. Тутъ у васъ заключенъ союзъ съ Богомъ на вѣки. Сущность же союза такова: твои друзья—мои друзья, твои враги—мои враги! А что страсти Богу? Враги!.. Съ перваго раза появленіе страстного всегда вызываетъ къ нему сочувствіе, ибо самоугodie еще долго скрытно живетъ въ насъ и послѣ того, какъ мы явно отвергли себя, и Богу себя предали, и не хотимъ ни на югу нарушать сего рѣшенія. Этимъ скрытымъ самоугодіемъ всегда благосклонно встрѣчаемо бываетъ страстное,—какова благосклонность и выражается большимъ или меньшимъ сочувствіемъ къ нему. Такъ вотъ и надобно сочувствіе это отбить, а гнѣвъ возбудить.

«Для сознанія въ страстномъ врага не требуется большая головоломная работа. Довольно возстановить убѣжденіе, что ко всему страстному не благоволять Богъ; не благоволять потому и ко всѣмъ, которые принимаютъ и лелѣютъ въ себѣ страстное. Стало быть, страстное Бога противъ насъ возставляетъ, и насъ отъ Него отбиваетъ. А въ этомъ конечная пагуба наша. Помышленія сіи и убѣжденія въ одно мгновеніе у внимательнаго возсѣваютъ въ сознаніи, и тотчасъ отзываются въ сердцѣ неприязнью къ страстному, серчаніемъ и гнѣвомъ на него. А барахтаться со страстнымъ, придумывая разные противъ него обвинительные пункты,—не барахтайтесь! Успѣхъ отъ этого очень сомнителенъ. Иные дѣлали, а, можетъ быть, и теперь дѣлаютъ такъ: замѣтивъ страстное и вознегодовавъ на него, начинаютъ изобличать его непотребство. Напримѣръ,—пришелъ помысль гордости,—они начинаютъ читать: гордость Богу противна, ты, земля и цепель, какъ не стыдишься возноситься помысломъ, помани грѣхи свои и подобное. Все под-

бираютъ мысли противъ гордости, полагая, что этимъ прогонятъ горделивый помысль. Бываетъ, что и прогоняютъ; но вообще этотъ приемъ не вѣренъ. Между тѣмъ пока вы переберете всѣ обвинительные пункты, подсудимый—страсть—сидитъ тутъ же, хоть на скамьѣ подсудимыхъ, и все еще держится за своего адвоката—сочувствіе. Облечая страстный помысль, все же держимъ его въ умѣ, и онъ между тѣмъ шевелитъ чувство и пробуждаетъ желаніе, то-есть, продолжаетъ сквернить душу. А это значитъ держать въ себѣ произвольно нечистоту,—что опасно. Нѣтъ ужъ,—положите безъ всякихъ разсужденій, какъ только замѣтите въ себѣ что страстное, тотчасъ сознать въ немъ врага,—и разсерчать на него! Впрочемъ это не всегда легко и не всегда возможно: легко поражать гнѣвомъ помысли, труднѣе—желанія, но еще труднѣе—страсти, ибо онѣ и сами суть сердечныя движенія. Когда это не помогаетъ и врагъ не уступаетъ такимъ образомъ побѣды безъ сраженія,—мужественно, но безъ самовозношенія и самонадѣянности, вступай въ борьбу. Робость приводитъ душу въ смятеніе, въ нѣкоторую подвижность и расслабленіе, а не утвержденная въ себѣ, она легко можетъ пасть. Самонадѣянность и самоопыненіе—сами враги, съ коими должно бороться: кто попустилъ ихъ, тотъ уже палъ, и еще предрасположилъ себя къ новымъ паденіямъ, потому что они поставляютъ человѣка въ бездѣйственность и оплошность. Началась брань,—храни преимущественно сердце: не давай доходить возникающимъ движеніямъ до чувства, встрѣчай ихъ у самаго входа въ душу и старайся поразить здѣсь; а для сего спѣши возстановить въ душѣ убѣжденія, противоположныя тѣмъ, на коихъ держится смущающій помысль. Такія противоположенія суть въ мысленной брани не только щитъ, но и стрѣлы,—защищаютъ сердце твое и поражаютъ врага въ самое сердце. Съ тѣхъ поръ въ томъ и будетъ состоять брань, что возникшій грѣхъ будетъ постоянно ограждаться мыслями и представленіями противоположными. Время продолженія ея зависить отъ многообразныхъ обстоятельствъ, кои опредѣлитъ совершен-

но невозможно. Не должно только ослаблять и сколько-нибудь, даже в мысли, склоняться на сторону врага,—и побѣда несомнѣнна, ибо грѣховное движеніе не имѣетъ въ насъ твердой опоры и потому, естественно, должно скоро прекратиться. Если и послѣ сего, добросовѣстнаго впрочемъ, дѣйстванія въ защиту себя врагъ все еще стоитъ въ душѣ какъ привидѣніе, и не хочетъ уступить мѣста, то это явный знакъ, что онъ поддерживается стороннею силою; по сему и тебѣ должно обратиться къ сторонней, земной и небесной, помощи,—открыться своему наставнику и въ усердной молитвѣ призывать Господа, всѣхъ святыхъ и особенно ангела-хранителя. Преданность Богу никогда не оставалась пристыженною... Удивительная сокрыта сила въ таинствѣ покаянія. Сознаніе грѣховъ умомъ только, безъ исповѣди и разрѣшенія, неудовлетворительно для кающагося и почти всегда остается безплоднымъ для жизни. Здѣсь точно происходитъ запечатлѣніе христіанина—благодатное... Своевольно ничего нельзя взять у Господа. Неудивительно послѣ сего, что всѣ мысли и желанія спасающихся обращены ко Спасителю... Въ Немъ отрада, въ Немъ все утѣшеніе. Оттого не умолкая возвращается въ устахъ и въ сердцѣ... сладчайшее имя—Иисусъ...»

«Что дѣлаетъ подвергшійся нападенію злаго человѣка? Подавши его въ грудь, кричитъ: караулъ. На зовъ его прибѣгаетъ стража и избавляетъ его отъ бѣды. То же надо дѣлать и въ мысленной брани со страстями,—разсерчавши на страстное, надо вызывать о помощи: *Господи, помоги! Господи, Иисусе Христе, Сыне Божій, спаси меня! Божие, въ помощь мою воими, Господи, помози ми потщица!* Обратясь такъ къ Господу, ужъ не отходите отъ Него вниманіемъ къ тому, что въ насъ происходитъ, а все и стойте передъ Господомъ, умолая Его о помощи. Отъ этого врагъ, какъ огнемъ палимый, убѣжитъ немедленно. Нѣкто изъ святыхъ сказалъ: именемъ Господа Иисуса бей ратниковъ!.. Противъ Господа ничто устоять не можетъ... И бываетъ такъ, что душа тотчасъ успокаивается отъ страстныхъ при-

раженій, какъ только обратится ко Господу и воззоветъ къ Нему...»

«Была въ одномъ мѣстѣ красавица неисправнаго поведения. Правитель той страны сжалился надъ нею,—что такая красота гибнетъ, и, улучивъ время, сказалъ ей: брось шалости, я возьму тебя къ себѣ въ домъ и будешь моею женою и госпожею многихъ сокровищъ. Только смотри, будь вѣрна, а то будетъ тебѣ такая бѣда, что и вообразить ты не можешь. Она согласилась и была взята въ домъ правителя. Прежніе ея пріятели, видя, что она пропала гдѣ-то, начали искать и разыскивать,—и дознали, что она у правителя. Правитель хотъ и гроза, но они не отчаявались опять сманить къ себѣ красавицу, зная ея слабость.

«Намъ стоитъ только подойти свади дома и свистнуть, она пойметъ, въ чемъ дѣло, и тотчасъ выбѣжитъ къ намъ».

Такъ и сдѣлали. Подошли сзади къ дому и свистнули.

Красавица, услышавъ свистъ, встрепенулась. Зашевелилось было въ ней кѣто прѣжнее. Но она уже взялась за умъ и вмѣсто того, чтобы выбѣжать изъ дома, устремилась во внутреннѣйшіе покои предъ лице самого правителя, гдѣ тотчасъ и успокоилась; новыхъ свистковъ тамъ уже не слышно было. Тѣ пріятели—посвистѣли-посвистѣли, и отошли прочь ни съ чѣмъ. Смыслъ притчи сей ясенъ. Красавица эта изображаетъ падшую душу, къ Господу обратившуюся въ покаяніи и съ Нимъ сочетавшуюся, чтобы Ему Единому принадлежать и Ему Единому служить. Прежніе пріятели—страсти. Свистъ ихъ—это движеніе страстныхъ мыслей, чувствъ и пожеланій. Убѣжаніе во внутренніе покои есть укрытіе въ глубь сердца, чтобы стать тамъ предъ Господомъ. Когда это совершится внутри, обезпокоившее душу страстное, чтобы оно ни было,—отходитъ само собою, и душа успокаивается».

«Брань кончена. Благодари Господа за избавленіе отъ пораженія, но не предавайся чрезъ мѣру радости спасенія, не попускай безпечности, не ослабляй ревности,—врагъ часто притворяется только побѣжденнымъ, чтобы, когда ты

предаться чувству безопасности, нечаяннымъ нападеніемъ тѣмъ легче поразить тебя. Потому не снимай бранныхъ оружій и не забывай предохранительныхъ правилъ. Будь всегда добрымъ и бдительнымъ воиномъ. Сядь лучше и разчисти добычу, осмотри весь ходъ брани—ея начало, продолженіе и, наконецъ, что подало поводъ къ ней, что особенно усиливало и что положило ей конецъ. Это будетъ своего рода дань съ побѣжденныхъ, которая чрезвычайно облегчать будущія побѣды надъ ними; такъ стяжается, наконецъ, духовная мудрость и опытность подвижническая. Не говори никому о побѣдѣ,—это сильно раздражитъ врага, а тебя обезсилитъ. Тщеславіе, котораго при семъ избѣжать нельзя, отворитъ двери душевнаго укрѣпленія и послѣ побѣды надъ однимъ врагомъ должно будетъ сражаться съ цѣлою ихъ толпою».

«Если же и пораженъ будешь,—сокрушайся, но не бѣгай отъ Бога, не упорствуй; спѣши умягчить сердце и довести его до раскаянія. Нельзя не падать; но можно и должно, упавши, вставать. Бѣгущій спѣшно, если и споткнется на что, спѣшно встаетъ и опять устремляется по пути къ цѣли,—подражай ему. Господь нашъ подобенъ матери, которая ведетъ дитя за руку и не покидаетъ его, хотя бы онъ очень часто спотыкался и падалъ. Лучше, вмѣсто бездѣйственнаго унынія, ободраись къ новымъ подвигамъ, извлеки изъ настоящаго паденія урокъ смиренія и осматрительности, чтобы не ходить тамъ, гдѣ сколько и гдѣ нельзя не падать. Если не изгладить грѣха искреннимъ раскаяніемъ, то, получивъ нѣкоторую въ тебѣ крѣпость, онъ неминуемо повлечетъ тебя внизъ, на дно грѣшнаго моря. Грѣхъ возбуждаетъ надъ тобою и тебѣ опять нужно будетъ начинать съ первой брани; но Богъ знаетъ, будетъ ли возможно это. Можетъ быть, предавшись теперь грѣху, ты перейдешь черту обращенія; можетъ быть, послѣ уже не найдется ни одной истины, которая могла бы поразить твое сердце: можетъ быть, даже тебѣ не будетъ дарована и благодать.

Тогда еще здѣсь ты будешь принадлежать къ числу осужденныхъ на вѣчное мученіе...»

«Вообще о правилахъ брани надобно замѣтить, что они въ существѣ своемъ суть не что иное, какъ приложение всеоружія къ частнымъ случаямъ, и что потому ихъ всѣхъ изобразить нельзя. Дѣло внутренней брани непостижимо и сокровенно. Кто видѣлъ, какъ происходитъ броженіе элементовъ въ лицѣ? Кто скажетъ, въ какомъ состояніи зародышъ въ согнивающемъ зернѣ?.. Случаи чрезвычайно разнообразны; лица воюющія слишкомъ различны: что для одного соблазнъ, то для другого ничего не значить; что одного поражаетъ, къ тому другой совершенно равнодушенъ. Потому одного для всѣхъ установить невозможно. Лучшій изобрѣтатель брани—каждое лицо само для себя. Опытъ всему научить,—надобно только имѣть ревностное желаніе побѣждать себя. Первые подвижники не учились изъ книгъ, и однако же представляютъ изъ себя образцы добродѣтелей.. То, что составляетъ существо дѣла, каждый узнаетъ только изъ опыта, когда станетъ сражаться самымъ дѣломъ. И въ этомъ дѣлѣ руководителями ему остаются только собственное благоразуміе и преданіе себя Богу. Внутренній ходъ христіанской жизни въ каждомъ лицѣ приводитъ на мысль древніе подземные ходы, чрезвычайно замысловатые и сокровенные. Вступая въ нихъ, испытующій получаетъ нѣсколько наставленій въ общихъ чертахъ—тамъ сдѣлать то, тамъ—другое, здѣсь по такой-то примѣтѣ, а здѣсь по такой-то, и потомъ оставляется одинъ среди мрака, иногда съ слабымъ свѣтомъ лампы. Все дѣло у него зависитъ отъ присутствія духа, благоразумія и осматрительности и отъ невидимаго руководства. *Подобная же сокровенность и во внутренней христіанской жизни.*»

«Если будете дѣйствовать по прописанному съ безжалостною къ себѣ рѣшительностію, скоро увидите плодъ: умиротворится сердце ваше и возсіяетъ въ немъ радость о Господѣ. Отчего бываетъ немирно сердце? Отъ того, что оно гложетъ страсти. Побейте страсти, и оно восприметъ по-

кой. Одинъ изъ отцевъ уподобляетъ сердце норѣ, полной змѣй. Змѣи эти—страсти. Когда показывается что страстное изъ сердца, это то-же, что змѣя голову высовываетъ изъ норы. Бей ее по головѣ именемъ Господа, и она спрячется. Другая покажется, бей и ее! И всякую бей!! Разъ десятокъ придется такъ нанести ударъ какой змѣй-страсти, забудетъ высовываться, а то и совсѣмъ околѣетъ. Всяко, если завалить пору или не давать пищи змѣямъ, онѣ перемрутъ. Такъ и страсти замрутъ, если не давать имъ пищи сочувствіемъ къ ихъ внушеніямъ, а напротивъ съ гнѣвомъ отрывать ихъ, если только появятся...

«Съ перваго раза брань обращена вообще противъ всего грѣхознаго въ человѣкѣ; но съ продолженіемъ времени грѣхъ естественно слабѣетъ и сокращается въ объемѣ, а вмѣстѣ (съ тѣмъ) и сокращается поле брани. Видъ грѣха въ насъ есть видъ многовѣтвистаго дерева. Черезъ борьбу постепенно отсѣкается у него то та, то другая вѣтвь. Нельзя рѣшительно сказать, какая вѣтвь прежде отпадетъ, какая послѣ: ибо и здѣсь очень много значитъ естественное настроеніе и прежнее состояніе борющагося во грѣхѣ. Можно впрочемъ думать, что это отпаденіе восходитъ отъ грубѣйшаго и очевиднѣйшаго къ тончайшему и сокровеннѣйшему. Сначала терять силу плоть, потомъ вообще привязанность къ видимому, далѣе—наклонности и страсти; далѣе всѣхъ держатся коренныя возбужденія и чувства грѣхознаго сердца... Источники ихъ — тончайшая мысль, что я значу нѣчто, и значу немалое... Ничтожный мнить о себѣ нѣчто. Къ этой-то тайнѣйшей гордынѣ приближается врагъ и опутываетъ человѣка. И они-то составляютъ камни преткновенія для оставляющихъ бдительность даже на высшихъ степеняхъ духовнаго совершенства...»

«Кончится ли когда сія брань здѣсь? Вопросъ этотъ всякій пусть рѣшаетъ своимъ опытомъ. Вообще—можно только положить: борись въ надеждѣ, что сія брань содѣлается для тебя наконецъ очень легкою, что изъ непрерывной она сдѣлается перемежающеюся, и что промежутки сія все будутъ

увеличиваться и увеличиваться; но настанетъ ли на землѣ для тебя время, когда ты будешь совершенно свободенъ отъ возмущеній грѣха, это рѣшишь, когда будешь свободенъ на самомъ дѣлѣ. Макарій Великій совѣтуетъ мужественно вступать въ брань съ возстаніями грѣховными, въ полной увѣренности, что Господь, видя тѣченіе наше, дастъ наконецъ благодать безпреткновеннаго желанія добра и душевнаго мира; но, стѣжавъ сей миръ, никогда не должно думать, что мы уже свободны отъ нападеній и паденій. Душа, преданная грѣху, вся мрачна. Пусть чрезъ долгій трудъ она успѣла освѣтить двѣ свои части: другія части остаются еще не освѣщенными. Надобно беречься: сія тьма легко можетъ покрыть опять всю душу. Мутная вода отстоялась и кажется чистою: взволнуется вода, и осѣдая на дно нечистота опять разойдется по всей водѣ. Грѣховныя движенія проговоятся напряженіемъ въ какую-то невѣдомую область души, и всегда готовы возникнуть и покрыть ее. «Лаетъ, говорить Макарій Великій, скажули сердце себѣ имѣти чисто, ибо никогда сего не бываетъ въ самой вещи, дабы кто по пріятіи благодати абіе чисто сталъ; предается бо врагамъ и различнымъ искушеніямъ въ наказаніе и наученіе. Самые первые и великіе люди такъ суть предъ совершенствомъ, какъ слуга предъ господиномъ или какъ потокъ предъ Евфратомъ рѣкою.» (Сл. 1, гл. 12. 14.). Вообще мысль о совершенномъ окончаніи брани психологически невѣрна, а нравственно столько вредна, что ежели бы даже и была справедливою, то со всѣмъ тѣченіемъ надлежало бы скрывать ее и отъ себя и отъ другихъ, по причинѣ опаснѣйшихъ обольщеній, неизбежныхъ при ней.»

«Что же остается дѣлать каждому христіанину? Возмогать въ Господѣ и въ державѣ крѣпости его (Еф. 6, 10); воспріять всѣ оружія Божіи, да возможетъ противиться въ день лютей (—13), мужаться, крѣпиться, стоять: ибо только терпѣливый до конца спасенъ будетъ, и только побѣждающему дастъ Господь сѣсти съ Собою на престолѣ Своемъ (Апок. 3, 21).»

ГЛАВА III.

„Хождение предъ Богомъ“.

Земледѣлецъ не только очищаетъ ниву отъ сорныхъ травъ, но въ то же время сѣетъ и доброе сѣмя и зорко слѣдитъ за его всходомъ и ростомъ. То же и въ духовной жизни: сражаясь со страстями и злыми навиками, человѣкъ въ то же время долженъ, при помощи благодати Божіей, воспитывать въ себѣ ростокъ или начатокъ высшей духовной жизни. Положительныя условія для созрѣванія въ духовной жизни суть слѣдующія: 1) навикать постоянному памятованію и размышленію о Богѣ и Его совершенствахъ. 2) Все творить во славу Божию и 3) пребывать въ послушаніи воли Божіей.

«Внутри нестроение: это вы опытно знаете. Его надо уничтожить: этого вы хотите, на это рѣшились. Беритесь же прямо за устраненіе причины сего нестроения. Причина нестроения та, что духъ нашъ потерялъ сродную ему точку опоры. Опора его въ Богѣ. Опять вступаетъ на нее духъ памятованіемъ о Богѣ... Все съ Господомъ будьте, чтобы вы ни дѣлали, и все къ Нему обращайтесь умомъ, стараясь держать себя такъ, какъ кто держитъ себя предъ царемъ. Скоро навикните, только не бросайте и не прерывайте. Если будете добросовѣстно исполнять это небольшое правило, то этимъ внутреннее смятеніе будетъ стѣснено извнутри, и хоть будетъ прорываться то въ видѣ помысловъ пустыхъ и недолжныхъ, то въ видѣ чувствъ и желаній неумѣстныхъ, но вы тотчасъ будете замѣчать сію неправость и прогонять этихъ непрощенныхъ гостей, спѣша всякій разъ восстанавливать единомысліе о Единомъ Господѣ... Установится благоговѣйное вниманіе въ Единомъ Богѣ, а съ Нимъ придетъ и миръ внутренній... Возьмитесь поретивѣ и продолжайте не прерывая, — и скоро достигнете искомаго. Го-

ворю: скоро, однако-жъ не чрезъ день или два, потребуются, можетъ быть, мѣсяцы. О, когда бы и не годы!»

«Всякій разъ какъ придется вамъ быть одной, возобновляйте поскорѣе убѣжденіе, что Господь съ вами и ангелъ хранитель, и спѣшите воспользоваться выпавшими минутами уединенія, для неразчлененнаго пребыванія съ Господомъ и сладостной бесѣды съ Нимъ. Уединеніе въ этомъ духѣ сладостно. Желаю вамъ вкусить когда-нибудь сей сладости, чтобы желать его, какъ рая на землѣ.»

«Внимательная къ себѣ жизнь не такова, чтобы, лишая однихъ утѣшеній, не давала взамѣнъ ихъ ничего. Напротивъ, эта жизнь, съ памятію о Богѣ и слѣдованіемъ своей совѣсти, сама въ себѣ есть неистощимый источникъ радостей духовныхъ, сравнительно съ которыми радости земныя, что полныя предъ медомъ.»

«Стремленіе къ Богу — цѣль. Но сначала оно — лишь въ намѣреніи, искомое. Должно сдѣлать его дѣйствительнымъ, живымъ, какъ естественное тяготѣніе, сладостное, охотное, неудержимое. Только такого рода тяготѣніе и показываетъ, что мы — въ своемъ чинѣ, что Богъ воспріимлетъ насъ, что мы идемъ къ Нему. Когда желѣзо тянется къ магниту, это значитъ, что прикасается къ нему сила магнитная; то-же и въ духовномъ отношеніи: тогда только и видно, что Богъ касается насъ, когда это есть живое стремленіе, — когда духъ, минуя все, устремляется къ Богу, восхищается. Сначала не бываетъ этого, — человѣкъ ревнующій весь обращенъ на себя, хоть и для Бога; но это возрѣніе на Бога есть голько мысленное. Еще Господь не даетъ вкусить Себя да и человѣкъ неспособенъ, потому что нечистъ. Онъ служитъ Богу, какъ сказать, безвкусно. Потомъ, по мѣрѣ очищенія и исправленія сердца, начинаетъ ощущать сладости въ богоугодной жизни. съ любовію и охотою ходить въ ней, — она становится его улаждающею стихіею. Душа начинаетъ отрываться отъ всего, какъ отъ холода, и тяготѣть къ Богу, согрѣвающему ее. Полагаются начатки сего тяготѣнія въ духѣ, ревнующемъ божественною благодатію. Ея же

наитіями и руководством и зрѣть оно среди указанного порядка, коимъ пятается даже безъ вѣдома самаго дѣйствователя. Знаменіе сего рожденія суть: охотное, тихое, не напряженное внутри-пробываніе предъ Богомъ, сопровождаемое чувствомъ благоговѣнія, страха, радости и т. п. Прежде внутри себя втѣснялъ себя духъ, а теперь самъ устанавливается тамъ и стоитъ несклонно. Ему радостно быть тамъ одному съ Богомъ въ удаленіи отъ другихъ, или безъ вниманія ко всему внѣшнему. Онъ обрѣтаетъ внутри себя царство Божіе, которое есть миръ и радость о Духѣ Святѣ. Такое погруженіе внутри, или погруженіе въ Бога, называется умнымъ безмолвіемъ или восхищеніемъ къ Богу. Бываетъ оно преходящимъ, но должно сдѣлать его постояннымъ, потому что въ этомъ — цѣль. Богъ въ насъ, когда духъ нашъ въ Богѣ истинно, ибо это есть не мысленное общеніе, а живое, безмолвное, отчужденное отъ всего, погруженіе въ Бога. Какъ лучъ солнца уносить каплю росы, такъ и Господь восхищаетъ духъ, прикасаясь къ нему. *Взя ми духъ*—говоритъ пророкъ. Многие изъ святыхъ бывали постоянно въ восхищеніи къ Богу, а на иныхъ духъ нападалъ временно, но часто. Такъ и начинается, и зрѣть, и совершенствуется такое тяготѣніе, или вступленіе въ Бога, божественною благодатію въ томъ, кто ищетъ Бога искренно, добросовѣстно, усердно.»

«Существенное условіе для сего есть очищеніе сердца для принятія влекущаго Бога: *чисти сердце твое, Боже узритъ*. Потому всѣ подвиги, упражненія и дѣла суть необходимое, неминущее къ тому приготовленіе. Только всѣ они должны быть проходимы должнымъ образомъ, и именно съ направленіемъ къ сему.»

«Рѣшительный же шагъ въ восхожденіи къ Богу, самое предверіе богообщенія есть совершенное преданіе Ему себя, послѣ коего Онъ уже есть дѣйствующъ, а не человѣкъ. Въ чемъ вся сила, или чего мы ищемъ?—Богообщенія, того, то-есть, чтобы Богъ вселился въ насъ и началъ ходить въ насъ, облекся какъ бы въ нашъ духъ, правилъ и его разу-

момъ, и волею, и чувствомъ, чтобы и *еще хотѣти и еще дѣлати* въ насъ было бы Его дѣломъ, чтобы Онъ былъ дѣйствующъ все во всемъ, а мы сдѣлались бы орудіями Его, или дѣемыми отъ Него, и въ помышленіяхъ, и хотѣніяхъ, и чувствахъ, и словахъ, и дѣлахъ. Этого ищетъ Господь, Владыка всяческихъ, ибо Онъ одинъ все въ тваряхъ дѣлаетъ чрезъ твари же. Того же долженъ искать и появившій себя духъ».

«Предавшій себя Богу, или удостоившійся сего дара, начинаетъ быть дѣйствующимъ отъ Бога и пребывать въ Немъ. Свобода не уничтожается, а существуетъ, ибо самопреданіе не есть окончательный, утвержденный актъ, а непрестанно повторяемый. Человѣкъ повергаетъ себя Богу, и Богъ беретъ его и дѣйствуетъ въ немъ, или его силами. Въ этомъ — жизнь духа нашего истинная, божественная. Повергающій себя въ руки Божіи пріемлетъ объ Бога и дѣйствуетъ тѣмъ, что пріемлетъ. Это — живой союзъ, жизнь въ Богѣ, утвержденіе въ Немъ всѣмъ существомъ: мыслію, сердцемъ, волею.»

Въ духовной жизни человѣка эта жизнь выражается въ «хожденіи предъ Богомъ» богомысліи, молитвѣ и послушаніи Его волѣ.

Вотъ дивныя наставленія почившаго святителя относительно «хожденія предъ Богомъ» — и въ то же время — выразительное свидѣтельство о его внутренней, сокровенной въ Богѣ жизни.

«Богъ безконечный непостижимъ въ Своемъ бытіи, въ Своихъ совершенствахъ и дѣйствіяхъ: изумляйся! то-есть, поставляя себя и держи въ такомъ состояніи, въ коемъ, при живомъ сознаніи сокровеннѣйшей непостижимости Великаго Бога, прекращается всякое движеніе духа и водворяется въ немъ глубокое нѣкое молчаніе, какъ бы замираніе жизни. Когда трезвая мысль минетъ всѣ твари, перенесется за предѣлы міра и погрузится въ созерцаніе Бога; тогда находитъ, что, какъ несомнѣнно то, что Онъ есть, такъ несомнѣнно и то, что Онъ не есть что-либо изъ знаемаго въ тваряхъ: ни сила, ни свѣтъ, ни жизнь, ни умъ, ни слово, ни мысль, и вообще ничто изъ представляемаго умомъ

нашимъ, и потомъ, когда обведетъ однимъ взоромъ всѣ сіи отрицанія, то вводится мгновенно въ божественный нѣкоторый мракъ, въ коемъ не можетъ зрѣть ничего, кромѣ необъятной, преисполненной существенностей безпредѣльности, поражающей глубоко и налагающей молчаніе на слово и мысль. Это состояніе возвышеннѣйшее, до коего только можетъ доходить земная тварь. Человѣкъ тогда восхищается до состоянія серафимовъ. Это то же, какъ если бы кто входилъ въ тронную величайшаго изъ царей: первый взоръ на царя—и все поражаетъ его до онѣмѣнія. Въ такое состояніе человѣкъ можетъ восходить и изъ сознанія вообще непостижимости божественнаго существа и каждаго Его свойства, ибо и каждое Его свойство также непостижимо и изумительно, какъ Онъ Самъ. Апостолъ Павелъ взываетъ: *о глубина богатства премудрости и разума Божія! кто разумъ умъ Господень?..* (Рим. 11, 33—37. 1 Кор. 2, 16). Это о разумѣ. Но такъ же непостижимо и всякое Его свойство, и всякое Его твореніе, и всякое дѣло Его промышленія. Дивны дѣла Твоя, Господи! Восходить къ сему изумленію можетъ всякій самъ чрезъ отрѣшенное и покойное углубленіе; могутъ помочь въ семъ дѣлѣ и изображенія сего свойства у святыхъ отцевъ, какъ, напр., у Діонисія Ареопагита о таинственномъ богословіи, у св. Іоанна Златоустаго—слово о непостижимомъ, и другихъ. Но чтобы воспитать къ тому способность, легче начать съ созерцанія дѣлъ, восходить до созерцанія совершенствъ, а наконецъ востечь и на самый верхъ, къ сознанію непостижимости существа божественнаго. Какъ кто возможетъ, только должно сіе дѣлать, ибо здѣсь совершается въ духѣ самое истинное приличнѣйшее поклоненіе твари Творцу и Господу. Само собой разумѣется, что чувство сіе имѣетъ разныя степени; но каждое—свою, и каждый пусть совершаетъ дѣло сіе по силамъ своимъ. Моисей восходитъ на самый верхъ горы и скрывается въ облакѣ, другіе стоятъ на полугорѣ, а третьи у подножія. Это образъ трехъ состояній людѣй, восходящихъ къ постиженію и сознанію непостижимости безпредѣльнаго

Бога. *Значитъ, никто не долженъ отказываться неумѣиємъ или незнаніемъ дѣла сего.*

«Богъ безконечно великъ: падай въ униженіи, проникайся благоговѣйнымъ страхомъ и трепетомъ, созерцай величіе Божіе. Первое у вошедшаго въ тронную, какъ замѣчено, есть молчаливое изумленіе, въ коемъ нѣтъ ни одного представленія раздѣльнаго. Вошедшій не успѣлъ еще осмотрѣться, или различить себя и царя съ его величіемъ. Затѣмъ первая мысль послѣ того, какъ онъ придетъ въ себя, это—величіе царя и своя малость. То же и въ отношеніи къ Богу. Когда мысль погрузится въ Безпредѣльнаго и выйдетъ изъ себя, то исчезаетъ въ глубокомъ изумленіи.»

«Но лишь только обратится къ себѣ, то, принося съ собою сознаніе безпредѣльнаго и въ сей же актѣ, какъ бы налагая его на свое ничтожество, поражается, какъ ударомъ какимъ, сею несоизмѣримостію и падаетъ въ благоговѣйномъ трепетѣ въ прахъ предъ созерцаемымъ величіемъ Бога, при сознаніи своего ничточества. Но должно знать, что сей страхъ не имѣетъ муки. Имъ поражаться сладостно, какъ и вообще всякое мысленное, но истинное прикосновеніе духа нашего къ Богу, изъ Коего онъ, есть сладостно и блаженно. Сила сего благоговѣйнаго страха велика: онъ проходитъ до раздѣленія души и духа, членовъ же и мозговъ, какъ бы истощаетъ и истончаетъ духовнымъ дѣйствіемъ своимъ и душу и тѣло. Чувствующій его падаетъ ницъ, готовъ бы пройти въ утробу земли, сквозь всѣ твари, въ безду—туда, гдѣ нѣтъ ничего, отъ сознанія своего ничточества и величія Божія. Но при всемъ томъ ему пріятно пребывать въ семъ состояніи: оно разливаетъ отрадную прохладу въ существѣ его, можетъ быть, отъ того, что—есть истинное стояніе твари въ отношеніи къ Творцу, или оттого, что здѣсь совершается истинное, а не мысленное проникновеніе ея существа силою и дѣйствіемъ Божества. Отъ того плодомъ благоговѣйнаго страха всегда бываетъ отрезвленіе, освѣженіе, очищеніе духа. Какъ молнія, проходя пространства воздушныя, пожигаетъ тамъ всякую не-

чистоту и примѣсь и дѣлаеть воздухъ чистымъ; такъ и огонь божества, при благоговѣйномъ страхѣ, поядаетъ нечистоту духа и очищаетъ его, какъ злато въ горнилѣ. Потому, всѣ проходившіе степени совершенства, существеннымъ условіемъ къ тому, а вмѣстѣ могущественнѣйшимъ средствомъ, признають сей благоговѣйный страхъ. И во всемъ пространствѣ Слова Божія онъ поставляется и обязанностию существенно, и вмѣстѣ отличительнымъ свойствомъ людей истинно благочестивыхъ. *Бойтесь Бога вси святіи Его* (Пс. 33, 10). *Работайте Господеву со страхомъ и радуйтесь Ему съ трепетомъ* (Пс. 2, 11). Надобно однакожь различать страхъ начальный отъ страха совершенныхъ. Тотъ мучить и паводить ужасъ и трепетъ отъ ожиданія казни за грѣхъ. И этотъ существенно необходимый въ первоначальномъ пробужденіи грѣшника, но, какъ переходный актъ, не можетъ быть обращенъ въ обязанность и даже, по существу дѣла, не можетъ быть навсегда удержанъ въ душѣ, хотя иногда находить и послѣ и считается дѣйствительнѣйшимъ средствомъ для обузданія ярыхъ страстей. Истинный страхъ, свойственный совершеннымъ, умляетъ. Онъ раждается по вкушеніи любви и пребываетъ въ неразрывномъ союзѣ съ нею, то освѣжая, то согрѣвая духъ нашъ. Онъ долженъ быть поставленъ цѣлю. Къ нему взойти и его укоренить навсегда въ духѣ есть обязанность, ибо въ немъ только и есть истина стоянія твари предъ лицомъ Творца. Способъ возбужденія и воспитанія его въ себѣ опредѣляется его составомъ. Напрягись сознать свое ничтожество и величіе Бога въ одно время въ углубленнѣйшемъ и отрѣшеннѣйшемъ состояніи духа. Дѣлай это чаще, особенно утромъ, вечеромъ, въ полночь!.. Когда сіе дѣйствіе превратится въ обычай, въ духѣ вкоренится дѣйствіе страха Божія, или непрерывный страхъ. Напротивъ, разсѣянность, самоуниженіе, богозабвеніе суть враги страха Божія. Отъ нихъ онъ погасаетъ, какъ огонь отъ воды, и свѣча отъ дуновенія вѣтра.

«Богъ всесовершенъ: восхваляй и славославь Его. Вошедшій въ тропню, продолжимъ сравненіе, послѣ страха опять

обращается къ тому, что навело его, и гдѣ прежде ничего не видалъ, теперь начинаетъ различать одно за другимъ и лицо, и корону, и порфиру, и тронъ, и все украшеніе его и, находя все это совершеннымъ, не можетъ удержаться отъ чувствъ, а иногда и знаковъ одобренія. И вотъ онъ въ состояніи воздаванія разумной славы царю. То же бываетъ и въ отношеніи къ Богу. Когда возникшій отъ страха и самоуниженія духъ возвращается во внутренній покой свой и смиренно предается святому Богомыслию, тогда открываются его внутреннему оку и въ своей мѣрѣ постигаются совершенства Божія, кои, различаясь во взаимномъ союзѣ и соприкосновеніи, раждаютъ и впечатлѣваютъ въ умъ одну мысль, или одинъ ликъ всесовершенства Божія. *Это есть возвышеннѣйшее и изысканнѣйшее, что только можетъ породить конечный и творный умъ.* Потому, когда сія мысль, или созерцаніе, посѣтитъ внутреннюю храмину нашего духа и исполнитъ его свѣтомъ и величіемъ своимъ, тогда кто изъяснить радость его и восхищеніе? Всѣ кости его, то есть, всѣ малѣйшія движущіяся части его существа начинаютъ, во внутреннемъ, неурожимомъ иѣкоторомъ выгравнѣи, восклицать: *коль славенъ Господь и Богъ нашъ!* Восхитительная радость духа, созерцающаго въ себѣ всесовершенство Бога, есть уже славословіе, совершающееся внутри, или состояніе славословія, въ коемъ духъ изъ себя и въ себѣ возноситъ Богу жертву хвалы. Славословіе Богу, выражаемое словомъ, есть плодъ ея, всегда впрочемъ ниспій, или несоотвѣтствующій не только Богу, но и тому, что ощущается въ духѣ. *Ни единоеже слово довольно будетъ къ тѣнью чудесъ Твоихъ,* долженъ заключить и заключаетъ всякій, составляющій Богу хвалебныя пѣсни. *Богославеніе въ духѣ есть отраднѣйшее состояніе и восхищенія, и радости, и веселія духовнаго,* но все сіе о единомъ Богѣ и о томъ, что Онъ есть таковъ, хвалимый и превозносимый. Сію хвалу возбудить можетъ и всякое совершенство Божіе, и всякое Его дѣло, даже къ намъ относящееся; но въ самомъ дѣйствіи хвалы все другое устраняется, видится одинъ Богъ и

совершенство Его дѣйствій. Это—жертва безкорыстѣйшая. Можно сказать, что въ семъ—жизнь нашего духа истинная, или истинное причащеніе жизни божественной. Какъ въ страхъ Богъ проникаетъ насъ и какъ бы разжигаетъ огнемъ Божества, такъ въ семъ богохваленіи нашъ духъ проникаетъ или воспріимается въ Бога и приобщается Его всеблаженства. Восходить въ сіе состояніе, или желать и искать быть возводиму въ него, сколько естественно духу и многоплодно для него, столько же и обязательно, ибо симъ воздается должное Господу и Богу нашему. Потому въ Словѣ Божіемъ во многихъ мѣстахъ предписывается хвалить Господа и даются образцы сего хваленія. Подобно имъ, и всѣ святые, восходившіе въ сіе состояніе, изображали совершенство Божіе въ словѣ и оставляли намъ свои хвалебныя пѣсни. Прочитывать сіи пѣсни съ углубленіемъ и напряженіемъ—необходимо. Это начало или часть исполненія обязанности Богохваленія. Не иначе, какъ черезъ нихъ, восходить человѣкъ и къ дузовному богохваленію мысленному. Онѣ суть воспитатели его, которыхъ не должно однакожъ оставлять и послѣ уже того, какъ образуется свое внутреннее. Чтобы восходить на верхъ, надобно имѣть лѣстницу. Но и кто взошелъ однажды, не отбрасываетъ ея, потому что она и послѣ будетъ нужна. Обыкновенно начинать должно славословіе преданными намъ пѣснями всякій разъ, а тамъ умолкни, когда начнетъ славословить духъ. Самое производство славословія или останавливается на всемъ совершенствѣ, или на одномъ какомъ совершенствѣ, или переходитъ отъ одного къ другому. Но это не есть холодное созерцаніе свойствъ Божіихъ, а живое ощущеніе ихъ, съ радостію и восхищеніемъ того ради, что таковы они въ нашемъ Богѣ. Поставлять себя въ сіе состояніе сколько можно чаще—спасительно. Нельзя лучше отрѣшиться духа отъ всякой примѣси земной и отъ всего чувственного, какъ такъ, ибо въ семъ дѣйствіи онъ удостоивается вкусить сладость, съ которою сравниться ничто не можетъ.»

«Богъ вездѣ есть, все видитъ и все исполняетъ: *ходи предъ*

Богомъ. Когда царь осматривается вокругъ себя съ высоты престола своего, то всякій изъ присутствующихъ держитъ себя такъ осторожно, какъ бы царь на него одного смотрѣлъ,—такъ, какъ бы тутъ были одинъ только онъ и царь, забывая все прочее. Царь нравственного міра, Богъ, не только все видитъ, но и все исполняетъ существомъ Своимъ,—естъ вездѣ весь и видитъ не внѣшнее только, но и внутреннѣйшее, и притомъ полнѣе и совѣршеннѣе, нежели какъ видать себя тотъ, кого Онъ видитъ. Всякая разумная тварь обязана, какъ помнить сіе вездѣприсутствіе и всевѣдѣніе Божіе, такъ и располагать дѣла свои и внутреннія, и внѣшнія съ чувствомъ его, стоя какъ бы предъ очами Бога, подъ Его взоромъ, до того, чтобъ все другое выходило изъ мысли и вниманія, а былъ только онъ—дѣйствующій—и Богъ, выдающій его и дѣло его, или, что тоже, ходитъ предъ Богомъ, ибо настроеніе духа—дѣйствовать какъ предъ очами Божіими есть хожденіе предъ Богомъ. Оно обязательно для всѣхъ... Помни или не помни ты, но Богъ все видитъ, и дѣла твои всѣ открыты Ему, или совершаются предъ лицомъ Его. Такъ зачѣмъ скрывать истину и превращать ее въ ложь? Что къ сей мысли должно прилагать и богоприличное расположеніе дѣлъ, сего требуетъ почитаніе Бога. Когда сынъ предъ лицомъ отца, или поданный предъ лицомъ царя дѣйствуютъ, забывая о достоинствѣ ихъ, то тѣмъ оскорбляютъ ихъ. Потому любящіе Бога и боящіеся Его *предъряти Его предъ собою выну* (Пс. 15, 8), то-есть, обращаютъ это себѣ въ характеръ и, что ни дѣлаютъ, сознаютъ, что око Божіе обращено на нихъ. Въ помощь при семъ, или для воспитанія сего чувства употребляютъ разныя средства: иные зрятъ Бога одесную себя, какъ Св. Давидъ, иные око Божіе, утвержденное надъ собою, созерцаютъ; *иные мысленно простираютъ свѣтъ Божій вокругъ себя, какъ бы нѣкоторую духовную атмосферу, въ коей, какъ въ скинни, укрываются и витаютъ душою неистощно, или пребываютъ какъ въ безопасномъ пристанищѣ.* Все сіе впрочемъ средства. Богъ же не имѣетъ вида или образа, потому истинно любя-

щіе всіми мѣрами стараются возводить себя въ состояніе зрѣть Господа предъ собою безъ образа, мыслію простою, чистою. Это верхъ совершенства въ хожденіи предъ Богомъ. Плоды сего хожденія безчисленны; но, главное, отъ него естественно переходить въ жизнь нашу чистота и непорочность словъ, мыслей, желаній, дѣлъ. *Благоугождай предо Мною и будь непороченъ*, говоритъ Богъ Аврааму (Быт. 17, 1). Св. Давидъ зрѣлъ Господа предъ собою, да неподвижется, т.-е., чтобы не допустить какого неправдаго движенія (Пс. 15, 8). Тутъ не нужно и прибавлять: «когда зришь Бога, бѣгай неправды», ибо само зрѣніе отвратитъ отъ нея... Потому, можно сказать, *заповѣдь о хожденіи предъ Богомъ есть то же, что и заповѣдь о Богоугожденіи*. Другой плодъ отъ сего есть нѣкоторая теплота духа. Зрѣніе Бога не можетъ быть холоднымъ, если оно есть истинное. По мѣрѣ усовершенія въ лицезрѣніи Божию возростаеиъ и теплота. Послѣ же они сливаются, и какъ лицезрѣніе, такъ и теплота превращаются въ единое, непрерывное дѣйствіе духа. Такое настроеніе духа есть самое лучшее приготовленіе къ будущему, всеблаженному лицезрѣнію Бога. Кто утвердился въ немъ, тотъ стоитъ уже въ преддверіи рая, созрѣлъ для него. Всякій же, кто не умѣетъ зрѣть Бога или помысливши о Немъ, отвращается отъ Него, чувствуя, что это непріятно и страшно и ко многому обязываетъ, пусть позаботится о себѣ; ибо отъ сего можно заключить и о будущемъ. Обыкновенный противъ сего грѣхъ есть Богозабвеніе, или непамятованіе Бога; въ развратныхъ—намѣренное себя развлеченіе, чтобы умъ не видалъ лица Божія, не тревожилъ ихъ сна и не разгонялъ мрака грѣховнаго.»

«Изумленіе, благоговѣйный страхъ, радостное Богохваленіе и хожденіе предъ Богомъ объемлютъ собою по преимуществу жизнь въ Богѣ. Это потому, что во всѣхъ ихъ и человѣкъ самъ, и всякая тварь исчезаютъ изъ мысли; а созерцается одинъ Богъ. Здѣсь представлено, что сіи расположенія раждаютъ себя взаимно, или выражаются одно изъ другаго, какъ и вообще все въ духѣ. У иныхъ, можетъ быть,

возбужденіе и развитіе ихъ совершается не тѣмъ путемъ, какъ здѣсь представлено, но обратно... Ходящій предъ Богомъ посвящается въ вѣдѣніе совершенствъ Божіихъ и всего всесовершенства и навѣяетъ Богохваленію. Восшедшій до сего еще глубже входитъ въ Божество и стяжеваетъ благоговѣйный страхъ. Кто же послѣ сего возносится за все, различаемое въ Богѣ, тотъ вкушаетъ изумленіе. Это предѣлъ, за который уже и заходить нельзя. Кто прошелъ всѣ сіи степени, тотъ находится въ блаженнѣйшемъ состояніи и прежде онаго вѣка живетъ въ немъ, переходя отъ изумленія къ благоговѣнію, а отъ сего къ Богохваленію, хода, или духовно движась, какъ въ домѣ какомъ, въ Божественномъ лицезрѣніи, исполненномъ свѣта и чистоты пренебесной. Вотъ и жизнь въ Богѣ!»

«Вотъ куда восходить чрезъ Господа Иисуса Христа, чего наконецъ сподобляются и какимъ образомъ! Богъ и Отецъ Господа нашего Иисуса Христа да дастъ вамъ по богатству славы Своея, силою утвердиться духомъ Его во внутреннемъ человѣцѣ, вселитися Христу вѣрою въ сердца ваша, да можете разумѣти со всѣми святыми, что широта и долгота, и глубина, и высота... да исполнятся во всяко исполненіе Божіе (Еф. 3, 16—19)!!!»

Глава IV.

Безмолвіе, безстрастіе и молитва.

Богомысліе, да и вообще истинно-духовная жизнь невозможны безъ молитвы и неизбѣжно сопровождаются и, такъ сказать, проникаются ею. «Она есть вмѣстѣ или поприще всей духовной жизни, или самая духовная жизнь *въ движеніи и дѣйствіи*. Ибо что есть молитва? Есть возношеніе ума и сердца нашего къ Богу... Посему, какъ скоро приходитъ въ движеніе какое-либо благочестивое чувство, движется и молитва... Можно сказать, что молиться значитъ приводить въ движеніе благочестивыя чувства и располо-

женія, каждое отдѣльно или всѣ совмѣстно, или одно за другимъ, или, что тоже, возбуждать, оживлять и возгнѣвать жизнь и духъ благочестія. Кто не молится, у того нѣтъ благочестія, и у кого нѣтъ благочестія, тому какъ молиться?

«Если теперь благочестіе есть жизнь нашего духа, то понятно, почему только умѣющаго молиться должно назвать имѣющимъ духъ. Кто-то опредѣляетъ молитву дыханіемъ духа*). Она и есть дыханіе духа... Какъ въ дыханіи расширяются легкія и тѣмъ привлекаютъ животворныя стихіи воздуха, такъ и въ молитвѣ разверзаются глубины нашего сердца и духъ возносится къ Богу, чтобы приобщеніемъ къ Нему воспріять соотвѣтственный даръ. И какъ тамъ кислородъ, принятый въ дыханіи чрезъ кровь, расходится потомъ по всему тѣлу и оживляетъ его, такъ и здѣсь принятое отъ Бога входитъ во внутренняя наша и оживотворяетъ тамъ все... *Молитва* есть оживотвореніе духа, нѣкоторое какъ бы его обоженіе. Кто бываетъ въ мураварицѣ, напитьсявается муromъ, кто же возносится къ Богу, исполняется Божествомъ...»

Само собой разумѣется, къ молитвѣ нельзя приступать безъ особаго приготовленія.

Прежде всего «необходимо особое мѣсто, если можно, уединенное и къ тому опредѣленное, предъ святою иконою, съ возженіемъ свѣчи или лампы; необходимо особое время, утромъ и вечеромъ, или въ другіе часы, прилѣнительно къ часамъ церковныхъ службъ; необходимо особое положеніе тѣла, стамое или колѣнопреклоненное, съ благочиніемъ и напряженіемъ.»

«Приступающій къ сему молитвованію прежде всего долженъ возвратитъ умъ свой изъ разсѣянія и собраться въ себя, отрясть всѣ заботы, или, сколько можно, утишить ихъ, и поставить себя въ живѣйшее сознаніе присутствія

*) Сравни. о. Іоанна И. С. Кронштадтскаго „Моя жизнь во Христѣ“: „молитва есть дыханіе души, какъ воздухъ дыханіе естественное тѣла.“ Ч. II. 352.

Бога вездѣсущаго, всевѣдущаго и всевидящаго. Это есть какъ бы созданіе внутренней молитвенной клѣти, въ которую удалиться повелѣлъ Господь (Мф. 6, 6), тоже, что временно поставляемая скинія.»

«Устроившись такъ, совершай самое молитвованіе: тихо, благоговѣйно, разумно читай избранныя и установленныя молитвы, перемеживая ихъ поклонами съ крестнымъ знаменіемъ, полными или земными, или колѣнопреклоненіемъ, всемѣрно напрягаясь вѣдрать въ сердце читаемое и возбудить въ немъ соотвѣтственныя чувства. Когда согрѣется сердце или возбудится какое чувство, остановись и не продолжай читать и опять останавливайся, когда возродится чувство. Въ этомъ и все производство молитвословія...»

«Инымъ кажется, что такой образъ молитвы имѣетъ въ себѣ много вещественнаго, стихійнаго; *тѣлесное же обученіе малѣе есть полезно*, учитъ Апостолъ (1 Тим. 4, 8). А иные совсѣмъ хотятъ отнять у молитвы все внѣшнее, оставаясь при одномъ внутреннемъ. Это заблужденіе древнее. Оно въ самомъ началѣ было замѣчено и отвергнуто святыми отцами. Плоду предшествуетъ цвѣтъ, листу почка и оживленіе вѣтвей. Въ вещественномъ необходима постепенность, — необходима она и въ духовномъ. Внутренняя молитва есть плодъ: надобно много трудиться, пока онъ зародится. Можно назначить три степени молитвы. На первой она бываетъ преимущественно внѣшняя: чтенія, поклоны, бдѣнія и проч... Съ сего начинаютъ, и иные довольно долго трудятся надъ собою, пока появятся начатки молитвы, или легкія движенія молитвеннаго духа... Молитва, какъ высшій даръ, вислопывается какъ бы по калѣ малой—малой, чтобы научить человѣка дорого цѣнить ее. На второй степени въ ней тѣлесное съ духовнымъ являются въ равной силѣ. Здѣсь каждое слово молитвы сопровождается соотвѣтственнымъ чувствомъ, или внутреннія молитвенныя движенія, внутренно движимыя, изъясняются и изъясняются своимъ словомъ... Это повсюднѣйшая молитва, общая всѣмъ почти. Она обыкновенна въ томъ, въ комъ живъ духъ благочестія. На третьей

степени въ молитвѣ преобладаетъ внутреннее или духовное,—когда и безъ словъ, и безъ поклоновъ, и даже безъ размышленія, и безъ всякаго образа, при нѣкоторомъ молчаніи или безмолвіи, въ глубинѣ духа совершается дѣйство молитвы. Эта молитва не ограничивается ни временемъ, ни мѣстомъ, ни другимъ чѣмъ внѣшнимъ и можетъ никогда не прекращаться. Почему и называется дѣйствомъ молитвы, т.-е., чѣмъ-то пребывающимъ неизмѣнно. Вотъ собственно внутренняя молитва!.. Гдѣ во всей полнотѣ, силѣ и красотѣ является жизнь въ Богѣ? На высшихъ степеняхъ молитвы. Такъ велика сила молитвы и такъ высоко ея значеніе!.. Кто умѣетъ молиться, тотъ уже спасается...»

«Попріще Богообшенія, область, въ коей оно образуется и дѣйствуетъ, есть умнаа духовная молитва... Молящійся пребываетъ въ Богѣ и, сѣдовательно, очень готовъ и способенъ къ тому, чтобы и Богъ сталъ пребывать въ немъ.»

«У кого начали появляться эти невольныя влеченія внутри и эти восхищенія къ Богу, и особенно у кого начали дѣйствовать совершенное преданіе себя Богу и непрестанная молитва, тотъ готовъ и способенъ вступать въ безмолвіе. Только онъ и силенъ вынести этотъ подвигъ и проходить его съ плодомъ. Удержать такого въ обществѣ и сожительство съ другими невозможно.»

«Что гнало Арсенія Великаго отъ людей? Это тяготѣние внутри предъ Богомъ. *«Люблю васъ», говорилъ онъ, «но не могу быть вмѣстѣ съ Богомъ и съ людьми».* — «Истинный безмолвникъ», говоритъ Іоаннъ Лѣтвичникъ, «не желая лишиться сладости Божіей, такъ удаляется отъ всѣхъ людей, безъ ненависти къ нимъ, какъ усердно другіе съ ними сближаются.»

«Выписываемъ нужное къ понятію о безмолвіи изъ 27 слова «Лѣтвицы.»

Есть безмолвіе внѣшнее, когда кто, отъ всѣхъ отдѣлившись, живетъ одинъ; и есть безмолвіе внутреннее, когда кто въ духѣ одинъ съ Богомъ пребываетъ не напряженно, а свободно, какъ свободно грудь дышитъ, и глазъ видитъ.

Они совмѣстны, но первому безъ послѣдняго нельзя быть. Посему собственно безмолвникъ тотъ, кто существо безтѣлесное—душу свою усиливается удерживать въ предѣлахъ тѣлеснаго дома. Пусть келія безмолвника заключаетъ въ себѣ тѣло его, а сіе послѣднее имѣетъ въ себѣ хранищу разума!»

«Единственное и неизбѣжное условіе къ такой жизни есть отрѣшеніе отъ себя и отъ всего тварнаго, или безстрастіе. Духъ выдти долженъ изъ міра сего въ міръ премірный и съ собою не вносить туда ничего тѣлеснаго. *Како вышелъ еси сѣмо, не имый однѣя брачна?* скажутъ тому, кто вышелъ бы туда, еслибъ сіе было возможно, съ какимъ-нибудь пристрастіемъ, какъ бы въ изорванномъ рубищѣ. Но то несомѣнно, что, при какомъ бы то ни было пристрастіи, не бываетъ восхожденія къ Богу. Бываетъ, правда, лѣсть въ духѣ, когда ему чудится, что онъ живетъ въ Богѣ. Но какъ привязанная птица и полетитъ, и опять падаетъ на землю, хотя привязана за малѣйшій членъ,—какъ запрошившій глазъ и открываетъ его, но ничего не видитъ имъ: такъ и имѣющій пристрастіе думаетъ, будто углубился въ Бога, по тѣмъ только себя обманываетъ. Въ семъ состояніи бывають ложныя видѣнія, обольщенія фантазіи, а вмѣстѣ и обаянія сатаны, который любитъ и умѣетъ пользоваться всякою нашею слабостью. Многие отъ сего навсегда погибли. Однакожъ это не должно служить укоромъ истинѣ, или останавливать усердіе и желаніе ищущихъ. Слѣдуетъ только не забывать мудрыхъ правилъ, оставленныхъ Богомудрыми отцами, то-есть, устремляясь къ Богу, не забывать и отрѣшенія отъ всего и строже начать съ послѣдняго, или преимущественно обратиться на него; потому что первое нѣкоторымъ образомъ естественно духу, который, по отрѣшеніи отъ держащихъ его узъ чувственности, не имѣетъ куда войти, кромѣ области Божественной. Въ степеняхъ сего отрѣшенія различаютъ сначала болѣзненное отторганіе сердца отъ вещей чувственныхъ чрезъ гнѣвъ, потомъ безкусіе къ намѣ, а далѣе созерцаніе ихъ изъ Бога, не отвдающее отъ Бога.

Для отрѣшенія отъ всего, а равно и для жизни въ Богѣ, всего лучше избрать желающимъ, способнымъ, призваннымъ особый родъ жизни—монашескій, или отшельнический. При семъ удобнѣе то и другое является во всей своей чистотѣ и зрѣлости. *И въ порядкѣ обыкновенной жизни сіе не невозможно, но сопряжено съ большими трудностями и препятствіями. Лучше бываетъ, когда кто, утвердившись жить въ Богѣ въ удаленіи отъ міра, исходитъ и вызывается потомъ въ общую жизнь на дѣланіе.* Въ томъ жизнь по Богу имѣетъ особое дѣйствіе, тотъ есть представитель Бога для людей, разносящій Его благословеніе на все... Но опять и къ отшельничеству восходятъ по опредѣленнымъ правиламъ, отеческимъ образомъ, *съ долгимъ и опаснымъ себя испытаніемъ.»*

«На безмолвіе не потянетъ того, кто не вкусилъ еще сладости Божіей; сладости же сей не вкусить тотъ, кто не побѣдилъ еще страстей. Недугующій душевною страстію и покушающійся на безмолвіе подобенъ тому, кто соскочилъ съ корабля въ пучину и думаетъ безбѣдно достигнуть берега на доскѣ.»

«Никто изъ тѣхъ, которые подвержены раздражительности и возношенію, лицемѣрію и памятозлобію, да не дерзнетъ когда-либо увидѣть и слѣдъ безмолвія безъ того, чтобы не впасть въ изступленіе ума.»

«Вкусившій сладости Божіей стремится на безмолвіе, что бы ненасытно насыщаться имъ, безъ всякихъ препонъ, и непрестанно порождать въ себѣ огонь огнемъ, раченіе раченіемъ и вождельніе вождельніемъ. Посему безмолвникъ есть земной образъ ангела; на хартіи вождельнія, рукописаніемъ тѣнанія, о:водилъ онъ молитву свою отъ лѣности и нерадѣнія... Безмолвникъ—тотъ, кто духовно подвижно вопіетъ: готово сердце мое, Боже! Безмолвникъ—тотъ, кто говоритъ: азъ сплю, а сердце мое бдитъ.»

«Такимъ образомъ, все занятіе безмолвника — быть съ Единнымъ Господомъ, съ Коемъ и бесѣдуетъ онъ лицомъ къ лицу, какъ любимцы царя говорятъ ему на ухо...»

«Возлюбившіе блаженное безмолвіе проходятъ дѣланія умныхъ силъ и подражаютъ образу ихъ жизни. Не насытятся они во вѣки вѣковъ, восхваляя Творца: такъ и восшедшій на небо безмолвія не насытится, воспѣвая Создателя.

«Но ни молитвы безлѣнностной, ни храненія сердца неокрадомаго нельзя возымѣть, если не утвердилось напередъ въ сердцѣ совершенное безпопеченіе. Нельзя съ разумомъ проходить первыхъ двухъ, кто не приобрѣлъ послѣдняго, подобно тому, какъ, не выучивши буквъ, нельзя читать. «Малый волось смущаетъ око и малое попеченіе губить безмолвіе.» Кто желаетъ представить Богу чистый умъ и смущаетъ себя попеченіями, тотъ подобенъ крѣпко сковавшему свои ноги и покушавшемуся скоро идти. Посему истинное безмолвіе и начинается по преданіи себя Богу и глубокомъ утѣрованіи сердца въ Его о насъ попеченіе.»

«Только тѣ, кои сочетались съ безмолвіемъ для наслажденія любовію Божіею, для утоленія жажды этой любви, будучи влекомы сладостію ея, суть настоящіе безмолвники. Такіе, если проходятъ безмолвіе съ разумомъ, скоро начинаютъ вкушать и плоды его, кои суть: умъ неволнующій, мысль очищенная, восхищеніе къ Господу, молитва ненасытная, стража неокрадаемая, всегдѣшнія слезы и проч.»

«Такимъ образомъ влечетъ на безмолвіе влеченіе внутрь къ сладостному стоянію предъ Богомъ; путь по нему пролагаетъ очищеніе отъ страстей всѣми подвигами, коими укрѣпляется въ насъ добро и истощается зло, непосредственное преддверіе его есть предаіе себя Богу въ безпопеченіи; существо его,—ничѣмъ невозмутимое молитвенное стояніе предъ Богомъ умомъ въ сердцѣ, отъ коего огонь къ огню прилагается.»

«Горѣніе духа отъ Божія прикосновенія окончательно очищаетъ человѣка и возводитъ его въ состояніе безстрастія. Въ этомъ огнѣ переплавляется естество наше, какъ металлъ неочищенный въ горнилѣ, и является сіяющимъ небесной чистотою, дѣлающимъ его готовымъ Богу жилищемъ.»

«Такъ, на пути къ живому богообщенію, стоитъ неми-

нуемо безмолвіе, *если не всегда какъ извѣстный образъ подвижническаго житія, то всегда какъ состояніе, въ коемъ внутри собранный и улаженный духъ, огнемъ духа божественнаго, возводится къ серафимской чистотѣ и пламению къ Богу и въ Бога.*»

«Огонь этотъ видѣруется въ минуты обращенія и начинается дѣйствовать, какъ только, по обѣтѣ, вступить человѣкъ въ трудъ; но это есть начальная теплота, то появляющаяся, то скрывающаяся. Она дѣйствуетъ во все продолженіе труда надъ очищеніемъ сердца; иначе не вынести человѣку трудовъ сихъ. Но всей силы своей она въ то время явить не можетъ, по причинѣ холода страстей, еще качествующихъ въ человѣкѣ. Всю силу свою являетъ она уже тогда, когда умолкнутъ страсти. Первая теплота похожа на горѣніе дровъ сырыхъ и намоченныхъ, а вторая на горѣніе тѣхъ же дровъ, когда огонь изсушитъ ихъ и проникнетъ весь ихъ составъ. По другому сравненію, первая теплота похожа на ту, которая бываетъ въ водѣ, содержащей льдину, еще не растаявшую: теплота есть, но вода не вскипаетъ и не вскипитъ, пока не растаетъ льдина. Когда же растаетъ льдина, теплота, проникая всю массу воды, разгорячаетъ ее все сильнѣе; отъ этого вода перекипаетъ и перечищается. Вотъ на это похожа вторая теплота. Послѣдніе два образа дѣйствій огня изображаютъ дѣйствія духовнаго горѣнія въ послѣднихъ степеняхъ совершенства христіанскаго, возводящаго къ совершенной чистотѣ и безстрастію.»

«Вещество страстей, будучи изнуряемо божественнымъ огнемъ, потребляется; а по мѣрѣ того, какъ вещество искореняется, и душа очищается, отходятъ и страсти.»

«Вотъ значеніе безстрастія, по указанію «Лѣтвицы» въ словѣ 29-мъ.»

«Безстрастіе есть воскресеніе души прежде воскресенія тѣла.»

«Воскресеніемъ души должно называть ишествіе изъ ветхости, именно когда произойдетъ новый человѣкъ, въ кото-

ромъ нѣтъ ничего отъ ветхаго человѣка, по сказанному: *и дамъ вамъ сердце ново и духъ новъ* (Іезек. 36, 26).»

«Это полное и между тѣмъ всегда возрастающее совершенство совершившихся о Господѣ такъ освящаетъ умъ и восхищаетъ его отъ вещества, что часто отъ жизни въ тѣлѣ изстуженіемъ возноситъ на небо къ видѣнію.»

«Безстрастіе показали апостолъ, написавъ: *умъ Господень имамы* (1 Кор. 2, 16). Безстрастіе показали и тотъ свѣрипнѣ-подвижникъ, который взывалъ: *ослаби ми волны благодати Твоея!*»

«Безстрастный ко всѣмъ предметамъ, возбуждающимъ и питающимъ страсти, сталъ нечувствителенъ такъ, что они никакого дѣйствія на него не производятъ, хотя находятся предъ очами его. Это оттого, что онъ весь соединенъ съ Богомъ. Приходитъ онъ въ блудлице—и не только не чувствуетъ движеній страсти, но и блудницу приводитъ къ чистому и подвижническому житію.»

«Кто сподобился быть въ семь устроеніи, тотъ еще здѣсь, обложенный брэнною плотію, бываетъ храмомъ живого Бога, Который руководствуетъ и наставляетъ его во всѣхъ словахъ, дѣлахъ и помысленіяхъ; и онъ, по причинѣ внутренняго просвѣщенія, познаетъ волю Господню, какъ бы слышалъ нѣкоторый гласъ, и, будучи выше всякаго человѣческаго ученія, говоритъ: когда прииду и явлюся лицу Божію,—ибо не могу болѣе сносить дѣйствій Его вождѣнія, но ищу той безсмертной доброты, которую Ты даровалъ мнѣ прежде, нежели я впалъ въ тлѣніе. Но что много говорить!.. Безстрастный не къ тому живетъ себѣ, но живетъ въ немъ Христосъ (Галат. 2, 20), какъ сказалъ подвигомъ добрымъ подвизавшійся, теченіе скончавшій и вѣру православную соблюдшій.»

«Безстрастіе есть небесная палата небеснаго Царя.»

«И вотъ, наконецъ, богообщеніе и боговселеніе—послѣдняя цѣль исканія духа человѣческаго, когда онъ бываетъ въ Богѣ, и Богъ въ немъ. Исполняется, наконецъ, благоволеніе Господа и молитва Его, чтобы какъ Онъ въ Отцѣ и Отецъ

въ немъ, такъ и всякій вѣрующій едино былъ съ Нимъ (Іоан. 17, 21). Исполняется утѣшительное увѣреніе Его: кто слово Его соблюдаетъ, того возлюбитъ Отецъ Его, и Они къ тому придутъ и обитель у него сотворятъ (Іоан. 14, 23). Исполняется апостольское опредѣленіе умершихъ безстрастіемъ, что животъ ихъ сокровенъ есть со Христомъ въ Богѣ (Кол. 3, 3). Таковыя суть храмъ Божій (1 Кор. 3, 16), и духъ Божій живетъ въ нихъ (Рим. 8, 9).>

«Достиженіе сего суть таинники Божіи, и состояніе ихъ есть тоже, что состояніе апостоловъ, потому что и они во всемъ познають волю Божію, слыша какъ бы нѣкій гласъ, и они, совершенно соединивъ чувства свои съ Богомъ, тайно научаются отъ Него словомъ Его. Знаменуется такое состояніе пламенемъ любви, по коей они съ дерзновеніемъ удостовѣряютъ: *кто ны разлучитъ?* (Рим. 8, 35). Любовь есть подательница пророчества, причина чудотвореній, бездна просвѣщенія, источникъ огня божественнаго, который чѣмъ болѣе истекаетъ, тѣмъ болѣе раскаляетъ жаждущаго.»

«Поеліку такое состояніе есть плодъ безмолвія, когда проходить его съ разумомъ, то не всѣ безмолвники оставляются Богомъ въ безмолвіи навсегда. Достигающіе чрезъ безмолвіе безстрастія и чрезъ то удостоивающіеся прекреннаго богообщенія и боговселенія изводятся отсюда на служеніе ищущимъ спасенія и служатъ имъ, просвѣщая, руководя, чудодѣйствуя. И Антонію Великому, какъ Іоанну въ пустынѣ, гласъ былъ въ его безмолвіи, изведшій его на труды руководства другихъ на пути спасенія,—и всѣмъ извѣстны плоды трудовъ его. То же было и со многими другими.»

«Выше сего стоянія апостольскаго мы не знаемъ на землѣ.»

«Воодушевляйтесь надеждою, что придетъ день, когда возсіяетъ въ сердцѣ свѣтъ обрадованія и возвратитъ ему свободу отъ всѣхъ узъ, и доставитъ легкость движенія и возношенія туда, куда повлекутъ добрыя начертанія духа. Будете парить, тогда въ области духовной, какъ птичка, выпущенная на свободу изъ кѣтки.»

«Часто придется видѣть, что прокрадываются и проры-

ваются помѣхи. Вѣдайте напередъ, что все это въ порядкѣ вещей. Встрѣтитесь,—не ужасайтесь... Однимъ только запаситесь—крѣпкимъ мужествомъ, ни на что не смотря стоятъ въ началомъ дѣлѣ. Это одно теперь на всю жизнь должно быть положено и запечатлѣно обѣтомъ и твердою рѣшимостью!»

Мы позволили себѣ извлечь изъ твореній почившаго святителя все то, что могло бы познакомить насъ съ его сокровенною, незримою для очей міра, жизнію въ глубинѣ его затвора. Его вдохновенныя рѣчи—не сочиненія на заданную тему,—нѣтъ онѣ проникнуты скрытымъ огнемъ убѣжденія, онѣ—плодъ пережитаго великаго духовнаго опыта. Онъ самъ говорить намъ:

«Въ духовной жизни книги только руководство. *Само познаніе приобретается дѣломъ.* Даже то, что познано бываетъ изъ чтенія, будто ясно и обстоятельно, когда испытано бываетъ дѣломъ, представляется совсѣмъ въ другомъ свѣтѣ. Жизнь духовная—особый міръ, въ который не проникаетъ мудрость человѣческая.»

Читая проникновенныя рѣчи великаго учителя, мы чувствуемъ, что не можемъ сказать ему: врачу, исцѣлился самъ! Скорѣе—мы видимъ въ немъ архистратига, который, воодушевляя возновъ на священную брань, самъ первый устремляется на врага и увлекаетъ за собою другихъ.

«Не попеняйте на меня, Господа ради, что оставляю васъ, говорилъ приснопамятный святитель, прощаясь предъ удаленіемъ въ затворническую жизнь съ своей владимірской паствой. Спасайтесь и спаситесь о Господѣ! Лучшаго пожелать вамъ не умѣю... Путь спасенія вамъ вѣдомъ...» Болѣе, чѣмъ когда-либо, слова эти получаютъ все свое значеніе въ настоящее время, когда окончился великій подвигъ почившаго.

Плоды этого великаго подвига свѣдомы только Единому Богу, но по дивнымъ твореніямъ почившаго мы и здѣсь на землѣ можемъ отчасти судить о нихъ. Теперь намъ легче, хотя и не легко, будетъ съ возможною обстоятельностью начертать нравственный обликъ святителя.

Глава V.

Общественное значеніе затворническаго подвига пресвященнаго Теофана.

«Люблю васъ (братія), но не могу быть вмѣстѣ съ Богомъ и людьми», говоритъ святитель Теофанъ словами Арсенія Великаго, и его дивный подвигъ является живымъ истолкованіемъ этихъ словъ. Но любовь къ Богу не исключаетъ, напротивъ требуетъ и научаетъ истинной любви и къ людямъ. Любовь къ Богу и любовь къ людямъ дивно сочетались въ жизни почившаго святителя. Кажется, для того онъ и удалился отъ міра, чтобы съ высоты своего подвига яснѣе видѣть насущныя нужды и недуги нашего времени и, по возможности, полнѣе оказать необходимую помощь. И эта помощь, эта заслуга святителя предъ нашимъ обществомъ такъ необъятно - велика, что мы едва въ состояніи оцѣнить ее...

Въ чемъ же дѣло? Что всего нужнѣе современному обществу и въ чемъ состоитъ заслуга почившаго святителя? Вопросъ настолько важенъ, что мы должны подвергнуть его всестороннему обсужденію.

Давно извѣстная истина, что все, что ни происходитъ въ обществѣ—въ свѣтлыя или темныя стороны его жизни, благоустройство и неурядицы, благосостояніе и бѣдствія—все зависитъ отъ внутреннихъ духовныхъ началъ, которыми живетъ общество, отъ степени его умственнаго и нравственнаго развитія. Только поверхностный наблюдатель можетъ удовольствоваться ближайшими и иногда чисто случайными обстоятельствами, породившими то или другое общественное явленіе, и не искать позади ихъ основныхъ причинъ или началъ.

Въ частности—ни про какое время нельзя съ большимъ правомъ сказать, какъ именно про наше, что его главный, коренный недугъ есть недугъ духовный.

Не плоть, а духъ растлился въ наши дни,
И человекъ отчаянно тоскуетъ;
Онъ къ свѣту рвется изъ ночной тѣни
И, свѣтъ обрѣвши, рошцетъ и бунтуется.

Безвѣріемъ палимъ и иссушаемъ,
Невыносимое онъ десь выноситъ!.
И сознаетъ свою погибель онъ,
И жаждетъ вѣрк... Но о ней не проситъ.

(Тютчевъ).

«Современный образованный человекъ потерялъ свое равновѣсіе. Нигдѣ онъ не находитъ твердой точки опоры. Среди безконечнаго множества частныхъ, у него исчезъ всякій общій взглядъ. Никогда еще не было такого всеобщаго шатанія, такого умственнаго мрака, какъ именнотеперь. Сильная мысль, крѣпкія убѣжденія, высокіе характеры становятся рѣдкостью. Практическіе вопросы еще способны приковывать къ себѣ людей; теоретическіе интересы отошли на задній планъ и возбуждаютъ умы лишь настолько, насколько въ нихъ выражается та или другая практическая тенденція. Явнымъ признакомъ этого низкаго умственнаго состоянія служитъ всеобщій упадокъ изящной литературы. Въ этомъ нельзя видѣть случайное только явленіе; положительное знаніе всего менѣе допусиаетъ такого рода всеобщія случайности. Это — знакъ времени. Въ поэзіи выражаются идеальныя стремленія человечества. Тамъ, гдѣ изсякъ ея источникъ, можно навѣрное сказать, что оскудѣла идеальная жизнь общества. Человекъ, вслѣдствіе господства реализма, превращается въ исключительно внизъ смотрящее существо. Откуда же взяться поэтическому вдохновенію?»

«Душа убываетъ!» восклицаетъ Дж. С. Милль.

«Пополненіе жизни — теперь вопросъ дня», говоритъ Драммондъ.

«Современное русское общество превратилось въ ум-

ственную пустыню, говоритъ Б. Н. Чичеринъ. Серіозное отношеніе къ мысли, искреннее уваженіе къ наукѣ почти исчезли; всякій живой источникъ вдохновенія изсякъ. Съ паденіемъ философіи, логика сдѣлалась излишнимъ бременемъ; умѣніе связывать свои мысли отошло въ область предразсудковъ; никогда еще русская литература не стояла такъ низко; никогда еще легкомысліе и невѣжество такъ беззащитно не выставались на показъ. Самые крайніе выводы самыхъ одностороннихъ западныхъ мыслителей, обыкновенно даже непонятые и непереверенные, часто выдаются за послѣднее слово европейскаго просвѣщенія.... Западно-европейскія общества, погружившись въ изученіе частныхъ, сохранили по крайней мѣрѣ одну облагораживающую черту: упадокъ мысли искупается до нѣкоторой степени значительностью умственного труда, обращеннаго на изслѣдованіе фактическаго матеріала. У насъ, къ сожалѣнію, и этого нѣтъ. Если западнаго европейца можно сравнить съ рудокопомъ, который неутомимо работаетъ въ рудникахъ, приготавливая себѣ богатства для будущаго, то мы, при скудости нашего образованія, довольствуемся ожиданіемъ чужихъ благъ, а пока питаемся кой-гдѣ подобранными крохами, которыя доставляютъ посредники, елишкомъ часто разсчитывающіе на неразборчивость публики. Отсюда внутренній разладъ и дикія фантазіи, рождающіяся во мракѣ. Сколько среди насъ людей, которые забыли даже, что существуетъ свѣтъ Божій и готовы закидать камнями того, кто дерзаетъ о немъ помянуть! Выйти изъ этой удушливой атмосферы составляетъ насущную потребность всякаго, въ комъ живы еще интелессы мысли, кто не довольствуется житейскою пошлостью или на вѣру принятымъ направленіемъ. А выйти изъ нея можно только однимъ способомъ: поднявши глаза къверху, вмѣсто того чтобы упорно держать ихъ прикованными къ низу, окинуть взоромъ все необъятное пространство неба и уразумѣть великую связь, соединяющую высшее съ низшимъ,

небесное и земное....» (Наука и религія. Б. Чичерина. Предисловіе. VIII—XII).

Характеризуя современное духовное состояніе нашего общества, наблюдатель проронилъ знаменательное слово: «въ Россіи пониженіе общаго уровня должно было отразиться въ явленіяхъ, еще болѣе печальныхъ, нежели гдѣ-либо». Почему же? Да потому, что наше образованное общество, со времени Петра Великаго, только повторяетъ зады европейской цивилизаціи. Никто въ настоящее время не станетъ спорить противъ усвоенія нами плодовъ европейской цивилизаціи, но нельзя же не замѣчать и горькихъ послѣдствій нашего продолжительнаго подчиненія западу. Дрѣвнее русское общество можно укорять въ грубости, но нельзя въ немъ отрицать энергіи и внутренней цѣльности народныхъ творческихъ силъ. Но съ тѣхъ поръ какъ высшіе, руководящіе классы народа пошли въ науку западу, эта духовная цѣльность народнаго организма нарушилась. «По *ту* сторону (то-есть въ простомъ народѣ) продолжала пребывать «тьма невѣжества», то-есть, сохранились, вмѣстѣ съ внѣшнимъ стариннымъ обликомъ, старинный бытъ, духъ, преданія и завѣты Руси старой... однимъ словомъ, самое зерно русской народной, исторической сути и мощи... По *сю* сторону (въ образованномъ классѣ)—новый міръ, новые люди, пестрый свѣтъ зачавшейся цивилизаціи,—однимъ словомъ — «образованность» (въ переводѣ съ нѣмецкаго Bildung), но преимуществу въ наружныхъ, внѣшнихъ ея проявленіяхъ и начиная съ самыхъ низшихъ ея ступеней. По *ту* сторону—застой, крѣпость старинъ до суетврія; по *сю*—форсированный «прогрессъ» и также суетврная, но притомъ работѣнная и подобострастная духовная крѣпость европейскому западу...» (И. С. Аксаковъ. IV. 753). Къ нашей современной интеллигенціи смѣло можно приложить стихи Шиллера:

„Не наша ихъ земля росла,
„Не наше солнце грѣло ихъ!

«Наше духовное безсиліе есть плодъ отчужденности нашего образованнаго общества отъ основныхъ духовныхъ началъ, которыми искони живѣлъ русскій народъ. «Сила общества только въ томъ, чтобы быть вѣрнымъ носителемъ и выразителемъ народной мысли, совершать работу народнаго самосознанія. Безъ этой силы — безсильны сами по себѣ и народныя массы, которымъ не достаетъ сознательности, и общество, которому не достаетъ живаго питанія корней: обѣ среды останавливаются въ своемъ развитіи; цѣльность и правильность отправленій всего народнаго организма и кровообращенія въ немъ — разстраиваются» (И. Аксаковъ т. II. 262).

Отсюда — съ одной стороны безплодность нашего образованія, отсутствіе въ немъ творчества, его отрѣшенность отъ насущныхъ потребностей жизни. Отсюда то, что

„Мы всѣ рѣчь умную, но праздную ведемъ,
„О жизни мудрствуемъ, но жизнью не живемъ!

Съ другой стороны, сознавая свой долгъ передъ народомъ, сознавая свою обязанность содѣйствовать духовному развитію своего народа, представители нашего образованнаго общества, сами повторяя зады европейской цивилизаціи, хотѣли было навязать народу такъ-называемыя «последнія слова науки», послѣдніе выводы европейской культуры. Но народъ, вѣрный святымъ завѣтамъ православной вѣры, не понимаетъ и не принимаетъ ихъ, потому что эти результаты стоятъ въ непримиримомъ противорѣчій съ его духовными стремленіями. Не въ наукѣ — зло, но зло европейской цивилизаціи заключается въ томъ превратномъ направленіи, которое приняла европейская наука. «Въ основаніи, въ глубинѣ современныхъ ученій запада, не только революціонныхъ, но и философскихъ, вообще «его послѣдняго слова» лежитъ: отверженіе Бога, слѣдовательно отверженіе всего, что святитъ человѣка и съ нимъ всю природу, — отрицаніе свободнаго духа и всякаго духовнаго въ человѣкѣ начала, слѣдовательно *обездушеніе* человѣка и по-

рабошеніе его плоти, — отрицаніе высшей, предержавшей міръ, независимой отъ человѣка правды, высшаго, нравственнаго, обязательнаго для нравственной человѣческой природы закона, всей нравственной въ человѣкѣ стихіи и затѣмъ — поклоненіе обездушенной матеріи, обезбоженному, обездушенному, охолощенному духовно и нравственно, человѣку какъ *Богу*, — горделивое превознесеніе выше всего быднаго логическаго разума и «точнаго», стало быть, ограниченного разума... Гордая наука забыла, что не культура, не знаніе преобразили міръ... Не въ наукѣ зло, конечно, и не въ цивилизаціи, но въ гордомъ самомнѣніи науки и цивилизаціи, въ той ихъ *отрѣ* въ себя, которая отменяетъ вѣру въ Бога и въ божественный законъ». (Тамъ же. 717). Понятно, почему народъ рѣшительно отвергаетъ навязываемыя ему чуждыя духовныя начала. Народъ готовъ искать, алчетъ и жаждетъ просвѣщенія, но просвѣщенія, озаряющаго для него то, что составляетъ *единое на потребу*, не прочь получить и познанія, но уже никакъ не идущія въ разрѣзъ съ его духовными стремленіями. «И если народъ наконецъ подыметъ усталыя отъ долгой дремоты очи и взглянетъ на нашихъ литераторовъ и всякаго рода художниковъ, — прислушается къ ихъ оглушительнымъ крикамъ, къ треску и грому ихъ вѣщаній, — что скажетъ онъ? «Куда дѣвали вы порученные вамъ дары нашей родной, богатой земли? Куда расточили ея духовныя сокровища? Что стало съ моимъ обычаемъ, вѣрою, преданіемъ, моею прожитою жизнью, моимъ долгимъ и горькимъ опытомъ? что совершили вы на досугѣ? Гдѣ цѣльность и единство жизни и духа? Гдѣ науки, вами взрожденныя?.. Какого хлама нанесли на мою почву?..» (Тамъ же. 10). Благо намъ, что намъ народъ сберегъ неприкосновенною святыню своей вѣры — въ этотъ залогъ нашего будущаго духовнаго роста. Твердо вѣримъ, никогда не изсякнетъ, не заглохнетъ, — напротивъ ярко разгорится всеозаряющимъ свѣтомъ, на изумленіе и спасеніе міру, священное пламя живой сердечной

вѣры, но представимъ на минуту, что ...еслибъ умеръ въ немъ (то-есть въ народѣ) живущій идеалъ,

И жгучимъ голодомъ духовнымъ онъ всталкалъ,
И вдругъ о помощи возопіялъ бы къ намъ,
Своимъ учителямъ, пророкамъ и вождямъ,—
Мы всѣ—хранители огня на алтарѣ,
Вверху стоящіе, что городъ на горѣ,
Дабы всѣмъ видѣтъ былъ и въ ту свѣтилъ бы тьму,—
Что дали бъ мы ему?..

(Майковъ).

Необходимо, чтобы наши образованные классы, наша общественная среда сдѣлались вѣрнымъ выраженіемъ народнаго самосознанія. Но что для этого нужно? Прекрасно отвѣчаетъ на этотъ вопросъ нашъ знаменитый писатель-художникъ: «народъ русскій въ огромномъ большинствѣ своемъ православенъ и живетъ идеей православія, хотя и не разумѣетъ эту идею отчетливо и научно... Въ сущности въ народѣ нашемъ все изъ нея одной и исходитъ, по крайней мѣрѣ народъ нашъ такъ хочетъ, всѣмъ сердцемъ хочетъ, чтобы все, что есть у него и что даютъ ему, изъ этой одной лишь идеи и исходило, несмотря на то, что многое у самаго же народа является смраднаго, варварскаго и грѣховнаго... Вся глубокая ошибка нашихъ интеллигентныхъ людей въ томъ, что они не признаютъ въ рускомъ народѣ церкви. Но кто не понимаетъ въ народѣ нашемъ его православія и окончательныхъ цѣлей его, тотъ никогда не пойметъ и самаго народа нашего. Никогда и народъ не приметъ такого русскаго европейца за своего человека; *«подобно сперва святыню мою, почти ты то, что я чту, и тогда ты точно таковъ, какъ я, мой братъ, несмотря на то, что ты одѣтъ не такъ, что ты баринъ, что ты начальство»*... вотъ что скажетъ народъ, ибо народъ нашъ широкъ и уменъ.» (Достоевскій. *Дневникъ*. 1881).

Замѣтимъ при этомъ, что здѣсь дѣло идетъ не о томъ только, чтобы признать умомъ правду народнои вѣры. Одиный путь отрицанія лжи еще не ведетъ къ живительному усвое-

нію истины. Дѣло въ томъ, что двумъ богамъ служить нельзя. Устраняясь отъ источника истинной жизни, человекъ начинаетъ жить другою, ложною жизнью, которая порождаетъ потребности и страсти, а вмѣстѣ съ ними и страданія. «Жизнь отвлеченная, призрачная, цѣлкомъ занесенная изъ иноземщины, съ ея историческими скорбями и чаяніями, становилась какъ бы и въ самомъ дѣлѣ *нашею жизнью*, несмотря на паразитическое, ошеломляющее противорѣчіе съ окружающимъ, не отвлеченнымъ, но дѣйствительнымъ міромъ. Такъ наше общество совершенно *юное*, еще не начинавшее жить, уже пережило, въ сферѣ сознанія, всѣ нравственные старческіе недуги ...обществъ западной Европы, не извѣдавъ ихъ жизненнаго опыта...» (И. Аксаковъ. VI. 422).

Новая жизнь должна пробудиться въ нашемъ образованномъ обществѣ. Не перемѣна взглядовъ и убѣждений, не умственный переворотъ, а духовное перерожденіе — вотъ что должно совершиться—внутренней дѣятельностью духа. Это перерожденіе должно обхватить собою, какъ воздухъ, и оживить всѣ самые сокровенные углы и изгибы нашей духовной и нравственной области. Но жизнь поражается только жизнью. Болѣзнь въ духѣ и можетъ быть излѣчена только орудіемъ духа. Самымъ яркимъ примѣромъ и подтвержденіемъ сказаннаго можетъ служить попытка помочь исцѣленію современнаго общества отъ его недуговъ, сдѣланная знаменитымъ писателемъ, грустныя рѣчи котораго мы привели въ началѣ. Мы разумѣемъ его книгу «Наука и Религія». Какъ и слѣдовало ожидать, поклонникъ западнаго просвѣщенія видитъ выходъ изъ печальнаго положенія въ возвращеніи къ широкимъ философскимъ обобщеніямъ, къ умозрѣнію, возвышающемуся надъ данными опыта, въ до-вѣріи къ силамъ человѣческаго разума. Философія, по его словамъ, «это—тотъ мерцающій свѣточъ, который непривычному глазу кажется неспособнымъ разсѣять окружающій насъ мракъ, но который въ дѣйствительности *одинъ* (?) можетъ вывести человека въ высшую область всеозаряющей

истины». (Предисловіе. XIV). «Какъ скоро возбужденъ испытующій разумъ, такъ ему одному принадлежитъ *верховное рѣшеніе* занимающихъ его задачъ. Если онъ подчиняется высшему авторитету, то онъ дѣлаетъ это не иначе, какъ на основаніи собственнаго убѣжденія, точно провѣривъ всѣ свои пути». (Тамъ же. XIII). Не слышится ли фальшь въ этихъ горделивыхъ словахъ? Разумъ можетъ преклоняться предъ высшимъ авторитетомъ вѣры, говорящей намъ о тайнахъ высшаго духовнаго порядка, совершенно недоступнаго научнымъ изслѣдованіямъ, и—тотъ же разумъ ставится верховнымъ судьей, главнымъ рѣшающимъ началомъ... Разумъ подчиняется авторитету вѣры, но сама вѣра ставится предъ трибуналомъ высшаго судіи... Странное недоразумѣніе! И какимъ холодомъ вѣетъ отъ этихъ 500 страницъ! Несмотря на всю серьезность и научную строгость разсужденій—сколько внутреннихъ колебаній и противорѣчій! Несмотря на громадную ученость—какъ мало убѣдительности *)! Нѣтъ, не отъ научныхъ или философскихъ разсужденій загорится огонь новой жизни,—

И ты, когда на битву съ ложью
Возстанетъ правда думъ святыхъ,
Не налагай на правду Вожью
Гнилую тягость латъ земныхъ.

Доспѣхъ Саула—ей окова,
Ей царскій тягостенъ шлемъ,
Ея оружье—Вожье слово,
А Вожье Слово—Вожій громъ!

(Хомяковъ).

Богъ и Божья сила не съ тѣми, кто является проповѣдникомъ высшей правды, вооружившись хотя бы философией Гегеля, да и вообще всѣхъ мудрецовъ міра сего,—

Но съ тѣми Богъ, въ комъ Вожья сила,
Животворящая струя,
Живую душу пробудила
Во всѣхъ изгибахъ бытія...

(Хомяковъ).

*) О книгѣ В. Н. Чичерина отамъ профессора протоіерея А. М. Иванцова-Платонова.

Судьба указаннаго выше, хотя и добросовѣстнаго, труда еще разъ приводитъ намъ на память вѣское слово: «пора бы убѣдиться, что все сочиненное лишено внутренней, зиждущей силы, не пользуется ни авторитетомъ, ни довѣріемъ, предполагаетъ возможность новыхъ остроумнѣйшихъ сочиненій,—однимъ словомъ, осуждено на безплодіе и кратковѣчность. Какъ ни напрягайся, процессъ сочинительства не замѣнитъ органическаго творчества; какъ ни сочиняй, не сочинишь жизни». (И. Аксаковъ. 426. VI). Тѣмъ болѣе это имѣетъ значеніе относительно духовной жизни. «Жизнь духовная, говоритъ святитель Теофанъ, есть особый міръ, въ который не проникаетъ мудрость человѣческая.»

Только человѣкъ, самъ пережившій, перестрадавшій многое, самъ перегорѣвшій въ горнилѣ духовнаго опыта, самъ причастный духовной жизни, можетъ заговорить съ людьми о духовной жизни съ всепобѣдной силой, возбуждающей духовную энергію и порождающей готовность на духовные подвиги. «Подобно тому какъ огонь, проникая желѣзо, не внутри только желѣза держится, но выходитъ наружу и огненную свою силу являетъ ощутительно для всѣхъ; такъ и благодать, проникнувъ все естество наше, становится потомъ осязательно видима для всѣхъ. Всѣ, приходящіе въ соприкосновеніе съ таковымъ облагодатствованнымъ, чувствуютъ присущую ему необыкновенную силу, проявляющуюся въ немъ разнообразно. Станетъ онъ говорить о чемъ-либо духовномъ, все у него выходитъ ясно, какъ среди дня; и слово его идетъ прямо въ душу, и тамъ властно слагаетъ соотвѣтственные себѣ чувства и расположенія. Да хоть и не говорить, такъ вѣетъ отъ него теплота, все согревающая, и сила нѣкая исходитъ, возбуждающая нравственную энергію и раждающая готовность на всякаго рода духовныя дѣла и подвиги.» (Еп. Теофанъ).

И вотъ, когда, повидимому, среди нашего общества назрѣла настоящая потребность именно въ такомъ руководствѣ,—является предъ ними поразительный примѣръ

строжайшаго духовнаго подвига, соединеннаго съ дивнымъ, воистинну благодатнымъ словомъ наставленія, является новое и высокое проявленіе духа православной Церкви въ лицѣ почившаго святителя Теофана,—являются предъ нашими взорами, по словамъ высоко-авторитетнаго почитателя почившаго, прежде всего высоко-благочестивая личная жизнь святителя-подвижника, служащая живымъ, дѣйственнымъ, высоко-поучительнымъ и нравственно-назидательнымъ примѣромъ для христіанъ нынѣшняго времени, а потомъ — и его учено-литературные, религиозно-нравственнаго характера, сочиненія, способныя оказывать свое благотворное вліяніе не только на современниковъ, но и на отдаленныя поколѣнія. Эти произведенія великаго подвижника вѣры и благочестія христіанскаго, полныя духовно-благодатнаго помазанія, въ возможной полнотѣ и близости отражаютъ въ себѣ духъ ученія Христова и апостольскаго, мысли, характеръ и содержаніе твореній богословствующихъ отцовъ и учителей Церкви, и все направлены къ указанію высшаго блага, вѣчныхъ цѣлей бытія человѣческаго... Архипастырь-учитель раскрылъ духовную жизнь въ своихъ сочиненіяхъ всѣмъ доступнымъ образомъ, съ неподражаемою ясностью и простотою, во всей ея глубинѣ и широтѣ, во всѣхъ ея мельчайшихъ подробностяхъ и проявленіяхъ, въ систематическомъ порядкѣ и естественной послѣдовательности ея развитія... Какъ произведенія высокаго подвижника, его творенія обладаютъ силой «пробуждать человѣка-христіанина отъ духовнаго усыпленія», «вызывать его изъ состоянія религиозной апатіи, равнодушія къ вѣрѣ, такъ-называемой теплопрохладности, столь распространенной среди современныхъ христіанъ». (Изъ слова преосвящен. Никандра). Читая творенія святителя-подвижника, мы изумляемся его громаднымъ познаніямъ, можно сказать, по всѣмъ отраслямъ наукъ, мы видимъ въ немъ человѣка, вооруженнаго всѣми результатами вѣковой работы ума, но—надъ этимъ роскошнымъ богатствомъ свѣтской учености возвышается и царитъ, все одухотворяя, божественная жизнь духа, жизни

высшихъ стремленій, направленныхъ въ область вѣчности... Желаемъ ли мы избавиться отъ томящей всѣхъ мучительной пустоты, отъ духовной немощи, отъ недуговъ, которыми страдаетъ современное общество, повидимому утратившее самое пониманіе духовной жизни,—желаемъ ли наконецъ, сроднившись въ духѣ съ богатырскимъ своимъ народомъ, послужить и помочь ему своими разумными силами въ его стремленіяхъ къ высшей, Божіей правдѣ, желаемъ ли возратить столь давно утраченное нами единство и цѣльность народной жизни и тѣмъ возратить ей силу творчества—мы можемъ смѣло идти на встрѣчу ярко загорѣвшемуся свѣту въ твореніяхъ почившаго святителя, и этотъ свѣтъ всеозаряющей истины разгонитъ тьму вѣковыхъ заблужденій, прояснитъ сознаніе, и зажжетъ новымъ пламенемъ потухающую искру высшей духовной жизни. Не мрачный пессимизмъ, которымъ собирается подъ конецъ наградить насъ просвѣщенный Западъ,—цѣтъ, творенія почившаго дадутъ намъ иное; они окрылятъ нашъ духъ, сообщивъ ему бодрое, жизнерадостное пробужденіе къ новой жизни: духовный подвигъ не покажется тяжкимъ бременемъ, возвративъ человѣку его истинное достоинство и надежду на вѣчное блаженство!

Заключимъ настоящій очеркъ словами преосвященнаго Никандра: «Въ Бозѣ почившій святитель своею жизнію и своими трудами представляетъ то дивное, непонятное съ точки зрѣнія міра сего и сильнѣе всякихъ другихъ доказательствъ и соображеній облачающее мірскія лжемудрованія,—явленіе, которое съ одной стороны служить къ прославленію Бога въ лицѣ почитающихъ Его, а съ другой—къ оправданію великаго значенія и пользы для общества и общественной жизни монашества, даже являющагося въ духѣ строгаго аскетизма затворничества. Въ лицѣ преосвященнаго Теофана мы имѣемъ общаго христіанскаго учителя—при его безмолвіи; общественнаго дѣятеля—въ затворѣ; церковнаго проповѣдника, всюду слышимаго, хотя и не являвшагося въ послѣднее время на церковной кафедрѣ; мис-

сionера - обличителя сектантских заблуждений, хотя и не выступавшего на поприще открытой миссионерской деятельности; яркого свѣтильника ученія Христова для народа православнаго, хотя видимо для всѣхъ и не стоявшаго въ послѣднее время на свѣщницахъ церковномъ, хотя и укрывавшагося отъ взоровъ народныхъ; никакого почти достатка матеріальнаго не имѣвшаго, но всѣхъ богатившаго и богатящаго доселѣ духовнымъ достоинствомъ ученія своего; не искавшаго временной, земной славы, но прославляемаго теперь и людьми, и наукою, и цѣлыми учрежденіями, и самыми своими твореніями, въ которыхъ онъ истиннѣе воздвигъ себя «памятникъ нерукотворенный»... И исполняется надъ нимъ тутъ другое слово Христово въ Евангеліи, вопреки вѣщуящій мірской, земной славы: онъ работалъ Отцу небесному *тайно*, — и вотъ мы какъ бы слышимъ Спасителя, говорящаго ему словами Евангелія: *и Отецъ твой видя тайно, воздастъ тебѣ явнѣ!*

Глава VI.

Одуховлена ли ваша душа?

«Не думаю, чтобы что либо изъ писаннаго затруднило васъ; прошу однакоже не мимолодноу пробѣжать писанное, а пообсудить хорошенько и къ себѣ приложити».

Преподобный Феоданъ.

Въ нашей ежедневной жизни нерѣдко приходится наблюдать явленіе такого рода. Если юный питомецъ пропитку любовью и полнымъ уваженіемъ къ своимъ руководителямъ, то достаточно со стороны послѣднихъ одного легкаго замѣчанія или указанія для того, чтобы юноша немедленно исправилъ замѣченное упущеніе или неправоустройство въ своемъ поведеніи. Но вотъ у молодого человѣка съ годами проявляются все сильнѣе и сильнѣе дурныя наклонности, а вмѣстѣ

съ тѣмъ и своеволіе. Тогда со стороны старшихъ уже требуются значительныя усилія, чтобы направить его на путь истинный. Иногда дѣло доходитъ до того, что уже не помогаютъ ни просьбы, ни увѣщанія, ни угрозы... Все это принимается теперь за излишнее стѣсненіе свободы, за тяжелое, извнѣ навязываемое бремя. Приложимъ этотъ примѣръ къ занимающему насъ вопросу.

Въ первые вѣка христіанства, при горячей любви первыхъ христіанъ къ своему Спасителю, при живомъ и искреннемъ религиозномъ одушевленіи — для пастырей церкви достаточно было указать на слова Господа и апостоловъ или даже прославленныхъ отцовъ и учителей церкви, чтобы исполнѣ и съ желаемымъ успѣхомъ воздѣйствовать на души вѣрующихъ. При такихъ обстоятельствахъ, въ IV вѣкѣ, наприм., св. Василій Великій считалъ полезнымъ и совершенно достаточнымъ «выбрать изъ Богодухновеннаго писанія все, чѣмъ угождаетъ и чѣмъ не угождаетъ человѣкъ Богу, — и всѣ, разсѣянные по разнымъ мѣстамъ, запрещенія и повелѣнія, для легчайшаго уразумѣнія, представить совокупно въ правилахъ, чтобы тѣмъ легче отучить людей поступать по наныку своей воли и по преданію человечеству.» (Творенія св. Отцевъ. Т. IX, стр. 2. 20. 25. 37).

Но съ теченіемъ времени обстоятельства измѣнились. Съ ослабленіемъ вѣры и любви христіанской, при всеобщемъ огрубѣніи нравовъ, требованія христіанской нравственности стали представляться уже какъ вѣчто, навязываемое извнѣ, какъ неудобноносимое бремя, какъ что-то чуждое человеческой природѣ и ея живымъ стремленіямъ. Дѣло, под конецъ, дошло до того, что въ XVII и XVIII столѣтіяхъ явился рядъ философовъ, которые, рѣшительно отвергнувъ заповѣди Божіи, признались, въ противность имъ, вывести правила жизни и законы человѣческаго общежитія изъ свойствъ человеческой природы, забывая, что безконечное превосходство христіанства надъ всѣми религіями и человѣческими ученіями въ томъ именно и состоитъ, что оно воплощѣ отвѣчаетъ кореннымъ, истиннымъ и глубочайшимъ стремленіямъ человеческой

природы, что «душа человека по природе христианина.» Но так как наличная человеческая природа глубоко искажена грѣхомъ, то, отправляясь отъ нея, упомянутые мудрецы міра сего, естественно, и пришли къ выводу, что homo homini lupus (человѣкъ для другого человѣка—волкъ), что будто-бы въ основѣ человеческой жизни, да и всей природы лежатъ законъ борьбы за существованіе. Плоды такихъ ученій всѣмъ хорошо извѣстны. Борьба всѣхъ противъ всѣхъ (bellum omnium contra omnes), лишь умѣряемая вѣншею силой, эгоизмъ отдѣльных личностей, борьба сословій, мятежи, убійства—все, что мы видимъ мрачнаго въ исторіи европейскихъ обществъ за послѣдніе столѣтія... И вотъ, въ виду ужасающихъ проявленій духа времени, раздается отчаянный вопль: «міръ остановился въ недоумѣніи. Въ организаціи этого міра поколебалось что-то такое, что до сихъ поръ считалось весьма прочнымъ.... Нужно обновить *человѣка*, ибо общественная совѣсть замираетъ...» Куда же идти далѣе?...

Величавую задачу разрѣшить для современнаго общества, да и на всѣ времена, нравственный вопросъ и истолковать возвышенныя требованія христіанства въ согласіи съ коренными, глубочайшими и истинными законами и стремленіями человеческой природы взялъ на себя великій святитель Теофанъ и отдалъ этой задачѣ всю свою жизнь, проверяя свои глубокія размышленія опытомъ всей своей жизни.

«Дѣло спасенія есть искусство искусствъ и наука наукъ: какъ же можно обойтись безъ учителя?»

Какія же качества потребны для учителя христіанской нравственности?

«Чтобы вести, надобно видѣть всѣ распутія жизни, опытно знать ихъ и знать, какъ они отклоняются, а для этого надобно стоять на нѣкоторой высотѣ, съ коей можно бы обозрѣвать и всѣ пути и всѣхъ идущихъ и того между ними, кто вѣрится. Словомъ своимъ, какъ рукою, онъ наставитъ его, какъ идти прямо, безъ уклоненій, скоро, среди всѣхъ распутий безъ блужданія. Не очистившіеся отъ страстей всѣ стоятъ

на одной линіи въ уровень, ученый ли кто или неученый, читалъ ли кто науку о подвижничествѣ или не читалъ. Толпу же составляющіе люди не видятъ, куда и какъ пройти, а толкаютъ только другъ друга и идутъ, какъ идетъ, то туда то сюда, не попадетъ ли имъ нужная тропинка, чтобы вывести на просторъ; между тѣмъ по голосу, который въ толпы, тотчасъ же выйти можно. Дѣло все въ покореніи страстей: не побѣдившій страсти не можетъ дать надлежащаго правила на ихъ покореніе, потому что самъ страстенъ и судить страстно. Затѣмъ-то умный, но самъ не испытавшій руководитель никогда не поведетъ далеко, при всемъ своемъ желаніи. И самъ онъ и руководимый будутъ говорить: разсуждать о путяхъ Божіихъ и все толочься на одномъ мѣстѣ.»

«Такихъ совершенствъ долженъ быть истинный руководитель и вѣрный наставникъ!»

Личный великій подвигъ жизни святителя Теофана и даетъ ему безконечное превосходство, какъ учителю христіанской нравственности, надъ всѣми современными системами христіанскаго вѣроученія, появляющимися у насъ и на западѣ,—какъ въ мірѣ римско-католическомъ, такъ и въ протестантскомъ.

Посвятивъ всю свою жизнь «наукѣ наукъ» и «искусству искусствъ», преосвященный Теофанъ съ грустью говоритъ о томъ, какъ мало у него предшественниковъ. За годъ до своей кончины, отъ 20 янв. 1893 года, въ одномъ частномъ письмѣ онъ писалъ: «пишу о своихъ книгахъ, потому что не знаю, гдѣ бы еще полнѣе было изложено все, касающееся жизни христіанской. Другіе писатели и лучше бы написали, но ихъ занимали другіе предметы.» А въ другомъ мѣстѣ высказываетъ слѣдующую жалобу: «самымъ пригоднымъ пособіемъ для начертанія вѣроученія христіанскаго могла бы служить христіанская психологія. За неимѣніемъ ея приходилось довольствоваться своими о душевныхъ явленіяхъ понятіями, при указаніяхъ отцевъ подвижниковъ.»

Но намъ лично нѣтъ основаній высказывать подобныя

сожалѣнія. Личный трудъ цѣлой жизни святителя съ избыткомъ восполнилъ все. «Что касается духовной жизни чловека-христианина, которая, какъ и слово Божіе, также почти совершенно неизвѣстна, темна и непонятна для большинства современнаго общества, не знающаго часто даже азбуки духовной жизни, а не только высшей мудрости ея, и живущаго большею частію лишь низшею, чувственно тѣлесною жизнію,—говорить авторитетный цѣнитель святителя,—то... архипастырь-учитель раскрылъ эту духовную жизнь въ своихъ сочиненіяхъ всѣмъ доступнымъ образомъ, съ неподражаемою ясностію и простотою, во всей ея глубинѣ и широтѣ, во всѣхъ ея мельчайшихъ подробностяхъ и проявленіяхъ, въ систематическомъ порядкѣ и естественной послѣдовательности ея развитія.» (Изъ слова преосв. Никандра). Вездѣ указывая и выясняя, какъ высокія требованія Евангелія глубоко соотвѣтствуютъ истиннымъ и законнымъ стремленіямъ души чловеческой, святитель достигаетъ того, что читатель «можетъ видѣть и понять, какъ представляющіяся на первый взглядъ трудными и неудобопонимыми, повидимому, правила и требованія нравственнаго закона Христова, начиная отъ общеобязательныхъ для всѣхъ заповѣдей и кончая евангельскими совѣтами, представленными добровольному исполненію *могущихъ въ милости*,—оказываются на самомъ дѣлѣ удобоисполнимыми и осуществимыми въ жизни тѣми же подобострастными намъ людьми,—и когда читатель... попробуетъ осуществить совѣты и наставленія въ своемъ собственномъ жизненномъ поведеніи, ставъ бодрственно на стражѣ сердца и помышлений ума своего, то онъ, при помощи благодати Божіей, вскорѣ же собственнымъ опытомъ дознаетъ и убѣдится, всѣмъ своимъ существомъ возчувствуетъ, какъ по истинѣ и дѣйствительно *то Христово—благое и бремя Его легко есть* (Матѣ. 11, 30),—онъ не только не будетъ тяготиться имъ, какъ чуждой и принудительно навязанной ему рабской ношей; нѣтъ, онъ напротивъ, вкуситъ духовную сладость несенія его, испытаетъ высшее духовное удовлетвореніе и неземное наслажденіе». (Тамъ же).

Самое лучшее ознакомленіе съ ученіемъ святителя Теофана объ основахъ религіозной жизни читатель можетъ почерпнуть всецѣло лишь изъ твореній его. Мы же постараемся здѣсь ознакомить лишь съ основными взглядами святителя, которые такъ или иначе отражаются во всѣхъ его твореніяхъ.

«Я имѣю намѣреніе, говорилъ Святитель, приступая къ изложенію законовъ нравственнаго порядка,—все достодожное выводить изъ устройства чловеческаго естества».

«Жить намъ надобно такъ, какъ Богъ создалъ насъ».

«Ужъ какъ же иначе чловеку и жить, какъ не такъ, какъ онъ устроенъ. Установивъ здравыя понятія о томъ, какъ устроенъ чловекъ, получимъ вѣрнѣйшее указаніе на то, какъ ему слѣдуетъ жить. Мнѣ думается что многіе потому и не живутъ какъ должно, что думаютъ будто правила о сей достодожной жизни навязываются совнѣ, а не исходятъ изъ самаго естества чловека и не имъ требуются».

Установивъ эти положенія, святитель приступаетъ къ разсмотрѣнію устройства духовно-физической природы чловека, ея силъ и стремленій, строго отдѣляя и очищая то, что законно, что вложено въ нашу природу Самимъ Творцемъ, отъ того, что привнесено грѣхомъ, что имъ извращено, что, такъ сказать, нажито нашей грѣховной жизнью. Начиная съ физической стороны, съ тѣлесной жизни, онъ переходитъ постепенно къ устройству и проявленіямъ высшей духовной жизни *).

*) Въ своихъ воззрѣніяхъ на природу чловека святитель придерживается трихотомическаго ученія. По этому ученію мы должны признавать въ чловекѣ не два, а три элемента: тѣло, душу и духъ. Это различіе сознавалось уже Платономъ и Аристотелемъ. Слово Божіе освятило его — въ лицѣ ап. Павла, который также въ природѣ чловека различаетъ тѣло, душу и духъ: «Самъ же Богъ мира да освятитъ насъ во всей полнотѣ, и вѣтъъ духъ и душа и тѣло во всей цѣлости да сохранится безъ порока въ пришествіе Господа нашего І. Христа» (1 Сол. V, 23). Древніе учителя церкви также

«Тѣло наше состоитъ изъ разныхъ органовъ, изъ коихъ каждый совершаетъ свое отправленіе, существенно необходимое для жизни тѣлесной. Главныхъ органовъ три: 1) *желудокъ* съ легкими, сердцемъ, артеріями и венами, лимфатическими сосудами и множествомъ другихъ сосудовъ, сосудовъ и железъ, служащихъ для разныхъ отдѣловъ изъ крови и соковъ тѣла; отправленіе всѣхъ ихъ—*питаніе* тѣла или плототвореніе; 2) *система мускуловъ и костей*, отправленіе коихъ есть *движеніе* внутри и вовнѣ; и 3) *система нервовъ*, центръ коихъ—голова, спинной мозгъ и система ганглій—гдѣ-то подъ брюшною и грудною преградой, а развѣтвленія проникаютъ все тѣло; отправленіе ея—*чувствительность*. Когда ходъ этихъ отправленій и взаимное ихъ отношеніе въ порядкѣ, тѣло здорово и жизнь—*въ* опасности; а когда этотъ порядокъ нарушается, тѣло заболѣваетъ и жизнь въ опасности. Каждое отправленіе ищетъ свою потребность, которую даетъ живо чувствовать живущему, требуя удовлетворенія. *Потребности желудочной* или питательной и плототворной части суть—*пища, питье, воздухъ, сонъ*; *потребность мускульно-костяной* части есть потребность *напрягать мускулы*, которую всякій чувствуетъ, долго засидѣвшись, и прямо *потребность движенія*, застав-

раздѣляли это воззрѣніе. Климентъ Александрійскій называетъ душу „*дѣлотовъ мѣросъ*“, а духъ „*нѣтенюикѣвъ*“. Пр. Теофанъъ занимается этимъ вопросомъ въ своемъ „Толкованіи посланій св. ап. Павла къ филиппійцамъ и солунянамъ“, Стр. 383—386. Противъ этого воззрѣнія существуетъ, какъ извѣстно, много возраженій. „Не есть ли такое раздѣленіе излишнее осложненіе и безъ того уже сложнаго существа? И не впадаетъ ли мы здѣсь въ такіа умышленія, которыя теряютъ уже всякую точку опоры и не въ состояніи дать ни малѣйшаго представленія о предметѣ?... На эти вопросы слѣдуетъ отвѣчать прежде всего, что такъ какъ человекъ есть вѣнецъ творенія, то онъ естественно является сложнымъ существомъ“. В. Чернышъ. Наука и религія. Стр. 187. Интересующихся вопросомъ отсылаемъ къ этому сочиненію, гдѣ они найдутъ полнѣйшее раскрытіе и твердое философское обоснованіе вышеуказанному воззрѣнію.

ляющая ходить, гулять, работать—что-нибудь: *потребность нервной части*—*приятное раздраженіе нервовъ* всего тѣла, какъ мѣрность тепла и холода и подоб., и особенно *приятное раздраженіе пяти нашихъ чувствъ*, въ которыхъ нервная система вышла наружу для общенія со внѣшнимъ міромъ.

«Все это, какъ видите, тѣлесно; душѣ какое бы до всего этого дѣло. Но какъ она, по тѣснѣйшему сочетанію съ тѣломъ, приняла его въ свою личность, то своими считаетъ и всѣ потребности тѣлесныя. Отъ того говоримъ: я хочу ѣсть, пить, спать,—хочу ходить, гулять, работать, хочу видѣть разноцвѣты, слышать разногласіе, обонять разноуханія и проч. Усвоивъ себѣ всѣ потребности тѣлесныя, душа своимъ дѣломъ считаетъ и удовлетвореніе ихъ, и хлопочетъ о пищѣ, питьѣ, снѣ, одеждѣ, кровѣ и всемъ прочемъ, всячески желая добиться того, чтобы тѣло было покойно и не тревожило ее своими докучливыми требованіями. Это отношеніе души къ тѣлу, которое она держать не учась, а сама собою, по внутреннему нѣкому понужденію, обнаруживается въ ней, въ родѣ нѣкаго инстинкта,—животолюбіемъ, тѣлолюбіемъ, желаніемъ покоить тѣло и доставить все для того потребное.

«Совокупность всего этого и есть тѣлесная сторона человѣческой жизни. Но не все здѣсь одинаково тѣлесно, или плотяно и чувственно. Крѣпко плотяно только питательная часть; но и она облагораживается приспособленіемъ ея удовлетворенія къ потребностямъ и цѣлямъ собственно душевнымъ. Органы же движенія и чувства служатъ болѣе нуждамъ души, чѣмъ тѣла. А одинъ органъ, стоящій будто внѣ системы прочихъ органовъ, именно органъ слова—исключительно есть органъ души, назначенный для служенія ей одной.

«Тѣлесная, плотская, чувственная,—неодобрительная въ нравственномъ отношеніи жизнь есть та, когда человекъ, увлекаясь крайне животолюбіемъ и тѣлолюбіемъ, поставяетъ главною для себя цѣлю и заботою покой тѣла, или всестороннее удовлетвореніе потребностей лишь тѣлесныхъ съ

забвением о души и тѣмъ паче о духѣ. При этомъ каждая тѣлесная потребность естественно-простая располагается во множество прививныхъ потребностей чрезъ привычку и пристрастіе къ разнымъ способамъ ея удовлетворенія. Возьмите пищу, или питье, или одежду. Что, кажется, проще всего сюда относящагося? А между тѣмъ сколько потребностей располагается у иныхъ по этой части, потребностей неотлучныхъ: хоть умри, да подай! — Отъ того видимъ, что иные мнуги не имѣютъ свободной, бѣгая за нужнымъ для удовлетворенія ихъ, при всемъ томъ, что десятки другихъ лицъ заняты для нихъ тѣмъ же. У такихъ неизбѣжно должны голодать душа и духъ, если они еще не совсѣмъ заглушены, забыты и погружены въ чувственность».

Разсмотрѣвъ низшую, плотскую сторону человѣческой природы, святитель переходитъ къ явленіямъ высшаго порядка, къ душевной жизни человѣка.

«Если мы станемъ смотрѣть въ душу сообща, то ничего не разберемъ; надо дѣйствія ея распредѣлить по родамъ и каждый потомъ — разсматривать особо. Да — ужъ давно присмотрѣлись, и распредѣлили всѣ дѣйствія души на три разряда — мыслей, желаній и чувствъ, назвавъ каждый особою стороною души — мыслительною, желательною и чувствующею. Возьмемъ это раздѣленіе и начнемъ обозрѣвать каждую сторону.

«*Сторона мыслительная.* Если внутри насъ видится смятеніе, то оно наибольшій просторъ имѣетъ въ мысляхъ; желанія же и чувства мнутся уже подъ дѣйствіемъ мыслей. Но въ разрадѣ мыслей не все есть беспорядочное движеніе; есть въ средѣ ихъ рядъ серьезныхъ занятій. Онѣ-то собственно и составляютъ настоящее дѣло жизни душевной со стороны мыслей. Вотъ эти занятія:

«1) Какъ только замѣтили вы что-либо вовнѣ посредствомъ своихъ чувствъ, или выслушали разсказъ другихъ о томъ, что они замѣтили своими чувствами, тотчасъ все то *воображеніе* воображаетъ и *память* запоминаетъ; и въ душу ничто не можетъ войти помимо воображенія и памяти. За-

тѣмъ и послѣдующая дѣятельность мыслительная опирается на воображеніе и памяти. Чего не сохранила память, того не вообразишь, о томъ и думать не станешь. Бываетъ, что мысли прямо рождаются изъ души; но и онѣ тотчасъ облекаются въ образъ. Такъ что мысленная сторона души вся есть *образная*.

«2) Но воображеніе и память добываютъ и хранятъ только матеріалъ для мыслей. Само движеніе мыслей исходитъ изъ души, и ведется по законамъ ея. Воображеніе и память не мыслятъ. Онѣ — чернорабочія силы, подозрѣваемые. Способность души, изъ которой исходятъ такіе вопросы и которую доискиваются и поражаются мысли въ отвѣтъ на нихъ, называется *разсудкомъ*, котораго дѣло разсуждать, обдумывать и находить требуемыя рѣшенія. Понаблюдайте за собою и найдете, что ничего у васъ не дѣлается безъ обдуманія сообщенія. Всякую малость приходится обсуждать.

«3) Когда вы обдумываете, то тутъ нѣтъ еще опредѣленной мысли. Мысль опредѣленная устанавливается, когда найдете рѣшеніе какого-либо изъ вопросовъ. Разсудокъ вашъ все роется, ища — что такое есть какая-либо вещь, откуда она и для чего она и проч. Когда же найдете сами такое рѣшеніе, или, выслушавъ его отъ другихъ, согласитесь съ нимъ, — обыкновенно говорите: теперь понимаю, толковать больше нечего, дѣло рѣшено. Это рѣшеніе даетъ покой вашей мыслительности относительно занимавшаго васъ предмета. Тогда разсудокъ вашъ обращается къ другимъ предметамъ, а сложившаяся мысль сдается въ архивъ душевный — память, откуда, по требованію нужды, берется какъ чпособіе къ рѣшенію другихъ вопросовъ, какъ средство къ слаганію другихъ мыслей. Совокупность всѣхъ сложившихся такимъ образомъ понятій составляетъ образъ вашихъ мыслей, который вы и обнаруживаете при всякомъ случаѣ въ рѣчахъ своихъ. Это есть область вашего *знанія*, добытаго вами трудомъ мысленнымъ. Чѣмъ больше у васъ рѣшено вопросовъ, тѣмъ больше опредѣленныхъ мыслей или понятій о вещахъ, чѣмъ больше такихъ понятій, тѣмъ шире кругъ

вашего знанія. Такимъ образомъ, какъ видите, выше памяти и воображенія у васъ стоитъ разумокъ, который своимъ *мыслительнымъ трудомъ* добываетъ для васъ опредѣленные о вещахъ *понятія или познанія*.

«Не на всякій вопросъ удастся намъ добыть опредѣленный отвѣтъ. Большая часть ихъ остается нерѣшенными. Думаютъ—думаютъ, и ничего опредѣленного не придумаютъ. Почему говорятъ: можетъ быть такъ, а можетъ быть этакъ. Это даетъ *мнѣнія и предположенія*, которыхъ въ общей сложности у насъ не больше ли, чѣмъ сколько есть опредѣлившихся познаній.

«Когда кто, обсуждая извѣстный классъ предметовъ, добудетъ самъ и отъ другихъ позанимствуешь такъ много опредѣленныхъ о нихъ мыслей и понятій, а не рѣшенное въ нихъ успѣетъ дополнить такими удачными мнѣніями и предположеніями, что можетъ счесть этотъ кругъ предметовъ достаточно познаннымъ и усвоеннымъ, тогда приводитъ все добытое въ порядокъ, излагаетъ въ связи и послѣдовательности, и даетъ намъ *науку* о тѣхъ предметахъ. Наука—вѣнецъ мыслительной работы разсудка.

«Все это я рассказываю вамъ затѣмъ, чтобъ яснѣе вамъ было, въ чемъ должна бы состоять естественная законная дѣятельность нашей мыслительной силы. Ей слѣдовало бы трудолюбно обсуждать неизнаемое еще, чтобъ познать то. Научниками быть дано очень немногимъ, не всѣмъ можно и проходить науки; но обсуждать окружающія насъ вещи, чтобъ добыть опредѣленные о нихъ понятія, всѣмъ и можно и должно. Вотъ этимъ и слѣдовало быть у всѣхъ занято мыслительной силѣ. Сколько она добудетъ, это—судя по своей крѣпости; но она должна быть всегда занята серьезнымъ дѣломъ обдумыванія и обсужденія дѣйствительностей. Между тѣмъ что видимъ въ нашей мысленной области? Непрерывное движеніе образовъ и представленій безъ всякой опредѣленной пѣли и порядка. Помышленіе за помышленіемъ возстаютъ, и то идутъ въ рядъ, то поперечать другъ другу, то забѣгаютъ впередъ, то возвращаются назадъ, то

отбѣгаютъ въ стороны, ни на чемъ не останавливаясь. Это не разсужденіе, а блужданіе и разсѣяніе мыслей; слѣд., состояніе, совсѣмъ противоположное тому, чѣмъ бы слѣдовало являться нашей мыслительной силѣ,—болѣзнь ея, столь видренная въ нее и общая всѣмъ, что вы ни одного не найдете человѣка, который бы могъ постоянно вести серьезный трудъ мышленія, не подвергаясь разсѣянію и блужданію мыслей, отрывающихъ его отъ дѣла и увлекающихъ въ разныя стороны. Часто мы задумываемся. Что это за состояніе?—Вотъ что: мысль сходитъ въ архивъ памяти и помощію воображенія перебираетъ тамъ весь собравшійся хламъ, переходя отъ исторіи къ исторіи, по извѣстнымъ законамъ сѣпленія представленій, прилетая къ бывалому небывалое, а нерѣдко даже невозможное, пока не придетъ въ себя и не возвратится къ дѣйствительности окружающей. Говорятъ: углубился. Углубился, но въ пустоту, а не въ серьезное обсужденіе дѣла. Это есть тоже, что сонное мечтаніе,—правдомысліе и пустомысліе. Понаблюдайте за собою и увидите, что большая часть времени проходитъ у насъ именно въ такомъ пустомысліи и блужданіи мыслей. Иной день, (и не больше ли такихъ)—ни одной серьезной мысли не вспадетъ на умъ. Прошу обратить на это вниманіе, и заняться рѣшеніемъ вопроса: пристало ли такъ дѣйствовать разумной твари?

«*Желательная сторона.* Дѣйствующая здѣсь сила есть *воля*, которая «волитъ», желаетъ приобрести, употребить или сдѣлать, что находитъ полезнымъ для себя, или нужнымъ, или приятнымъ, и не волитъ,—не желаетъ противнаго тому. Воленія воли требуютъ соотвѣтственнаго дѣла, потому воли прямѣе есть дѣятельная сила, которой существенная потребность—жить и дѣйствовать. Она держитъ въ своемъ завѣданіи всѣ силы души и тѣла и всѣ подручные способы, которые всѣ и пускаетъ въ ходъ, когда нужно. Въ основѣ ея лежитъ *ревность* или ретивость—жажда дѣла, а возбуждателями стоять при ней—*приятное, полезное и нужное*, которыхъ когда нѣтъ, ревность спать и дѣятельныя силы

теряют напряжение, опускаются. Они поддерживают желание, а желание разжигает ревность.

«Хоть раскрытия сей стороны душевной таковы. Въ душѣ и тѣлѣ есть потребности, къ которымъ привились и потребности житейскія — семейныя и общественныя. Эти потребности сами по себѣ не даютъ опредѣленнаго желанія, а только нудятъ искать имъ удовлетворенія. Когда удовлетвореніе потребности тѣмъ или другимъ способомъ дано однажды, то послѣ того, вмѣстѣ съ пробужденіемъ потребности, рождается и желаніе того, чѣмъ удовлетворена уже была потребность. Желаніе всегда имѣетъ опредѣленный предметъ, удовлетворяющій потребность. Иная потребность равнообразно была удовлетворена; потому съ пробужденіемъ ея, рождаются и разныя желанія, — то того, то другаго, то третьяго предмета, могущаго удовлетворить потребность. Въ раскрывшейся жизни человѣка потребностей за желаніями и не видно. Роятся въ душѣ только сія послѣднія и требуютъ удовлетворенія будто сами для себя.

«Что дѣлать душѣ съ сими желаніями? Ей предлежитъ *выборъ*, какому предмету изъ возжеланныхъ дать предпочтеніе. По выборѣ происходитъ *рѣшеніе*, — сдѣлать, или достать, или употребить избранное. По рѣшеніи дѣлается подборъ *средствъ* и опредѣляется способъ и порядокъ исполненія. За этимъ слѣдуетъ наконецъ дѣло въ свое время и въ своемъ мѣстѣ. Всякое, даже самое маленькое дѣльце, идетъ симъ порядкомъ. Это можете вы провѣрить на какомъ-либо своемъ дѣлѣ. По навыку иногда всѣ эти дѣйствія совершаются мгновенно, и за желаніемъ тотчасъ слѣдуетъ дѣло. Выборъ, рѣшеніе и средства берутся тогда изъ прежнихъ дѣлъ и особаго производства не требуютъ.

«Въ пожившемъ человѣкѣ все почти дѣлается по навыку. Рѣдко случается какое-либо предпріятіе или начинаніе, выходящее изъ обычнаго порядка дѣлъ и занятій. Такъ ужъ бываетъ, что сложившаяся жизнь требуетъ соответственныхъ себѣ дѣлъ. Какъ они повторяются часто, то естественно обращаются въ привычку, правъ, правило жизни и ха-

раκτήрь. Изъ совокупности всѣхъ такого рода привычекъ, правилъ и порядковъ устанавливается образъ жизни извѣстнаго лица, какъ изъ совокупности установившихся понятій составляется образъ его мыслей и воззрѣній. Зная чей-либо образъ жизни, можно угадывать, что думаетъ онъ въ то или другое время и какъ поступить онъ въ извѣстныхъ обстоятельствахъ.

«Заправителемъ дѣятельной жизни поставлено *благоразуміе*, которое есть тотъ же разсудокъ, только состоящій на службѣ у воли. Въ мысленной области разсудокъ рѣшаетъ — какъ что есть изъ существующаго, а въ желательной и дѣятельной опредѣляетъ — какъ что дѣлать должно, чтобы вѣрно было достигаемо то, что законно возжелано. Когда привыкнетъ онъ опредѣлять это какъ слѣдуетъ, такъ что чело-вѣкъ дѣла свои ведетъ всегда или большею частію съ успѣхомъ, тогда ему справедливо приписывается *благоразуміе* — умѣнье съ успѣхомъ вести дѣла, вѣрно соображая средства съ дѣлами и дѣла съ внѣшними обстоятельствами.

«Изъ сказаннаго вамъ нетрудно будетъ вывести заключеніе о естественно-законной дѣятельности воли, которая, какъ видите, есть госпожа всѣхъ нашихъ силъ и всей жизни. Ея дѣло опредѣлять образъ, способъ и мѣру удовлетворенія желаній, порождаемыхъ потребностями, или ихъ замѣтившихъ, чтобы жизнь текла достоудно, доставляя покой и радость живущему. Есть у насъ, какъ поминалось, потребности и желанія — душевныя, тѣлесныя, житейскія и общественныя. Не у всѣхъ онѣ одинаково проявляются, потому что не у всѣхъ одинаково слагается жизнь, а у одного такъ, у другаго иначе. Дѣло человѣка опредѣлить, какъ въ своемъ положеніи можетъ и долженъ онъ удовлетворять свои потребности и желанія, приладить подходящія къ тому способы и вести потому свою жизнь. Вести здравомысленно по установившейся нормѣ свою жизнь со всѣми дѣлами ея и начинаніями — се есть задача желательной или дѣятельной стороны нашей жизни. Такъ бы слѣдовало. Но взгляните и рассмотрите, что бываетъ?

«Въ мысленной сторонѣ у насъ бываетъ смятеніе, разсѣяніе и блужданіе мыслей; а въ желательной—непостоянство, безпорядочность и своенравіе желаній, а за ними и дѣла. Сколько времени проходить у насъ въ бездѣліи и пустодѣліи: шатаемся туда и сюда, сами не зная для чего, дѣлаемъ и передѣлываемъ, не умѣя дать здраваго въ томъ отчета; идутъ у насъ начинаніе за начинаніемъ и дѣло за дѣломъ, но изъ всего выходитъ только толкотня-суета. За-рождаются желанія,—и ничего съ ними не подѣлаешь: давай и давай. И добро бы это однажды такъ, а то—почти—что ни часъ. Отъ чего это?—Разслылась госпожа наша—воля. Посмотрите еще, сколько у насъ есть есть прилихъ возбудителей желаній,—гнѣвъ, ненависть, зависть, скупость, тщеславіе, гордость и подобныя? Источникомъ желаній должны быть естественныя потребности сложившейся жизни семейной и общественной; а въ этихъ всѣхъ что есть естественнаго? Они только разстраиваютъ естество и всѣ порядки жизни. Откуда же это варварское нашествіе?

«*Сторона чувства—сердце.*—Кто не знаетъ, сколь великое имѣетъ значеніе въ жизни наше сердце? Въ сердцѣ осаждается все, что входитъ въ душу совѣи и что вырабатывается ея мыслительною и дѣлательною стороною; чрезъ сердце же проходить и то все, что обнаруживается душею вовнѣ. Потому оно и называется центромъ жизни.

«Дѣло сердца—чувствовать все, касающееся нашего лица. И оно чувствуетъ постоянно и неотступно *состояніе души и тѣла*, а при этомъ и *разнообразныя впечатлѣнія* отъ частныхъ дѣйствій душевныхъ и тѣлесныхъ, отъ окружающихъ и встрѣчаемыхъ предметовъ, отъ вѣшняго положенія и вообще отъ теченія жизни, понуждая и нудя человѣка доставлять ему во всемъ этомъ пріятное и отвращать непріятное. Здоровье и нездоровье тѣла, живость его и вялость; утомленіе и крѣпость, бодрость и дремота, затѣмъ—что увидѣно, услышано, осознано, обоняно, вкушено, что вспомянуто, и воображено, что обдумано и обдумывается, что сдѣлано, дѣлается и предлежитъ сдѣлать, что добыто и добывается,

что можетъ и не можетъ быть добыто, что благопріятствуетъ намъ или не благопріятствуетъ—лица ли то или стеченіе обстоятельствъ,—все это отражается въ сердцѣ, и раздражаетъ его пріятно или непріятно. Судя по сему, ему и минуты нельзя бы быть въ покоѣ, а быть въ непрерывномъ волненіи и тревогѣ, подобно барометру предъ бурей. Но почувствовалось и многое проходить у него безъ слѣда, какъ можете проверить тѣми случаями, что когда въ первый разъ случится намъ быть гдѣ, то все насъ тамъ занимаетъ, а послѣ второго и третьего раза—развѣ что!

«Всякое воздѣйствіе на сердце производитъ въ немъ особое чувство, но для различенія ихъ въ нашемъ языкѣ нѣтъ словъ. Мы выражаемъ свои чувства общими терминами: пріятно—непріятно, нравится,—не нравится, весело—скучно, радость—горе, скорбь—удовольствіе, покой—беспокойство, досада—довольность, страхъ—надежда, антипатія—симпатія. Понаблюдайте за собою и найдете, что на сердцѣ бываетъ то одно, то другое.

«Но значеніе сердца въ экономіи нашей жизни не то только, чтобъ страдательно состоять подъ впечатлѣніями и свидѣлствовать объ удовлетворительномъ или неудовлетворительномъ состояніи нашемъ; но и то, чтобъ поддерживать энергію всѣхъ силъ души и тѣла. Смотрите, какъ спѣшно дѣлается дѣло, которое нравится, въ которомъ лежить сердце! А предъ тѣмъ, къ которому не лежитъ сердце, руки опускаются и ноги не двигаются. Отъ того умѣющие собою править, встрѣчая нужное дѣло, которое однакожъ не нравится сердцу, спѣшатъ найти въ немъ пріятную сторону и тѣмъ, помиривъ съ нимъ сердце, поддерживаютъ въ себѣ потребную для дѣла энергію. Ревность,—движущая сила воли,—изъ сердца исходить. Тоже и въ умственной работѣ: предметъ, павшій на сердце, спѣшнѣе и всестороннѣе обсуждается. Мысли при этомъ роятся сами собою, и трудъ, какъ бы онъ ни былъ дологъ, бываетъ не въ трудъ.

«Не все всѣмъ нравится, и не у всѣхъ ко всему одинаково лежитъ сердце; но у однихъ больше къ одному, а у

другихъ больше къ другому. Это выражается такъ: у всякаго свой вкусъ. Зависитъ это частію отъ естественнаго предрасположенія, частію, — и не болѣею ли? — отъ первыхъ впечатлѣній, отъ впечатлѣній воспитанія и случайностей жизни. Но какъ бы ни образовались вкусы, они заставляютъ человѣка такъ устроить свою жизнь, такими окружить себя предметами и соотношеніями, какіе указываетъ его вкусъ и съ какими миренъ онъ бываетъ, удовлетворяясь ими. Удовлетвореніе вкусовъ сердечныхъ даетъ ему покой — сладкій, который и составляетъ свою дѣя всякаго мѣру счастья. Ничто не тревожитъ: вотъ и счастье.

«Еслибъ человѣкъ всегда въ мысленной части держался здравомыслія, а въ дѣятельности — благоразумія; то встрѣчалъ бы въ жизни наименьшую долю случайностей, непріятныхъ его сердцу, и слѣдовательно имѣлъ бы наибольшую долю счастья. Но, какъ указывалось, мысленная часть рѣдко держитъ себя достойно, предаваясь мечтамъ и разсѣянности, и дѣятельная уклоняется отъ своего нормальнаго направленія, увлекаясь непостоянными желаніями, возбуждаемыми не потребностью естества, а приплыми страстями. Отъ того и сердце покоя не имѣетъ, и, пока тѣ стороны находятся въ такомъ состояніи, имѣть его не можетъ. Больше всего тиранивать сердце страсти. Не будь страстей, — встрѣчались бы конечно непріятности, — но онѣ никогда не мучили бы такъ сердца, какъ мучать страсти. Какъ жжетъ сердце гнѣвъ? Какъ терзаютъ его ненависть? Какъ точитъ злая зависть? Сколько тревогъ и мукъ причиняетъ неудовлетворенное или посрамленное тщеславіе? Какъ давитъ скорбь, когда говоръ страдаетъ?

«Да если построжѣ разсмотрѣть, то найдемъ, что и всѣ наши тревоги и боли сердца — отъ страстей. Эти злыя страсти, когда удовлетворяемы бываютъ, — даютъ радость, но кратковременную, а когда не бываютъ удовлетворяемы, а напротивъ встрѣчаютъ противное, то причиняютъ скорбь продолжительную и несносную.

«Такимъ образомъ видно, что сердце наше точно есть корень

и центръ жизни. Оно, давая знать о хорошемъ или худомъ состояніи человѣка, возбуждаетъ къ дѣятельности прочія силы, и послѣдъ дѣятельности ихъ опять принимаетъ въ себя, на усиленіе или ослабленіе того чувства, коимъ опредѣляется состояніе человѣка. Казалось бы, что ему слѣдовало бы отдать полную власть и надъ управленіемъ жизнью, какъ это и бываетъ у многихъ — многихъ вполне, а у всѣхъ прочихъ попомногу. Казалось бы такъ, — и, можетъ быть, по естеству оно имѣло именно такое назначеніе, но привзошли страсти и все помутили. При нихъ и состояніе наше указывается сердцемъ невѣрно, и впечатлѣнія бываютъ не таковы, какимъ слѣдовало бы быть, и вкусы извращаются и возбужденія другихъ силъ направляются не въ должную сторону. Потому теперь законъ — держать сердце въ рукахъ и строгой подвергать критикѣ его чувства, вкусы и влеченія. Когда очистится кто отъ страстей, пусть даетъ волю сердцу; но пока страсти въ силѣ, давать волю сердцу — значитъ явно обрекать себя на всякіе невѣрные шаги. Хуже всего поступаютъ тѣ, которые и цѣлію жизни ставятъ сласти сердца и наслажденія, какъ говорятъ, жизнью. Такъ какъ сласти и наслажденія, плотскія и чувственныя даютъ себя сильнѣе чувствовать, то такія лица всегда ниспадаютъ въ грубую чувственность и становятся ниже той черты, которая отдѣляетъ человѣка отъ прочихъ живыхъ тварей.

«Такъ вотъ вамъ душа и душевная жизнь со всѣхъ ея сторонъ! Я указывалъ нарочно, чему естественно слѣдуетъ быть на каждой сторонѣ и чему не слѣдуетъ.»

«Душа вся обращена исключительно на устроеніе нашего временнаго быта — земнаго. И познанія ея всѣ строятся только на основаніи того, что даетъ опытъ, — и дѣятельность ея обращена на удовлетвореніе потребностей временной жизни, и чувства ея поражаются и держутся только изъ ея состояній и положеній видимыхъ. Что выше сего, то не ея дѣло. Хотя и бываетъ въ ней нѣчто выше сказаннаго, но то гости суть, заходящія къ ней изъ другой высшей области, именно области духа.

«Что же это за ДУХЪ?— Это та сила, которую вдохнул Богъ въ лицо человѣка, завершая сотвореніе его. Всѣ роды существъ наземныхъ изводила, по повелѣнію Божию, земля. Изъ земли вышла и всякая душа живыхъ тварей. Душа человѣческая, хотя и сходна съ душою животныхъ въ низшей своей части, но въ высшей она несравненно превосходитъ ея. Что она является такою въ человѣкѣ,— это зависитъ отъ сочетанія ея съ духомъ. Духъ, вдохнутый Богомъ, сочетавшись съ нею, столько возвысилъ ее надъ всякою не-человѣческою душою. Вотъ почему внутри себя мы замѣчаемъ, кромѣ того, что видится у животныхъ,— и то, что свойственно душѣ человѣка одуховленной, а выше еще -- то, что свойственно собственно духу.

«Духъ, какъ сила, отъ Бога исходящая, вѣдаетъ Бога, ищетъ Бога и въ Немъ одномъ находитъ покой. Нѣкимъ духовнымъ сокровеннымъ чутьемъ удостовѣряясь въ своемъ исхожденіи отъ Бога, онъ чувствуетъ свою полную отъ Него зависимость и сознаетъ себя обязаннымъ всячески угождать Ему и жить только для Него и Имъ.

«Болѣе осозательныя проявленія сихъ движеній жизни духа суть: 1) *Страхъ Божій*. Всѣ люди, на какихъ бы они степеняхъ развитія ни стояли, знаютъ, что есть Верховное Существо, Богъ, Который все сотворилъ, все содержитъ и всѣмъ управлять, что и они во всемъ отъ Него зависятъ, и Ему угождать должны, что Онъ есть Судія и Мздовоздатель всякому по дѣламъ его. Таковъ естественный символъ вѣры, въ духѣ написанный. Исповѣдая его, духъ благоговѣяюще предъ Богомъ и исполненъ страха Божія. 2) *Сотѣтость*. Сознавъ себя обязаннымъ угождать Богу, духъ не знаетъ бы, какъ удовлетворить сей обязанности, если бы не руководила его въ семъ совѣсть. Сообщивъ духу частичку своего всевѣдѣнія въ указанномъ естественномъ символѣ вѣры, Богъ начерталъ въ немъ и требованія Своей святости, правды и благодати, поручивъ ему же самому наблюдать за исполненіемъ ихъ и судить себя въ исправности или неискренности. Сія сторона духа и есть совѣсть, которая ука-

зываетъ что право и что неправо, что угодно Богу и что не угодно, что должно и что не должно дѣлать,—указавъ, властно понуждаетъ исполнить то, а потомъ за исполненіе награждаетъ утѣшеніемъ, а за неисполненіе наказываетъ угрызѣніемъ. Совѣсть есть законодатель, блюститель закона, судія и воздатель. Она есть—естественныя скрижали заветъ Божій, простирающагося на всѣхъ людей. И видимъ у всѣхъ людей вмѣстѣ съ страхомъ Божиимъ и дѣйствія совѣсти. 3) *Жажда Бога*. Она выражается во всеобщемъ стремленіи ко всесовершенному благу, и яснѣе видна тоже во всеобщемъ недовольствѣ ничѣмъ тварнымъ. Что означаетъ это недовольство?— То, что ничто тварное удовлетворить духа нашего не можетъ. Отъ Бога исходя, Богъ онъ ищетъ, Его вкусить жаждаетъ и въ живомъ съ Нимъ пребывающій союзъ и сочетаніи, въ Немъ упокоивается. Когда достигаетъ сего, покоенъ бываетъ, а пока не достигнетъ, покоя имѣть не можетъ. Сколько бы ни имѣлъ кто тварныхъ вещей и благъ, все ему мало. И всѣ, какъ и мы уже замѣчали, ищутъ и ищутъ. Ищутъ и находятъ; но нашедши бросаютъ, и снова начинаютъ искать, чтобы и то, нашедши, такъ же бросить. Такъ безъ конца. Это значитъ, что не того и не тамъ ищутъ, что и гдѣ искать слѣдуетъ. Не осозательно ли это показываетъ, что въ насъ есть сила, отъ земли и земнаго влекущая насъ горѣ—къ небесному!

«Не разъясняя вамъ подробно всѣхъ этихъ проявленій духа, навожу только мысль вашу на его присутствіе въ насъ и прошу васъ побольше подумать объ этомъ и довести себя до полного убѣжденія, что точно есть въ насъ духъ. Ибо въ немъ отличительная черта человѣка. Душа человѣческая дѣлаетъ насъ малымъ нѣчимъ выше животныхъ, а духъ является насъ малымъ нѣчимъ умаленными отъ ангеловъ. Вы, конечно, знаете смыслъ ходящихъ у насъ фразъ—духъ писателя, духъ народа. Это совокупность отличительныхъ чертъ,—дѣйствительныхъ, но нѣкоторымъ образомъ идеальныхъ, умомъ познаваемыхъ, неуловимыхъ и неосозаемыхъ. То же самое есть и духъ человѣка: только духъ писателя,

напримѣръ, видится идеально, а духъ человѣка присущъ въ немъ, какъ живая сила, живыми и ощущаемыми движеніями свидѣтельствующая о своемъ присутствіи.

«Изъ сказаннаго, мнѣ желательно было бы, чтобы вы вывели такое заключеніе: въ комъ нѣтъ движеній и дѣйствій духа, тотъ не стоитъ въ уровнѣ съ человѣческимъ достоинствомъ.

«Что привзошло въ душу вслѣдствіе соединенія ея съ духомъ, иже отъ Бога? Отъ этого вся душа преобразилась и изъ животной, какова она въ природѣ, стала человѣческою, съ тѣми силами и дѣйствіями, какія указаны выше. Но не объ этомъ теперь рѣчь. Пребывая такою, какъ описано, она обнаруживаетъ сверхъ того высшія стремленія и восходитъ на одну степень выше, являясь душею одуховленною.

«Такія одуховленія души видны во всѣхъ сторонахъ ея жизни—мысленной, дѣятельной и чувствующей.

«Въ мысленной части отъ дѣйствія духа является въ душѣ *стремленіе къ идеальности*. Собственно душевная мыслительность вся опирается на опытъ и наблюденія. Изъ того, что узнается симъ путемъ раздробленно и безъ связи, она строитъ обобщенія, дѣлаетъ наведенія, и добываетъ такимъ образомъ основныя положенія объ извѣстномъ кругѣ вещей. На этомъ бы и стоять ей. Между тѣмъ, она никогда не бываетъ этимъ довольна, но стремится выше ища опредѣлить *значеніе каждаго круга вещей* въ общей совокупности твореній. Напримѣръ, что есть человѣкъ, это познается посредствомъ наблюденій надъ нимъ, обобщеній и наведеній. Но не довольствуясь этимъ, мы задаемся вопросомъ: «что значить человѣкъ въ общей совокупности твореній»? Доскиваясь этого, иной рѣшитъ: онъ есть возглавленіе и вѣнецъ тварей;—иной: онъ есть жрецъ—въ той мысли, что голоса всѣхъ тварей, хвалящихъ Бога безсознательно, онъ собираетъ и возноситъ хвалу всевышнему Творцу разумною пѣсню. Такого рода мысли и о всякомъ другомъ родѣ тварей и о всей ихъ совокупности пораждать имѣетъ познать душа. И пораждаетъ. Отвѣчаютъ ли онѣ дѣлу или нѣтъ, это другой вопросъ, но несомѣнно, что она имѣетъ познать

искать ихъ, ищетъ и пораждаетъ. Это и есть стремленіе къ идеальности: ибо значеніе вещи есть ея идея.

«Это стремленіе обще всѣмъ. И тѣ, которые не даютъ цѣны никакимъ познаніямъ кромѣ опытныхъ,—и они не могутъ удержаться отъ того, чтобы не поидеальничать, противъ воли, сами не замѣчая того. Языкомъ отвергаютъ идеи, на дѣлѣ ихъ строятъ. Догадки, какія они принимаютъ, и безъ которыхъ ни одинъ кругъ познаній не обходится, суть низшія классы идей.

«Образъ возвращенія идеальный есть метафизика и настоящая философія, которая какъ была всегда, такъ всегда и будетъ въ области познаній человѣческихъ. Духъ, всегда намъ присущій, какъ существенная сила, самъ Бога созерцающа, яко Творца и Промыслителя, и душу манитъ въ ту невидимую и безпредѣльную область. Можетъ быть, духу, по его богоподобію, предназначено было и всѣ вещи созерцать въ Богѣ; и онъ созерцалъ-бы, еслибъ не паденіе. Но вселчеловѣски и теперь кто хочетъ созерцать все сущее идеально ему слѣдуетъ исходить отъ Бога, или отъ того символа, который Богомъ написанъ въ духѣ. Мыслители, которые не такъ дѣлаютъ, уже по тому самому не суть философы. Не вѣря идеямъ, постраиваемымъ душею на основаніи внушеній духа, они несправедливо поступаютъ, когда не вѣрятъ тому, что составляетъ содержаніе духа, ибо то есть человѣческое произведеніе, а это—Божеское.

«Въ дѣятельной части отъ дѣйствія духа является желаніе и производство безкорыстныхъ дѣлъ или добродѣтелей, или даже и выше—стремленіе стать добродѣтельною. Собственное дѣло души въ этой ея части—воля—есть устроеніе временнаго быта человѣка, да благо будетъ ему. Исполняя это назначеніе, она все дѣлаетъ по тому убѣжденію, что дѣлаемое или пріятно, или полезно, или нужно для устроеннаго ею быта. Между тѣмъ, она этимъ не довольствуется, но выходитъ изъ этого круга и совершаетъ дѣла и начинанія совсѣмъ не потому, что они нужны, полезны и пріятны, но потому, что они хороши, добры и справедливы, стремясь

къ нимъ со всею ревностію, не смотря на то, что они ничего не дыють для временнаго бытія и даже неблагоприятны ему и ведены бываютъ на счетъ его. У иного такіа стремленія проявляются съ такою силою, что онъ жертвуетъ для нихъ всѣмъ своимъ бытомъ, чтобъ жить отрѣшенно отъ всего. Проявленія такого рода стремленій повсюдны, даже и въ христіанствѣ. Откуда онѣ? Изъ духа. Въ совѣсти начертана норма святой, доброй и праведной жизни. Получивъ вѣдѣніе о ней чрезъ сочетаніе съ духомъ, душа увлекается ея незримою красотою и величіемъ и рѣшается ввести ее въ кругъ своихъ дѣлъ и своей жизни, преобразуя и ее по ея требованіямъ. И всѣ сочувствуютъ такого рода стремленіямъ, хотя не всѣ всецѣло предаются имъ; но ни одного нѣтъ человѣка, который бы по временамъ не посвящалъ своихъ трудовъ и своего достоянія на дѣло въ такомъ духѣ.

«Въ чувствующей части отъ дѣйствія духа является въ душѣ стремленіе и любовь къ красотѣ, или, какъ обычно говорятъ, къ изящному. Собственное дѣло сей части въ душѣ воспринимать чувствомъ благоприятныя или неблагоприятныя свои состоянія и воздѣйствія совѣти, по мѣрѣ удовлетворенія или неудовлетворенія душевно-тѣлесныхъ потребностей. Но видимъ въ кругу чувствъ вмѣстѣ съ этими корыстными, — назовемъ такъ, — чувствами, рядъ чувствъ безкорыстныхъ, возникающихъ совсѣмъ помимо удовлетворенія, или неудовлетворенія потребностей, — чувствъ отъ услажденія красотою. Глазъ не хочется оторвать отъ цвѣтка и слуха отвратить отъ пѣнія, потому только, что то и другое прекрасно. Всякой упорядочиваетъ и украшаетъ свое жилище такъ или такъ, потому что такъ красивѣе. Идемъ въ прогулку и избираемъ мѣсто для того потому одному, что оно прекрасно. Выше всего этого — наслажденіе, доставляемое картинами живописи, произведеніями валянія, музыкою и пѣніемъ, а и этого всего выше — наслажденіе твореніями поэтическими. Изыщныя произведенія искусства услаждаютъ не одною красотою внѣшней формы, но особенно красотою внутреннего содержанія, красотою умно-созерцаемою, идеальною. Откуда такіа

явленія въ душѣ? Это гости изъ другой области, изъ области духа. Духъ, Бога вѣдущій, естественно постигаетъ красоту Божию, и ею единою ищетъ наслаждаться. Хотя не можетъ онъ опредѣленно указать, что она есть, но предначертаніе ся неся сокровенно въ себѣ, опредѣленно указываетъ, что она не есть, выражая сіе показаніе тѣмъ, что не довольствуется ничѣмъ тварнымъ. Красоту Божию созерцать, вкушать и ею наслаждаться есть потребность духа, есть его жизнь и жизнь райская. Получивъ вѣдѣніе о ней чрезъ сочетаніе съ духомъ, и душа увлекается въ слѣдъ ея и постигая ее своимъ душевнымъ образомъ, то въ радости бросается на то, что въ ея кругѣ представляется ей отраженіемъ ея (дилетантъ), то сама придумываетъ и производитъ вещи, въ которыхъ чаеъ отразить ее, какъ она ей представилась (художники и артисты). Вотъ откуда эти гости, — сладостныя, отрѣшенныя отъ всего чувственного чувства, возвышающія душу до духа и одуховляющія ее! Замѣчу, что изъ искусственныхъ произведеній я отношу къ сему классу только тѣ, которыхъ содержаніемъ служатъ божественная красота незримыхъ божественныхъ вещей, а не тѣ, которыя хоть и красивы, но представляютъ тотъ же обычный душевно-тѣлесный бытъ, или тѣ же наземныя вещи, которыя составляютъ всегдашнюю обстановку того быта. Не красоты только ищетъ душа, духомъ водимая, но выраженія въ прекрасныхъ формахъ невидимаго прекраснаго міра, куда манитъ ее своимъ воздѣйствіемъ духъ.

«Такъ вотъ что дать душѣ духъ, сочетанъ будучу съ нею, и вотъ какъ душа является одуховленною! — Не думаю, чтобъ что либо изъ этого затруднило васъ; прошу однакожъ не мимоходомъ пробѣжать писанное, а пообсудить хорошенько, и къ себѣ приложить. *Одуховлена ли ваша душа?*...

ГЛАВА VII.

Се—норма! и се—рай!

„Во второй раз только все о том же, чтобы все это покрывало засыло у вас в памяти“.

Пресвященный Θεοφιанъ.

Установивъ ясныя понятія о природѣ челоѣка и взаимномъ отношеніи между собою различныхъ силъ и сторонъ нашего существа, святитель дѣлаетъ выводъ, что «по естественному назначенію челоѣкъ долженъ жить въ духѣ, духу подчинять и духомъ проникать все душевное, а тѣмъ паче тѣлесное,—а за ними и все свое внѣшнее, т. е. жизнь семейную и общественную. *Се—норма!*»

«Какъ быть, чтобы жить въ духѣ и имъ одухотворять душу и тѣло и все свое внѣшнее?»

«Духовныя потребности выше всѣхъ, и когда онѣ удовлетворяются, то другія хоть и не будутъ удовлетворяемы, покой бываетъ; а когда онѣ не удовлетворяются, то будь всѣ другія удовлетворяемы богато, покоя не бываетъ. Почему удовлетвореніе ихъ и называется *единымъ на потребу*.

«Когда удовлетворяются духовныя потребности, то онѣ научаютъ челоѣка поставять въ согласіе съ ними удовлетвореніе и прочія потребности, такъ что ни то, чѣмъ удовлетворяется душа, ни то, чѣмъ удовлетворяется тѣло, не противорѣчатъ духовной жизни, а ей поспоспешествуютъ,—и въ челоѣкѣ водворяется полная гармонія всѣхъ движеній и обнаруженій его жизни,—гармонія мыслей, чувствъ, желаній, предпріятій, отношеній, наслажденій. *И се—рай!* Напротивъ, когда духъ не удовлетворяется и сіе единое на потребу забыто, тогда всѣ другія потребности разбѣгаются въ разныя стороны и каждая требуетъ своего, и какъ ихъ куча, то голоса ихъ, какъ шумъ на базарѣ, оглушаютъ бѣднаго челоѣка, и онъ мечется то туда, то сюда, какъ

угорѣлый, за удовлетвореніемъ ихъ. Но покоя никогда не имѣетъ, потому что когда одна удовлетворяется, другія не довольствуются тѣмъ, и, не считая себя чѣмъ-либо ниже той, которая почтена удовлетвореніемъ, настойчиво требуютъ своего, какъ у матери, когда она накормитъ одного ребенка, другіе пять кричатъ. Оттого внутри у такого шумъ, гамъ, разволочка во всѣ стороны и во всемъ безпорядочность. Такой ничѣмъ недоволенъ, всегда въ тугѣ, то утомившись стоитъ выпуча глаза и недоумѣвая, что бы начать, то кружится и кружится. И се есть суета и крушеніе духа!

«Вотъ откуда и рождается вопросъ: такъ какъ же быть-то? Какъ сдѣлать, чтобы духовная сторона была въ насъ преобладающею и, направляя всѣмъ, вносила строй въ жизнь нашу?»

«Скажу вамъ напередъ, что этому вопросу не было бы мѣста, еслибъ жизнь, свойственная намъ, развивалась, какъ слѣдуетъ. Ибо и тѣлесныя съ душевными потребностями такъ же естественны намъ, какъ и духовныя, и удовлетвореніе имъ само по себѣ не можетъ вносить безпорядка и смятенія въ жизнь, какъ и удовлетвореніе духовнымъ. Развивайся они всѣ въ строй и естественномъ взаимоподчиненіи,—и жизнь челоѣческая текла бы прелесть какъ хорошо. Посадите сѣмечко, поливайте, держите въ должной теплотѣ, оно дастъ ростокъ, стволъ, листъ и наконецъ цвѣтъ—прекрасный. Такъ было бы и съ челоѣкомъ. Раскрывайся онъ въ естественномъ чинѣ,—будетъ всегда выходить прекрасный челоѣкъ. Отчего же это мы ни себя, ни другихъ не видимъ прекрасными? Отчего жизнь наша покрывается?»

«Богъ создалъ челоѣка для блаженства и именно въ Немъ, чрезъ живое съ Нимъ общеніе. Для сего вдунулъ въ лице его дыханіе своей жизни, что есть духъ... Существенное свойство духа — сознаніе и свобода, а существенныя движенія его суть исповѣданіе Бога, Творца, Промыслителя и Воздателя, съ чувствомъ полной отъ Него зависимости,—что все выражается въ любительномъ къ Богу воззрѣваніи, непрестанномъ къ Нему вниманіи и благоговѣйномъ предъ»

Нимъ страхъ, съ желаніемъ творить всегда угодное предъ Нимъ по указанію законоположницы—совѣсти, и съ отрѣшеніемъ отъ всего, чтобъ Единого Бога вкушать и Имъ Единимъ жить и наслаждаться. Человѣку даны въ духъ сознаніе и свобода, но не затѣмъ, чтобъ онъ зазнавался и своевольничалъ, а затѣмъ, чтобъ сознать, что все имѣетъ отъ Бога и для того, чтобъ жить въ Богѣ, все свободно и сознательно направлялъ къ сей единой цѣли. Когда онъ такъ бываетъ настроенъ, то въ Богѣ пребываетъ и Богъ въ немъ пребываетъ. Богъ, пребывающій въ человѣкѣ, даетъ духу его силу властвовать надъ душою и тѣломъ, а далѣе и надъ всѣмъ, что внѣ его. Таково и было первоначальное состояніе человѣка. Богъ являлся прародителямъ и подтвердилъ все сіе Своимъ Божественнымъ словомъ, наказавъ имъ Его Единого знать, Ему Единому служить, въ волѣ Его Единого ходить. Чтوبъ они не запутались въ соображеніяхъ, какъ все это выполнять, Онъ далъ имъ небольшую заповѣдь—не вкушать плодовъ отъ одного древа, названнаго Имъ древомъ познанія добра и зла. Такъ и начали жить наши прародители и блаженствовали въ раѣ.

«Позавидовалъ имъ падшій прежде того по гордости духъ и сбилъ ихъ съ пути, наустивъ ихъ преступить данную имъ небольшую заповѣдь тѣмъ, что обольстительно представилъ, будто со вкушеніемъ отъ запрещеннаго плода они вкусятъ такого блага, котораго безъ того и вообразить не могутъ,—станутъ какъ боги. Они повѣрили и—вкусили. Дѣло вкушенія, можетъ-быть, и не велико, но худо, что повѣрили, не зная кому. Можетъ-быть, и это не такъ бы было важно, еслибъ не тѣ страшно-преступныя мысли и чувства къ Богу, какія, какъ ядъ, влилъ въ нихъ злой духъ. Онъ наговорилъ имъ, что Богъ запретилъ имъ вкушать отъ древа затѣмъ, чтобъ и они не сдѣлались богами. Этому повѣрили. Но повѣривъ такъ, они не могли не принять хульныхъ о Богѣ помысленій, будто Онъ завидуетъ имъ и неблагожелательно къ Нимъ относится, а принявъ такіа помысленія, не могли миновать и нѣкоторыхъ недобрыхъ къ Нему чувствъ и свое-

вольныхъ рѣшеній: такъ мы же сами возьмемъ то, до чего Ты не хочешь допустить насъ. Такъ вотъ Онъ какой,—засѣло у нихъ въ сердцахъ о Богѣ, а мы думали, что Онъ такой благой. Ну,—такъ мы сами себя устроимъ на перекоръ Ему.—Вотъ ати-то мысли и чувства были страшно преступны! Они-то и означаютъ явное отступленіе отъ Бога и враждебное возстаніе противъ Него. У нихъ внутри то же произошло, что приписывается злomu духу: выше облакъ поставлю престолъ мой и буду подобенъ Вышнему,—и это не какъ летучая мысль, а какъ враждебное рѣшеніе.

Такъ сознаніе зазналось и свобода завоевольничала, принявъ на себя устроеніе своей участи. Отпаденіе отъ Бога совершилось полное съ отвращеніемъ нѣкимъ и враждебнымъ возстаніемъ противъ. За это и Богъ отступилъ отъ такихъ преступниковъ,—и живой союзъ прерванъ. Богъ вездѣ есть и все содержитъ, но внутри свободныхъ тварей входитъ, когда они Ему себя предають. Когда же въ себѣ самихъ заключаются, тогда Онъ не нарушаетъ ихъ самовласти, но храня ихъ и держа, внутрь не входитъ. Такъ и прародители наши оставлены одни. Еслибъ покалялись поскорѣе, можетъ-быть, Богъ возвратился бы къ нимъ, но они упорничали и при явныхъ обличеніяхъ ни Адамъ, ни Ева не сознались, что виноваты. Послѣдовалъ судъ и наказаніе изгнаніемъ изъ раѣ. Тутъ опомнились, но уже было поздно. Надо было нести наложенное наказаніе, а за ними и всему роду нашему. Благодареніе всемілостивому Богу, что Онъ хоть отступилъ отъ насъ, но не бросилъ, устроивъ предивный способъ къ воссоединенію насъ съ Собою.

«Духъ былъ властенъ надъ душою и тѣломъ, потому что состоялъ въ живомъ общеніи съ Богомъ и отъ Него получалъ божескую силу. Когда пресѣлось живое общеніе съ Богомъ, пресѣлся притокъ и божеской силы. Духъ, себѣ оставленный, не могъ уже быть властителемъ души и тѣла, но былъ увлеченъ и самъ завладѣнъ имъ. Надъ человѣкомъ возобладала душевность, а черезъ душевность—тѣлесность, и сталъ онъ душевенъ и плотянь. Духъ хоть тутъ же, но безъ

власти. Онъ заявляетъ свое существованіе то страхомъ Божіимъ, то тревогами совѣсти, то недовольствомъ ничѣмъ тварнымъ; но его предъявленій не берутъ во вниманіе, а принимаютъ только къ свѣдѣнію, всю заботу обращая на устройство своего быта здѣшняго, къ чему и назначена душа,—и быта, болѣе вещественнаго, потому что здѣшняя жизнь посредствуется тѣломъ и что все тѣлесное осязательнѣе и кажется нужнѣе.

«Когда произошло такое низверженіе порядка въ соотношеніяхъ частей естества нашего, человѣкъ не могъ уже видѣть вещи въ настоящемъ видѣ, не могъ держать въ должномъ порядкѣ свои потребности, желанія и чувства. Они пришли въ смятеніе, и беспорядочность стала характеристическою ихъ чертою. Но это недоброе, конечно, состояніе было бы еще сносно, еслибъ не страсти, а то страсти превзошли и тиранятъ человѣка. Смотрите, какъ разсерцавашаго бьетъ гнѣвъ, какъ лихорадка? Какъ завистливаго источила зависть, что посинѣлъ бѣдникъ? Какъ опечаленнаго изсушила скорбь, что онъ—кости и кожа?—Таковы и всѣ страсти. Вошли же онѣ вмѣстѣ съ самостію. Какъ только провознеслось внутри прѣотца: *такъ—Я самъ...* такъ самость выдрилась въ него—сей ядъ и сіе сѣмя сатанинское. Изъ ней потомъ развилось все полчище страстей: гордость, зависть, ненависть, скорбь, уныніе, любобманіе и чувственность,—всеѣми ихъ многочисленными и многообразными порожденіями. Расплывшись внутри, они еще болѣе возмущаютъ и безъ нихъ уже смятенное тамъ состояніе.

«Такъ вотъ въ чемъ болѣзнь. Духъ зазнался и засвоевольничалъ. За это потерялъ власть и подпалъ подъ владычество души и тѣла и всего виѣшняго. Отсюда смятеніе душевно-тѣлесныхъ потребностей и желаній,—и особенно ихъ безмѣрность. Эту безмѣрность сообщаетъ имъ отъ себя духъ, ими поработенный. Сами по себѣ эти потребности мѣрны и небурливы. То, что онѣ мѣры не имѣютъ и бурлятъ, это отъ того, что духъ бушуетъ въ нихъ: ибо у него по природѣ энергія безгранична. Отсюда обжорство, пьянство,

копленіе денегъ... и прочее многое, чему мѣры не думаетъ давать человѣкъ...»

Происходя отъ общихъ прародителей, мы всѣ рождаемся съ зачатками зла, которые, раскрываясь вмѣстѣ съ раскрытіемъ нашихъ силъ и потребностей, вносятъ въ нихъ смятеніе и полное разстройство.

Но осталась надежда на возстановленіе. Разстройство прирождено намъ, но не природно. Прида въ разстройство, наша природа въ существѣ своемъ не измѣнилась послѣ грѣхопаденія: она только болѣетъ и страдаетъ отъ разрушенной грѣхомъ гармоніи силъ и способностей человѣка.

«Запомните и убѣжденіе въ томъ держите крѣпко. Убѣжденіе это будетъ поддерживать у васъ ревность къ врачеванію сей болѣзни. Если она неприродна, то, значитъ, есть возможность врачевать ее. Имѣя же сію надежду, кто не воодушевится и самымъ дѣломъ врачевать себя? Естество наше въ чистомъ видѣ достолюбезно. Сами Ангелы взираютъ на него съ любовію и удивленіемъ, когда оно является таковымъ. Намъ ли не желать увидѣть его таковымъ и при томъ не внѣ—въ другихъ, а въ себѣ самихъ? Да вѣдь и все счастье наше и благобытіе въ томъ состоитъ, чтобъ избавиться отъ сей болѣзни. Ибо, когда ее не будетъ, что помѣшаетъ намъ быть въ блаженномъ состояніи и чувствовать себя таковыми? Напротивъ, если эта болѣзнь природна, то ее ужъ не уврачуешь. Такъ и останется она навсегда, сколько ни трудись надъ изгнаніемъ ея. Прими эту мысль,—и руки опустишь, говоря въ себѣ: такъ вѣрно ужъ быть. А это и есть то пагубное нечаяніе, въ которое вложившись, предають себя студодѣванію въ дѣланіе всякой нечистоты (Еф. 4, 19).

«И еще повторю: держите убѣжденіе, что неприродна намъ беспорядочность наша, и не слушайте тѣхъ, которые говорятъ: что тутъ толковать, такъ ужъ мы сотворены, ничего съ собою не подѣлаешь. Не такъ мы сотворены, и если возьмемся за себя какъ слѣдуетъ, то что-нибудь и сдѣлаемъ съ собою.

«Такъ что же нужно для того, чтобъ все въ васъ поставить въ прежній—первоначальный чинъ?»

«Какъ скатились мы подъ гору, обратно тому надо и восходить опять на гору. Какъ зашла блѣзнь, противоположно тому дѣйствуя, можно изгнать ее. Отпали отъ Бога, надобно воссоединиться съ Нимъ. Отпали, усомнившись въ словѣ Бога, надо возставить полную вѣру сему слову. Потерявъ вѣру Богу и въ Бога, принали мы пагубное рѣшеніе: такъ я самъ,—надо уничтожить это—я самъ. Когда образовалось это пагубное—я самъ, духъ нашъ потерялъ свойственную ему силу властвовать надъ душею и тѣломъ, и напротивъ самъ подпалъ подъ иго рабства имъ; надо возстановить сію власть духа. Когда власть духа пресѣклась, потребности души и тѣла разбрелись въ разныя стороны и въ желаніяхъ нашихъ произошло смятеніе; надо всѣ эти потребности опять привести къ единству и установить въ ихъ чинѣ взаимоподчиненіе. Вмѣстѣ съ пагубнымъ: я самъ, втѣснилась въ кругъ жизни нашей стала страстей, подобно дикимъ звѣрямъ, терзающихъ насъ; надо изгнать сіи страсти.»

«Видите, сколько надо. Уже по одному множеству и важности сего надобнаго можете заключать, что самимъ намъ не сладить съ этимъ, единственно однакожъ надобнымъ для насъ, дѣломъ. Особенно же нельзя падѣяться самимъ уладить это главнѣйшее наше дѣло потому, что первый пунѣтъ въ немъ, не установивъ котораго за другіе и братья нечего, именно—воссоединеніе съ Богомъ, никакъ не можетъ состоять въ нашей власти. Мы можемъ желать его и искать; но устроить его—дѣло не нашихъ рукъ. Кто можетъ втѣсниться въ область Божію, или самъ проложить дорогу къ Нему? Кто силенъ взять у Бога, что желаетъ, тѣмъ паче повудить Бога быть въ насъ, чтобъ и мы были въ Немъ, и особенно послѣ того, какъ все это было уже дано намъ, но презрѣно, и лице Божіе умалено недоуверіемъ и власть Его поправа самоволиемъ? Говоримъ: покаюсь, и каюсь. Но не твое дѣло поставлять условія. Можетъ и покаяніе идти въ

дѣло; но когда Самъ Богъ его постановить и согласится принимать. А само по себѣ чтó оно?! Ушибся и больно: что тутъ?!

«Такъ воссоединеніе съ Богомъ не въ нашей власти; и условія его и образъ совершенія его и все, сюда относящееся, не въ нашихъ рукахъ. Между тѣмъ вотъ какъ оно важно,—что совершится воссоединеніе, все прочее пойдетъ уже само собою. Тотчасъ возьметъ силу духъ, подчинитъ себѣ душу и тѣло, упорядочитъ потребности и желанія и выгонитъ страсти. Но ему-то самому какъ состояться? Рѣчь эту я веду къ тому, чтобъ дать вамъ разумѣть, что нечего намъ ломать своей головы надъ тѣмъ, какъ воссоединиться съ Богомъ. Сколько ни ломай, ничего не придумаешь; а скорѣе, если Богу угодно было установить законъ и порядокъ сего воссоединенія, поспѣши пріять его полною вѣрою и воспользоваться имъ съ теплою благодарностію. И благодареніе человѣколюбивому Богу! Все уже для того совершено, установлено и растолковано. Принимай и пользуйся.»

«Не буду излагать вамъ какъ все сіе совершенно; скажу главное. Для возстановленія духа нашего и воссоединенія его съ Богомъ необходимо, чтобы Духъ Божій нисходилъ въ него и оживлялъ его. Чтобы открыть путь нисхожденію Духа Божія, Сынъ Божій воплотился, пострадалъ плотію, умеръ на крестѣ, воскресъ, вознесся на небеса и послалъ отъ Отца Духа Святаго, Который, пріемлемъ бывая вѣрующими въ Сына, исполняетъ въ нихъ то, о чемъ молился сей Сынъ: *якоже Ты, Отче, во Мнѣ и Азъ въ Тебѣ, да и тѣи въ Насъ едино будутъ* (Іоан. 17, 21).

«Какже Онъ совершаетъ сіе? Сочетавается съ духомъ тѣхъ, кои вѣруютъ въ Сына Божія и, оживляя его, воссоединяетъ его съ Богомъ. Сіе именуется новымъ рожденіемъ отъ Бога, которое вѣрующихъ дѣлаетъ чадами Божіими по благодати, какъ говорить св. Іоаннъ Евангелистъ: *елицы пріѣлиа Его, даде имъ область чадомъ Божіимъ быти въпріующимъ во имя Его: иже не отъ крови..., но отъ Бога родившася* (Іоан. 1, 13). И стало закономъ духовной жизни

о Христѣ Иисусѣ: *аще кто не родится водою и Духомъ, не можетъ внити въ царство Божіе; ибо только рожденное отъ Духа духъ есть* (Іоан. 3, 5, 6).

«Не извольте пытаться, почему нужно все сіе для возстановленія въ насъ истинной жизни, а примите и содержите то съ простотою и искренностію дѣтской вѣры. Станете пытаться, подойдетъ врагъ, и, какъ вѣкогда Евѣ, нащелчетъ вамъ соблазны и поколеблетъ вѣру, а чрезъ то лишитъ и плодъ вѣры... Такъ не пытайте Божіа устройства, и я вамъ ничего объ этомъ не скажу, хоть обычно говорится кое что въ объясненіе сего. Скажу только нѣсколько словъ о томъ, что производитъ въ насъ Духъ Святый, возстановляя духъ нашъ.

«Производство Богообщенія совершается благодатію Святаго Духа. Онъ изготавляетъ въ насъ обитель, и вмѣстѣ съ Богомъ-Отцемъ и Богомъ-Сыномъ вселяется въ насъ. Какъ же изготавляется сія обитель?

«Духъ Божій сокровенно дѣйствуетъ на духъ нашъ и приводитъ его въ движеніе. Пришедшій въ движеніе духъ нашъ возставляетъ въ себѣ естественное свое Боговѣдѣніе, что Богъ есть, все содержитъ и издвоздатель есть. Сознаніе сего возставляетъ чувство всесторонней зависимости отъ Бога и оживляетъ страхъ Божій. То и другое растревоживаетъ совѣсть — свидѣтельницу и судію дѣлъ нашихъ и чувствъ, между коими рѣдко что встрѣчается такое, на что бы благоволиительно воззрѣлъ Богъ. Встревожженная совѣсть, вмѣстѣ съ страхомъ Божіимъ и чувствомъ всесторонней зависимости отъ Бога, ставятъ человека въ чувство безвыходности своего положенія: камо пойду? камо бѣгу? Но бѣжать некуда: пойманъ и въ рукахъ Бога—Суди и Воздавателя. Чувствуется *нѣтъ Божій съ небесе на всякую неправду* (Рим. 1, 18).

«Но тутъ приходитъ благовѣстіе Евангелія и выводитъ изъ бѣды. Безъ Евангелія такое пробужденіе духа нашего было бы пагубно, ибо неизбѣжно ввергало бы въ отчаяніе. Но благодать Божія такъ устрояетъ, что истинное пробуж-

деніе духа и совершается и сопутствуется Евангеліемъ. Тому, у кого внутри образовалось, вслѣдствіе пробужденія духа: камо пойду? камо бѣгу? Евангеліе возвѣщаетъ: куда и зачѣмъ бѣжать? Иди подъ сѣнь креста и спасешься. Сынъ Божій, воплотившись, умеръ на крестѣ во очищеніе грѣховъ нашихъ. Вѣруй въ сіе и получишь отпущеніе грѣховъ, и милость Божію срѣтишь. Апостолы всегда такъ и дѣлали, проповѣдуя Евангеліе. Растревожатъ, а потомъ говорятъ: вѣруй въ распятаго Господа и спасенъ будешь.

«Не все совершаетъ одинъ Духъ Божій. Требуется нѣчто и отъ насъ, и это нѣчто — немаловажно. Духъ Божій возбуждаетъ, благовѣстіе указываетъ, за что взятыся. Сіе отъ Бога. Но сдѣлавъ сіе, Богъ останавливается, — и ждетъ нашего произволенія. Первыми дѣйствіями своими Богъ какъ бы спрашиваетъ: хочешь выйти изъ бѣды? Вотъ что сдѣлай. Моментъ сей самый важный. Склонится кто на указаніе, — открываетъ входъ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ благодати, которая и вводитъ его потомъ въ область спасенныхъ. Не склонится, — пресѣкаетъ дальнѣйшія дѣйствія благодати, и остается въ средѣ погибающихъ. Апостолъ Павелъ проповѣдуетъ въ Ареопагѣ. Послѣ проповѣди св. Діонисій и еще кто то идутъ въ слѣдъ его и крестятся; а изъ прочихъ кто говоритъ: «чему это учить суесловивый сей?» а кто: «приходи въ другой разъ, послушаемъ тебя». Богъ никого не неволитъ спастися, а предлагаетъ на выборъ, и только того, кто избереетъ спасеніе, спасаетъ. Еслибъ не требовалось наше произволеніе, Богъ всѣхъ въ одно мгновеніе сдѣлалъ бы спасенными: ибо всѣмъ хочется спастися. Но тогда и совсѣмъ не было бы погибающихъ. А произволеніе наше не всегда разумно бываетъ, упорничаетъ и Самому Богу не внимаетъ. Вотъ и гибнетъ.

«Такъ извольте замѣтить сей моментъ. Онъ всегда во всякомъ духѣ долженъ быть присущъ, когда кто стоитъ на сторонѣ спасаемыхъ. Слагается онъ изъ слѣдующихъ дѣйствій: послѣ того, какъ благодать возбуждитъ чувство крайности положенія, а благовѣстіе укажетъ исходъ изъ него, къ чув-

ству бѣды приложить надо сознаніе, что самъ во всемъ виновать и раскаяться въ томъ; утѣрять въ дѣйственность предлагаемаго образа спасенія, возжелать симъ именно образомъ спастись и благонадежіе въ томъ возымѣть; изъять полную готовность всеусердно дѣлать все, что указано будетъ, какъ условіе спасенія. Когда все сіе произойдетъ въ духѣ нашемъ, останется только къ таинствамъ приступить и Богообщеніе совершится. Сведемъ итогъ: раскался, возжелалъ спасенія въ Господѣ и благонадежіе въ томъ возымѣлъ;—эти дѣйствія суть дѣйствія покоющіяся, внутри происходящія и тамошнимъ проявленіемъ довольствующіяся. А послѣднее дѣйствіе — готовность дѣлать все, что требуется, есть настоящая дѣятельная сила во спасеніе, поелику оно отъ насъ зависитъ,—источникъ спасительной дѣятельности и жизни спасенной. Эта готовность, пока нами одними изъясляется, слаба бываетъ: а когда благодать Божія внутри вселится, тогда становится всесильною, не знающею преповѣ, все преодолювающею. Она есть ненасытимая ревность о Богоугодненіи и всеусердномъ исполненіи воли Божіей, при всей вѣрѣ въ Господа и благонадежіи спасенія въ Немъ Единомъ. Она исполняетъ предвѣчное опредѣленіе Божіе—*быти намъ святымъ и непорочнымъ предъ Нимъ въ любви* (Еф. 1, 4), для чего и дѣлаетъ насъ Господь *ревнителями добрыхъ дѣлъ* (Тит. 2, 14).

«Расскажу вамъ одно преданіе, и вамъ будетъ яснѣе, въ чемъ тутъ дѣло. Нѣкто жилъ гдѣ-то далеко въ пустыни. Заболѣли у него внутренности: легкія-ли, или сердце, или печень, или все вмѣстѣ. Боль, хоть умирай. Людской помощи неоткуда ожидать: прибѣгъ къ Богу со всеусильною молитвою. Услышалъ Господь. Въ одну ночь, заснувши, видитъ онъ такое видѣніе. Пришли два Ангела съ ножами, разрѣзали его, вынули больныя части, вычистили ихъ, вымыли и чѣмъ-то смазали. Затѣмъ все положили на свое мѣсто; срыснули чѣмъ-то, и—все срослось, какъ будто и разрѣзовъ не было. Проснувшись, старецъ всталъ совсѣмъ здоровымъ, какъ будто никогда не болѣлъ, новенькимъ, будто юноша во

цвѣтѣ силъ.—Видите, чего вамъ желаю? Чтобы въ вашей душѣ все было перечищено, больное и старое повыврошено, все оздоровленное и обновленное постановлено на свое мѣсто и всприснуто живою водою.

«Рассказывалъ я эту исторію одному изъ трудящихся надъ собою. Выслушавъ ее, онъ нехладно воззвалъ: о, когда бы пришли ангелы и сдѣлали съ душою моею тоже что сдѣлали съ тѣломъ того старца! Въ этомъ воззваніи слышались и молитва и желаніе свалить на другихъ то, что должно быть сдѣлано своими трудами. Ибо и такое лукавство не чуждо нашему сердцу, что хорошими быть мы не прочь, но потрудиться ради того, руки опускаются. Душу перечищать и исцѣлять не придутъ Ангелы. Бываютъ при этомъ и ихъ указанія и вразумленія; но дѣлать все надо самимъ. Бери самъ вѣрѣ себя, гдѣ нужно, безъ всякаго жалѣнія себя. Другой никто этого не можетъ сдѣлать. Самъ Богъ не входитъ во святилище души могуществомъ Своимъ, а благоволятельно проситъ входа.

«У тѣхъ, которые, получивъ благодать, не дали ей дѣйствовать въ себѣ, а заморили, на судъ Божіимъ сначала отнять даръ благодати, а потомъ свергнуть ихъ во тьму кромѣшнюю. Это Спаситель открылъ въ притчѣ о мнасахъ (Лук. 19, 11 и д.). Всѣмъ рабамъ дано по мнасу: благодать всѣмъ равно дается. Но одинъ на этотъ мнасъ приобрѣлъ другихъ десять, другой—пять, третій—ничего: завернулъ, говоритъ, въ платокъ и положилъ. Это значитъ, что первый больше всѣхъ потрудился надъ тѣмъ, чтобы проникнуться благодатію, второй—въ половину противъ него, а третій пренебрегъ даромъ, нисколько не позаботился возгрѣть въ себѣ благодать. Награда потомъ воздана соотвѣственно трудамъ по облагодатствованію или внутреннему просвѣтленію себя подъ дѣйствіемъ благодати. Послѣдній ничего не сдѣлалъ по сей части: у него взяли и то, что такъ предательски вручено было въ началѣ.

«Видите, какъ дѣло-то идетъ, и чѣмъ кончается?! Мы—крещенные—всѣ получили мнасъ,—благодать Св. Духа. Сія

благодать, какъ я уже поминалъ, сначала одна дѣйствуетъ въ насъ, пока мы еще не пришли въ возрастъ. Когда же приходимъ въ возрастъ, то она, хотя также во всякое время готова дѣйствовать въ насъ, но не дѣйствуетъ, а ожидаетъ, пока мы свободно и самоохотно склонимся къ ней, сами восхощемъ ея вседѣйствія въ насъ и възьмемъ его. Какъ только възьмемъ, она тотчасъ начинаетъ опять свое въ насъ дѣло, возбуждая направляя и укрѣпляя насъ. Проникновеніе насъ благодатію, спѣется по мѣрѣ взысканія нашего и труда по сему взысканію. А если не възьмемъ и не станемъ трудиться именно для сей цѣли и въ семъ смыслѣ; то она не станетъ одна дѣйствовать въ насъ противъ воли нашей, какъ бы насильственно. Богъ далъ человѣку свободу, и не хочетъ нарушать ее, не хочетъ противъ воли входить въ него и дѣйствовать въ немъ. Захочетъ человѣкъ самъ себя предать дѣйствию Божію—самоохотно, тогда и Богъ благодатію Своею начинаетъ дѣйствовать въ немъ. Еслибы все зависѣло отъ Бога, то въ одно мгновеніе всѣ стали бы свѣты. Одно мгновеніе Божіе и всѣ бы измѣнились. Но таковъ уже законъ, что человѣку надо самому восхотѣть и взыскать,—и тогда благодать ужъ не броситъ его, лишь бы только онъ пребылъ вѣренъ ей.

«Припомните притчу Спасителя о сокровищѣ, сокрытомъ на полѣ, и о человѣкѣ, ищущемъ драгоцѣнныхъ бисеровъ (Мат. 13, 44—46). Одинъ увидѣлъ въ полѣ десятину, на коей зарыто сокровище; пошелъ, все свое продалъ и купилъ десятину ту. Конечно, онъ вырылъ потомъ сокровище и и разбогатѣлъ, хоть объ этомъ не помянуто. Это поле или десятина,—есть душа наша; сокровище, сокрытое въ ней, есть благодать, чрезъ святое крещеніе въ нее вложенная. Что увидѣлъ сокровище человѣкъ притчи, этимъ означаетъ моментъ, когда сознаетъ христіанинъ, что въ немъ сокрыта такая драгоцѣнность, ни съ чѣмъ несравнимая—благодать Св. Духа. Продалъ все,—это значитъ, всѣмъ пожертвовалъ, что имѣлъ, что дорого было для него, чтобы только достать

то сокровище—возбудить и привести въ явь сокрытую въ немъ благодать.

«Другой купецъ былъ, торговавшій драгоцѣнными камнями. Узналъ онъ, что гдѣ-то есть алмазъ, которому равнаго ничего нѣтъ, но которому цѣны въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ находился, не знали (это я отъ себя дополню). Желая его приобрести, и этотъ тоже все свое продалъ и купилъ его. И, конечно, разбогатѣлъ.—И этотъ драгоцѣнный бисеръ есть образъ благодати Божіей, въ насъ сокрытой и невѣдомой намъ, пока не сознаемъ того. Кто сознаетъ, тотъ вмѣстѣ убѣждается, что ничего нѣтъ драгоцѣннѣе ея. Потому съ полнымъ самоотверженіемъ все бросаетъ и устремляется на возгрѣніе и воспламененіе въ себѣ благодати.

«Изъ этихъ притчей вы видите, что именно ожидается отъ насъ. Ожидается, чтобы мы 1) *сознали присутствіе* въ себѣ дары благодати; 2) *уразумѣли драгоцѣнность ея* для насъ столь великую, что она дороже жизни, такъ что безъ нея и жизнь не жизнь; 3) *возжелали всѣмъ желаніемъ усвоить себѣ* сію благодать, а себя—ей, или что тоже—проникнутыся ею во всемъ своемъ естествѣ, просвѣтитесь и освѣтитесь; 4) *рѣшились* самымъ дѣломъ достигнуть сего; и затѣмъ 5) *привели сію рѣшимость въ исполненіе*, оставя все, или отрѣшивъ сердце свое отъ всего и все его предавъ вседѣйствію Божіей благодати. Когда совершатся въ насъ сіи пять актовъ, тогда положается начало внутреннему перерожденію нашему, послѣ котораго, если неослабно будемъ продолжать дѣйствовать въ томъ же духѣ, внутреннее перерожденіе и озареніе будетъ возрастать,—быстро или медленно, судя по нашему труду, а главное, по самозабвенію и самоотверженію.

Таковы основныя воззрѣнія преосвящен. Оеофана, которыя лежатъ въ основѣ всѣхъ его твореній. Усвоивъ ихъ, можно приступить къ болѣе обширному знакомству со всѣмъ, что осталось для насъ отъ вдохновеннаго наставника. Эти воззрѣнія въ то же время—истинно христіанскія и православныя.

Святитель не даромъ совѣтуетъ настойчиво покрѣпче запомнить и поглубже понять его размышленія. Въ нихъ—

ключъ къ разрѣшенію всѣхъ загадокъ и противорѣчій нашей жизни, они даютъ стройное и всеобъемлющее міросозерцаніе. Они должны лечь въ основу всѣхъ убѣжденій и взглядовъ православнаго христіанина — дѣло неизмѣримой важности...

Приложеніе къ жизни, практическая, такъ-сказать, польза скажется сама собою. Въ наше время любить, особенно въ молодости, задаваться обширными планами — служить человечеству, обществу, народу... Превосходныя наставленія внушаетъ святитель, одновременно съ раскрытіемъ своихъ основныхъ взглядовъ.

«Спрашиваете:

— Надо же что-нибудь дѣлать?

— Конечно, надобно.

И дѣлайте, что попадется подъ руки, въ вашемъ кругу и въ вашей обстановкѣ, — и вѣрьте, что это есть и будетъ ваше настоящее дѣло, больше котораго отъ васъ и не требуется. Большое заблужденіе въ томъ, когда думаютъ, будто для Неба, — или попрогрессистки для того, чтобы сдѣлать и свой вкладъ въ нѣдра человечества — надо предпринимать большія и громкія дѣла. Совсѣмъ нѣтъ. Надобно только дѣлать все по заповѣдямъ Господнимъ. Что же именно? Ничего особеннаго, какъ только то, что всякому представляется по обстоятельствамъ его жизни, чего требуютъ частные случаи, съ каждымъ изъ насъ встрѣчающіеся. Это вотъ какъ. Участь каждаго Богъ устрояетъ, и все теченіе жизни каждаго — тоже дѣло Его всеблагаго промысленія, слѣдовательно, и каждый моментъ и каждая встрѣча. Возьмемъ примѣръ: къ вамъ приходитъ бѣдный; это Богъ его привелъ. Что вамъ сдѣлать надо? Помочь. Богъ, приведшій къ вамъ бѣднаго, конечно, съ желаніемъ, чтобы вы поступили въ отношеніи къ сему бѣдному, какъ Ему угодно, смотреть на васъ, какъ вы въ самомъ дѣлѣ поступите. Ему угодно, чтобы вы помогли. Поможете? Угодное Богу сдѣлаете, — и сдѣлаете шагъ къ послѣдней цѣли — насладію Неба. Обобщите этотъ случай, — выйдетъ: во всякомъ случаѣ и при всякой встрѣчѣ на-

добно дѣлать то, что хочетъ Богъ, чтобы мы сдѣлали. А чего Онъ хочетъ, это мы вѣрно знаемъ изъ предписанныхъ намъ заповѣдей.

Помощи кто ищетъ? — Помоги!

Обидѣлъ кто? — Прости!

Сами обидѣли кого? — Сидѣште испросить прощеніе и примириться!

Похвалилъ кто? — Не гордитесь!

Побранилъ? — Не сердитесь!

Пришло время молитвы? — Молитесь!

Работать? — Работайте! И проч. и проч. и проч.

Если, все это обсудивъ, положите вы во всѣхъ случаяхъ такъ дѣйствовать, чтобы дѣла ваши угодны были Богу, бывъ совершаемы неуклонно по заповѣдямъ, то всѣ задачи относительно вашей жизни рѣшатся этимъ полно и удовлетворительно. *Цѣль — блаженная жизнь за гробомъ; средства — дѣла по заповѣдямъ, исполненія которыхъ требуютъ вся случаи жизни.* Мнѣ кажется, тутъ все ясно и просто; — и нечего вамъ томить себя мудренными задачами.

«Надо выбросить изъ головы всѣ планы о *многополезной, многообязанной, общечеловѣческой* дѣятельности, и жизнь ваша будетъ созерцаться вложенною въ покойныя рамки, и безъ шума ведущую къ главной цѣли. Помните, что Господь и стакана холодной воды, поданнаго томимому жаждою, не забываетъ. Благодареніе Господу, что Ему угодно было цѣнность дѣлъ нашихъ опредѣлять не ихъ широтою и великою, а внутреннимъ нашимъ расположеніемъ при дѣланіи ихъ, окруживъ между тѣмъ насъ премножествомъ случаевъ къ дѣланію дѣлъ по волѣ Его, такъ что, если внимаемъ себѣ, можемъ поминутно дѣлать дѣла Богоугодныя. Для этого нѣтъ нужды ходить за море, а смотри около всякій день и часъ, на чемъ видишь печать заповѣди, исполняй то неотложно, въ томъ убѣжденіи, что такого, а не другаго дѣла требуетъ отъ тебя въ этотъ часъ Самъ Богъ.

«Потрудитесь и еще крѣпче установиться въ такой мысли.

Какъ только установитесь, начнетъ покой приливать къ вашему сердцу, отъ увѣренности, что всякую минуту вы работаете Господу. Это начало все обнимаетъ. Даже когда вамъ велятъ заштопать чулокъ меньшому брату, и вы сдѣлаете это ради заповѣди Господней — слушаться и помогать, это будетъ причтено къ суммѣ дѣлъ, Богу угодныхъ. Такъ всякій шагъ, всякое слово, даже движеніе и взглядъ, — все можно обратить въ средство ходить въ волѣ Божіей, и слѣдовательно поминутно двигаться къ послѣдней цѣли.

«Прогрессистки (и прогрессисты) имѣютъ въ виду все человѣчество, и по меньшей мѣрѣ весь свой народъ огуломъ. Но вѣдь человѣчество или народъ не существуетъ, какъ одно лицо, чтобы можно было что-нибудь для него сдѣлать сейчасъ. Оно состоитъ изъ частныхъ лицъ: дѣлая для одного, дѣлаемъ въ общую массу человѣчества. Еслибъ каждый, не пуча глазъ на общность человѣчества, дѣлалъ возможное для того, кто у него предъ глазами, то всѣ люди въ совокупности въ каждый моментъ дѣлали бы то, въ чемъ нуждаются всѣ нуждающіеся и, удовлетворяя ихъ нуждамъ, устроили бы благо всего человѣчества, сложенного изъ достаточныхъ и недостаточныхъ, изъ немощныхъ и сильныхъ. А то, — въ мысляхъ держать благо всего человѣчества, а что предъ глазами, то пропускаютъ безъ вниманія, и выходятъ, что они, — того общаго не имѣя возможности дѣлать, а это частное пропуская, ничего не дѣлаютъ для главной цѣли жизни.

«Въ С.-Петербургѣ мнѣ рассказывали такой случай. Одинъ джентльменъ въ какомъ-то собраніи юныхъ болѣтелей о всеобщемъ благѣ, — это было въ самый разгаръ прогрессистскаго бреда, — держалъ сильную рѣчь о любви къ человѣчеству и народу. Всѣ восхищались. Но ворочается онъ домой; челоѣкъ, служившій у него какъ-то не скоро отворилъ дверь, — это ему уже не показалось; — потомъ свѣчу не скоро подаль, потомъ съ трубкой что-то сдѣлалось, да холодно было въ комнать.... Не выдержалъ наконецъ нашъ филантропъ и разбранилъ своего слугу. Тотъ — какое-то воз-

раженіе, — а этотъ его въ грудь. И вотъ нашъ парень, — тамъ распарился отъ любви къ человѣчеству, а тутъ и съ однимъ челоѣкомъ не могъ поступить, какъ слѣдуетъ. И въ тотъ у насъ первый разгаръ прогрессистскаго бреда красавицы, бросающіяся въ переплетныя заведенія, нерѣдко матерей своихъ оставляли безъ куса хлѣба; а все же мечтали, что они какимъ-то образомъ идутъ впередъ и благо челоѣчества устрояютъ.

«Вся бѣда отъ слишкомъ широкихъ кругозоровъ. А лучше глядѣть подъ ноги и разбирать, какой гдѣ сдѣлать слѣдуетъ шагъ. Это самый вѣрный путь.»

«Се норма! И се-рай!»

ГЛАВА VIII.

Творенія Преосвященнаго Теофана-Затворника.

Святитель Теофанъ по справедливости можетъ быть названъ величайшимъ учителемъ христіанской нравственности за послѣднія столѣтія. Его сочиненія должны быть въ рукахъ всякаго христіанина, который бы пожелалъ прожить свою земную жизнь согласно своему назначенію. Передать ихъ содержаніе почти невозможно, да и мало полезно: не пересказать чужими словами того, что носить печать глубоко пережитаго духовнаго опыта, не выразить всей искренности, сердечности и жизненности никакими описаніями... По необходимости мы должны ограничиться лишь перечисленіемъ его твореній и краткой ихъ характеристикой.

Всѣ труды преосвященнаго Теофана можно раздѣлить на три рода: 1, нравоучительные; 2, истолковательные, и 3, переводные.

I. Между трудами перваго рода можно различать въ строгомъ смыслѣ *нравственно-назидательные*, затѣмъ—излагающіе *глубокіе опыты и наблюденія надъ явленіями духовной жизни*, и наконецъ *представляющіе* по возможности *всю совокупность христіанскаго нравоученія въ стройной системѣ* и въ неразрывной связи съ основоположными христіанскими догматами.

Къ *нравственно-назидательнымъ* слѣдуетъ отнести:

- 1) Слова на Господскіе, Богородичныя и торжественныя дни *).
- 2) О покаяніи, причащеніи св. Христовыхъ Таинъ и исправленіи жизни. Слова въ св. Четырдесятницу и приготовительныя къ ней недѣли.
- 3) Мысли на каждый день года по церковнымъ чтеніямъ изъ Слова Божія.
- 4) Что потребно покаявшемуся и вступившему на добрый путь спасенія.
- 5) Краткія мысли на каждый день года, расположенныя по числамъ мѣсяцевъ.
- 6) Пять поученій о пути къ спасенію.
- 7) Воистинныя силы. Собраніе святоотеческихъ писаній, направленныхъ къ пробужденію человека отъ сна грѣховнаго для бодрствованія о Христѣ.
- 8) Небесный надъ нами покровъ святыхъ и уроки отъ лица ихъ во дни празднественнаго чествованія ихъ.
- 9) На разные случаи.
- 10) О православіи, съ предостереженіемъ отъ погрѣшеній противъ него.
- 11) Внутренняя жизнь.
- 12) Богоугодная жизнь вообще.
- 13) Девять словъ по случаю пожаровъ въ Тамбовѣ и губерніи Тамбовской.
- 14) Святоотеческія наставленія о молитвѣ и трезвеніи, или вниманіи въ сердцѣ къ Богу и истолкованіе молитвы Господней словами св. отцевъ.
- 15) О совершенномъ обращеніи къ Богу отъ прелестей міра и грѣха.
- 16) Три слова о несеніи креста.
- 17) Четыре бесѣды по руководству книги «Пастырь» св. Ермы.
- 18) Четыре слова о молитвѣ.
- 19) Напоминаніе вселеннымъ инокинямъ о томъ, чего требуетъ отъ нихъ иночество.
- 20) Сборникъ аскетическихъ писаній, извлеченныхъ изъ патериковъ обители св. Саввы освященнаго, что близъ Іерусалима. Митериконъ, собраніе наставленій Аввы Исаія вселенной инокиниъ Феодоръ.

Глубокая назидательность и особенная сила благодати помазаннаго слова, искренность, теплота и задушевность,

*) Изд. Афонскаго Пантелеимонова монастыря. Съ требованіемъ можно обращаться въ часовню св. Пантелеимона на Никольской, Москва.

иногда въ соединеніи съ изумительной простотой и въ то же время художественностью изложенія—вогь общія черты нравоучительныхъ трудовъ святителя. Главная задача, раскрывающаяся во всѣхъ ихъ, это — указаніе на небо, на высшій смыслъ и цѣль человѣческой жизни, возбужденіе къ искреннему покаянію и живому обращенію къ Богу, къ поддержанію въ себѣ или возрѣванію благодатной жизни. «Эти произведенія великаго подвижника вѣры и благочестія христіанскаго, говорить преосвященный Никандръ, полныя духовно-благодатнаго помазанія, въ возможной полнотѣ и близости отражаютъ въ себѣ духъ ученія Христова и апостольскаго—и все направлены къ указанію высшаго блага, вѣчныхъ цѣлей бытія человѣческаго... Они не только способны пробуждать человѣка-христіанина отъ духовнаго усыпленія, не только вызывать его изъ состоянія религиозной апатіи, равнодушія къ вѣрѣ, такъ-*з*ываемой *тепло-прохладности*, столь распространенной нынѣ среди современныхъ христіанъ, не только побуждаютъ христіанина грѣшника къ покаянію, исправленію и благодатному обновленію жизни во Христв, но и указываютъ ему самую надежную средству къ достиженію всего этого...»

Сочиненія, въ которыхъ излагаются истины христіанскаго нравоученія на основѣ глубокаго духовнаго опыта и внимательнаго наблюденія надъ явленіями духовной жизни:

1) Письма о духовной жизни. 2) Письма о христіанской жизни, въ 4 частяхъ. 3) Письма къ разнымъ лицамъ о разныхъ предметахъ вѣры и жизни. 4) Что есть духовная жизнь, и какъ на нее настроиться. 5) Душа и ангелъ не тѣло, а духъ. (Противъ брошюръ—слово о смерти и прибавленіе къ сему слову).

Въ первыхъ двухъ частяхъ «Писемъ о христіанской жизни» и во второй части «прибавленій» къ нимъ, въ письмахъ «о духовной жизни», въ замѣчательномъ трудѣ: «Что есть духовная жизнь и какъ на нее настроиться» и въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ «Писемъ къ разнымъ лицамъ о раз-

ныхъ предметахъ вѣры и жизни», равно какъ отчасти и въ мысляхъ на каждый день года, мы находимъ громадное собраніе и глубоко осмысленное изложеніе явленій и фактовъ духовной жизни, начиная съ первыхъ благодатныхъ движеній христіанскаго сердца къ богообщенію. Борьба со грѣхомъ, паденія и возстанія, благодатная помощь Св. Духа, все, что переживаетъ христіанинъ, дѣятельно вступившій на путь благочестія, — все это находитъ живое выраженіе въ указанныхъ сочиненіяхъ, все изображено съ неподражаемымъ совершенствомъ, въ связи съ знаменательными советами и указаніями.

Три послѣднія части писемъ о христіанской жизни, со включеніемъ первой и третьей части «Прибавленій» къ нимъ, «Начертаніе христіанскаго правоученія» (то же, что письма о христіанской жизни, съ небольшими передѣлками и нѣсколькими прибавленіями какихъ потребовала система нравоученія. «Путь ко спасенію» (краткій очеркъ аскетике), заключительное прибавленіе къ письмамъ о христіанской жизни»,—равно какъ отчасти и «Письма къ одному лицу въ С.-Петербургѣ по поводу появленія тамъ новаго учителя вѣры», изъ «Писемъ къ разнымъ лицамъ и о разныхъ предметахъ вѣры и жизни»—представляютъ уже опыты систематическаго изложенія христіанскаго нравоученія и имѣютъ поэтому наибольшую важность. Въ трехъ послѣднихъ частяхъ «Писемъ о христіанской жизни» съ «Прибавленіями къ нимъ», равно какъ и въ «Начертаніи христіанскаго нравоученія» въ строгой связи и послѣдовательномъ развитіи излагаются мысли объ исправленіи грѣховнаго сердца, о христіанскомъ самосознаніи въ отличіе отъ нравственнаго самосознанія вообще,—ученіе объ обязанностяхъ христіанина, о советахъ христіанину, о безразличныхъ дѣйствіяхъ, о грѣхѣ и добродѣтели, о семейныхъ, церковныхъ, служебныхъ и гражданскихъ обязанностяхъ и т. д. *Основная мысль всего нравоученія—идея богообщенія, составляющая начало, средину и конецъ христіанской нравственной жизни. Жизнь хрис-*

тианина должна быть всецѣло посвящена Богу. Все твори во славу Божию, по вѣрѣ въ Господа нашего Иисуса Христа, въ надеждѣ безконечной жизни—такова главная цѣль жизни христіанина! «Что касается до другихъ цѣлей, то онѣ, хотя и могутъ быть допускаемы, но никогда не должны быть поставлены главными: отъ нихъ всегда должно восходить къ Богу. Здѣсь особенно важны цѣли самихъ дѣлъ. Каждое дѣло способно имѣть свою цѣль: напримѣръ, цѣль милостины—помочь бѣдному, цѣль чтенія—просвѣтить умъ. Но на нихъ не должно останавливаться: ибо иначе дѣло будетъ внѣ главнаго значенія христіанина. Вообще, если позволить останавливаться на такихъ цѣляхъ, то въ жизнь христіанина войдетъ безконечное разнообразіе, между тѣмъ какъ она вся должна имѣть одинъ тонъ. Тонъ сей сообщается ей единствомъ цѣли, по коей она вся есть жертва Богу всецѣлая... Инымъ кажется очень строгимъ—все творить во славу Божию, они потому и полагаютъ, что при дѣлахъ можно имѣть и другія цѣли, внѣ Бога, только бы сія цѣли не исключали Бога, и вообще, говорятъ, можно ограничиваться тѣмъ, чтобы только чаще относить къ Богу дѣла. Въ же дѣла посвящать Богу—есть удѣлъ совершеннѣйшихъ, что можно совѣтовать, но къ чему всѣхъ обязывать не должно. Какъ унижена тутъ свѣтлая христіанская жизнь! Какъ видимо тутъ нехотѣніе и лѣность сдѣлать напряженіе, чтобы возноситься къ Богу! Но, во-первыхъ, все посвящать Богу не есть совѣтъ, а цѣль необходимая, обязательная: *Прославите Бога въ душахъ вашихъ и тѣлесехъ вашихъ; вся во славу Божию творите...* Что яснѣе и опредѣленнѣе сего? И зачѣмъ относить сію цѣль къ совершеннѣйшимъ только, когда такое направленіе дѣйствія не требуетъ особаго напряженія: кто творитъ уже добро, скажи ему только, чтобы онъ мысленно и сердечно посвятилъ его Богу. Какой здѣсь трудъ? Другое дѣло просудить грѣшника отъ сна грѣховнаго или оживить ослабѣвающаго. Здѣсь надобно устрашать его, потрясать—представлять пагубныя слѣдствія грѣха и благіе плоды доб-

родители и проч.; но это не цѣли, а возбудители воли... Во-вторыхъ, говорить: позволительны и другія цѣли, лишь бы онѣ не исключали Бога, значить, что мы дѣлами своими какъ будто милость какую оказываемъ Богу; а говорить: довольно сколько—нибудъ дѣлъ посвятить Богу, значить, будто Богъ есть нѣчто стороннее въ нравственной жизни. Такими мыслями порядокъ извращается. Христіанинъ отъ Бога рожденъ есть и къ Богу долженъ относить дѣла свои всѣ до одного и всю свою жизнь освятить одною сею цѣлю. Если мы станемъ разсматривать языческую нравственность, то-есть, какъ тамъ дѣйствовали добрые люди, то найдемъ точное приложеніе сихъ правилъ; равно и у христіанъ, оставленныхъ безъ назиданія. Но тѣ и другіе не знаютъ существа дѣла. Теперь изъ жалѣнія ихъ дѣлъ не слѣдуетъ извращать истиннаго смысла и порядка жизни чистой и святой, а скорѣе слѣдуетъ вразумлять всѣхъ и всюду, въ чемъ истина. Христіанинъ не есть лицо, преданное влеченію случайностей, а лицо самоуправительное. Скажи ему, какъ собою править, и онъ будетъ править. Нѣтъ, доброе дѣло, не для Бога и не по вѣрѣ въ Господа совершенное, не есть христіанское, а есть простое добро естественное: слѣдуетъ теперь заключить, что всѣ другія цѣли, кромѣ показанной, не суть цѣли истинныя, и дѣла, по нимъ совершаемыя, въ той мѣрѣ теряютъ свою цѣну, въ какой удаляются отъ нея. О худыхъ же цѣляхъ, вытекающихъ изъ эгоизма, и не говорится. Да слышитъ сіе всякъ, и да направляетъ такъ сердце свое всякій разъ, какъ дѣлаетъ какое дѣло!»

Что касается до источниковъ христіанскаго вѣроученія, то, по словамъ преосвященнаго, «они одни и тѣ же съ источниками вѣроученія. Довольно помянуть, что здѣсь, кромѣ Слова Божія и согласнаго ученія св. отцевъ Церкви, должно руководствоваться особенно аскетическими писаніями отцевъ подвижниковъ, житіями святыхъ и церковными пѣснопѣтіями».

Замѣчательной особенностью правоученій преосвященнаго служить углубленіе въ душевную жизнь человѣка. «Сознаніе, самосознаніе, свободная самодѣятельность, совѣсть, разумъ съ идеями его, разсудокъ съ его понятіями, сужденіями и умозаключеніями, наблюденіе, память, воспоминаніе, воображеніе, фантазія, воля съ ея желаніями, склонностями и моментами процесса поступанія, сердце съ его чувствованіями духовными, разсудочными, волевыми, эстетическими, аффекты—все эти разнообразныя силы и явленія человеческого духа нарочито разсматриваются преосвященнымъ авторомъ со стороны нравственно-доброй и нравственно-злой. Это разсмотрѣніе отличается большою остротою самонаблюденія. Авторъ какъ бы спускается въ темныя переплетающіеся лабиринты духа и, несмотря на слабый свѣтъ лампы, вездѣ успѣваетъ отыскать въ нихъ очень тонкія проявленія нравственнаго начала». (Отзывъ комиссіи профессоровъ С.-Петербургской Духовной Академіи о твореніяхъ святителя). Отсюда — жизненность, теплота и многоплодность правоученія, отсутствіе отвлеченности,—напротивъ все насквозь проникнуто глубокой человѣчностью, внутренней правдой, съ которой невольно соглашаешься въ душѣ...

Въ 3 и 4-мъ выпускахъ «Писемъ о христіанской жизни», равно какъ и въ «Начертаніи христіанскаго правоученія» указаны и раскрыты съ возможной полнотой и во внутренней связи нормы и правила христіанской жизни. Требовалось даѣе указать жизненный путь къ ихъ примѣненію, возможность и удобоисполнимость ихъ. Этому требованію вполне удовлетворяетъ твореніе архипастыря: «Путь ко спасенію». Это твореніе, какъ и слѣдовало ожидать, имѣло наибольшій успѣхъ, въ короткое время выдержавъ нѣсколько изданій. Вотъ какъ самъ авторъ раскрываетъ задачу своего труда:

«Въ письмахъ о христіанской жизни изображены обязательныя для насъ чувства и расположенія; но этимъ сказано далеко не все, потребное къ устроенію своего спасенія.

Главное дѣло у насъ дѣйствительная жизнь въ духѣ Христовомъ. А этого только коснись, сколько откроется недоумѣній и сколько, поэтому, потребно указаній, и притомъ, почти на каждомъ шагѣ!

Правда, тамъ послѣдняя цѣль человѣка—въ общеніи съ Богомъ—и путь къ ней изображенъ: это—вѣра съ хожденіемъ въ заповѣдяхъ, при помощи благодати Божіей. Приложить бы только слово: вотъ путь!—Иди.

Легко сказать: вотъ путь, иди!—Но какъ сдѣлать это? Большою частью недостаѣтъ желанія идти. Упорно отрѣзаетъ душа, увлеченная какою-либо страстію, всякое понужденіе и всякій позывъ; очи отъ Бога отвращаетъ и смотрѣть на Него не хочетъ. Законъ Христовъ не по сердцу; ей и слушать о немъ нѣтъ расположенія: душа, какъ говорятъ, не лежитъ. Спрашивается, какъ же дойти до того, чтобы родилось желаніе идти къ Богу путемъ Христовымъ; какъ сдѣлать, чтобы законъ напечатѣлся въ сердцѣ, и человѣкъ, дѣйствуя по этому закону, дѣйствовалъ какъ бы отъ себя, непринужденно, чтобы законъ сей не лежалъ на немъ, а какъ бы исходилъ отъ него.

Но пусть обратится кто къ Богу, пусть возлюбилъ законъ Его: самое шествіе къ Богу, самое хожденіе путемъ закона Христова необходимо ли уже и будетъ успѣшно, потому только, что мы возжелали сего? Нѣтъ. Кромѣ желанія необходимо еще имѣть силы и умѣнье дѣйствовать: нужна мудрость дѣятельная. Кто вступитъ на истинный путь богоугожденія, или начнетъ при благодатной помощи стремиться къ Богу, путемъ предначертаннаго закона Христова, тому неминуемо будутъ угрожать опасности сбиться на распутіи, заблудиться и погибать, воображая себя спасаемымъ. Сія распутія неизбежны по остающемуся, даже и въ обращенномъ, грѣховному позыву и разстройству силъ, которыя и въ семъ состояніи способны представлять вещи въ превратномъ видѣ—прельщать и губить человѣка. Къ сему присоединяется лѣсть отъ сатаны, который неохотно разстается съ своими жертвами, и когда кто въ области

его пойдет къ свѣту Христову, гонится вслѣдъ его и всякія разставляеть сѣти, чтобы снова уловить; и нѣрѣдко дѣйствительно улавляетъ. Слѣдовательно, и тому, кто имѣетъ уже желаніе идти указаннымъ путемъ къ Господу, необходимо еще указать всѣ уклоненія, возможныя на семь пути, чтобы шествующій напередъ былъ предваренъ о семъ, видѣлъ имѣющія встрѣтиться опасности и зналъ, какъ избѣжать ихъ.

Эти общія всѣмъ неизбѣжности на пути спасенія дѣлають необходимыми особы руководительныя въ христіанской жизни правила, коими должно быть опредѣлено: какъ дойти до спасительнаго желанія богообщенія и ревности пребывать въ немъ, и какъ безбѣдно пройти къ Богу, среди всѣхъ распутій, возможныхъ на семь пути по всѣмъ степенямъ,—иначе какъ начать жить по-христіански и какъ, начавши, усовершениться въ этомъ. Сіе руководство должно взять человѣка внѣ Бога, обратиться къ Нему и потомъ привести предъ лице Его; должно прослѣдить жизнь христіанскую въ ея явленіяхъ, на дѣлѣ, отъ начала до конца, то-есть какъ она застѣменяется, развивается, зрѣетъ и приходитъ въ полноту, или — что тоже — написать исторію дѣйствительной жизни каждаго христіанина, съ показаніемъ того, какъ въ какомъ случаѣ долженъ онъ дѣйствовать, чтобы устоять въ своемъ чинѣ.

Застѣменение и развитіе жизни христіанской существенно различно отъ застѣменія и развитія жизни естественной. Это зависитъ отъ особеннаго характера христіанской жизни и отношенія его къ нашей природѣ. Человѣкъ не рождается христіаниномъ, а становится таковымъ послѣ рожденія. Сѣмя Христово падаетъ на землю сердца уже біоущагося. Но какъ естественно рожденный человѣкъ поврежденъ и противоположенъ требованіямъ христіанства, то,—тогда какъ, наприимѣръ, въ растеніи начало жизни есть возбужденіе ростка въ сѣмени, пробужденіе какъ бы спящихъ силъ,—начало истинно-христіанской жизни въ чело-

вѣкъ есть нѣкоторое возсотвореніе, дарованіе новыхъ силъ, новой жизни. Далѣе, пусть воспринято христіанство, какъ законъ, то-есть положена рѣшимость жить по-христіански: это сѣмя жизни (рѣшимость) не бываетъ окружено въ человѣкѣ благопріятствующими ему стихіями; и при этомъ весь человѣкъ, его тѣло и душа остаются неприспособленными къ новой жизни, непокорными игу Христову; потому съ сей минуты начинается у человѣка потовой трудъ—образовать всего себя, всѣ свои силы по-христіански. Вотъ почему, тогда какъ возрастаніе, наприимѣръ, у растеній, есть постепенное развитіе силъ, легкое, непринужденное, у христіанина оно есть многотрудная борьба съ самимъ собою—напряженная и скорбная, и ему надо настраивать свои силы на то, къ чему у нихъ нѣтъ расположенія: онъ, какъ воинъ, каждый шагъ земли, хотя своей же, долженъ отнимать у враговъ войною—обоюду острымъ мечемъ самопринужденія и самопротивленія. Наконецъ, уже послѣ долгихъ трудовъ и усилій, начала христіанскія являются побѣдоносными, господствующими безъ сопротивленія, проникають весь составъ естества человеческого, вытѣснивъ изъ него враждебныя себѣ требованія и стремленія, и поставляютъ его въ состояніе безстрастія и чистоты, сподобляя блаженства чистыхъ сердцемъ—зрѣть Бога въ себѣ въ прискреннемъ съ Нимъ общеніи.

Таково положеніе въ насъ жизни христіанской. Она имѣетъ три степени, которыя, по свойству ихъ, можно назвать такъ: 1-ю—обращеніемъ къ Богу, 2-ю очищеніемъ или самонаправленіемъ, 3-ю—освященіемъ. На первой—человѣкъ обращается отъ тмы къ свѣту, отъ области сатанины къ Богу; на второй — очищаетъ храмину * сердца своего отъ всѣхъ нечистотъ, чтобы принять грядущаго къ нему Христа Господа; на третьей—Господь приходитъ, вселяется въ сердце и вечеряетъ съ нимъ. Это состояніе блаженнаго богообщенія—цѣль всѣхъ трудовъ и подвиговъ!

Изобразить все сіе и опредѣлить правилами и будетъ

значить—указать *путь ко спасенію*. Полное въ семь дѣлъ руководство беретъ человекъ на распутьяхъ грѣха, проводить огненнымъ путемъ очищенія и возводить до возможной для него степени совершенства, въ мѣру возраста исполненія Христова. Иначе, оно должно показать:

- 1) какъ начинается въ насъ христіанская жизнь;
- 2) какъ совершенствуется—зрѣетъ и крѣпнѣтъ, и
- 3) какою является въ полномъ своемъ совершенствѣ.

Хотя между сочиненіями преосвященнаго автора мы почти не встрѣчаемъ трудовъ специально-догматическаго характера, тѣмъ не менѣе, такъ какъ нравственное чтеніе христіанства стоитъ въ неразрывной связи съ христіанскими догматами, то и въ трудахъ преосвященнаго Теофана въ разныхъ мѣстахъ мы находимъ раскрытіе и догматическаго ученія, притомъ, по свидѣтельству коммиссіи профессоровъ С.-Петербургской Духовной Академіи, «нѣкоторые пункты догматическаго ученія нашли не только полное и основательное раскрытіе, но и такія точныя формулы, какихъ православная отечественная догматика доселѣ не имѣла». Важность догматическаго элемента въ твореніяхъ святителя особенно возвышается потому, что его разъясненія касаются высочайшихъ и труднѣйшихъ пунктовъ христіанской догматики. «Въ особенности это нужно сказать относительно истинъ: участія всѣхъ Лицъ Св. Троицы въ различныхъ моментахъ нашего спасенія съ преимущественнымъ преобладаніемъ участія одного изъ Лицъ Св. Троицы въ томъ или другомъ моментѣ нашего спасенія, именно—Господа нашего І. Христа Сына Божія въ первомъ моментѣ, въ «устроеніи всего потребнаго для спасенія», и Св. Духа Утѣшителя—во второмъ моментѣ, въ «содѣваніи спасенія каждаго лица». Последний пунктъ раскрытъ съ такою основательностью, полнотою и ясностью, что едва ли остается желать чего лучшаго. Большую цѣну для догматиста представляетъ и предложенный въ «письмахъ» опытъ послѣдовательнаго изображенія совместнаго дѣйствія благодати

Божіей и человѣческой воли во всемъ процессѣ «содѣванія спасенія каждаго отдѣльнаго лица». Къ этому нужно прибавить, что здѣсь же дано глубокое разъясненіе связи церковной обрядности и внѣшности съ внутреннимъ духомъ христіанской жизни». (Отзывъ коммиссіи проф. СПб. Д. Ак.).

Величайшую *оригинальность* нашего автора, рѣзко отличающую его не только отъ иностранныхъ, но и отечественныхъ ученыхъ богослововъ, составляетъ то, что онъ отводитъ формальному, разсудочному (дискурсивному) знанію весьма незначительное мѣсто. Для него религія, христіанство прежде всего живая, дѣйственная сила,—сама жизнь;—высшее духовное бытіе—предметъ непосредственнаго сознанія. «Человѣкъ, вкусившій сладкаго, не пожелаетъ вкушать горечи», говорили наши предки, познакомившись съ красотой христіанскаго Богослуженія въ Царь-Градѣ. Такъ и преосвященный какъ-бы такъ говоритъ каждому, желающему убѣдиться въ истинахъ вѣры: «попробуй—начни жить во-истину по-христіански, вкуси истинной жизни—и тогда тебѣ не нужно будетъ ни доказательствъ, ни разсужденій»—«Какъ увѣриться и какимъ путемъ испытать? спрашиваетъ онъ. Къ сему два способа: одинъ внѣшній, научный, а другой внутренній, путь вѣры. Первый предлагается обыкновенно въ систематическомъ изложеніи Богословія. Онъ дѣйствителенъ и для ученыхъ существенно необходимъ; но, очевидно, не всеобщъ, ибо въ основаніи своемъ содержитъ знанія, не для всѣхъ доступныя. При всемъ томъ надлежало бы сіи научныя доводы со всею широтою, и ясностію, и убѣдительностію изложить и отдать во всеобщее употребленіе, съ ручательствомъ за силу ихъ непреложнаго авторитета, чтобы всякій, способный разумѣть, уразумѣвалъ сими путемъ истину. Нельзя впрочемъ не видѣть, что сей путь очень, очень долготъ и труденъ, и, что особенно замѣчательно, помѣщаясь въ головѣ, оставляетъ сердце самому себѣ, своему самоуправленію и свободѣ. Путь *вѣры* искреннѣе, внутреннѣе, живѣе, многоплоднѣе и

общедоступнѣ. Это молитва къ единому истинному Богу о вразумленіи. Есть Богъ истинный. Онъ сказалъ Свою волю намъ въ наше спасеніе, съ желаніемъ, чтобъ она была понята и выполнена. Теперь мудрованіями людскими она скрыта или запутана до того, что тотъ или другой не имѣетъ достаточно силъ найти исходъ изъ сего лабиринта. Когда, въ чувствѣ сей кровной нужды, съ воплемъ, стenanіемъ, болѣзненною сердечною, обратится кто къ Богу, истинному Отцу всѣхъ человѣковъ, Богу, желающему, чтобы вѣра Его была дѣйственною, — можетъ ли быть, чтобъ Онъ не далъ такого рѣшительнаго указанія къ убѣжденію въ истиннѣ ея? Онъ врановъ кричащихъ питаетъ, по молитвѣ посылаетъ дождь въ жажду плоти нашей... а чело-вѣку, и еще духу его, Своему образу, томящемуся, ищущему узнать, какъ прославлять Бога, будто Онъ не укажетъ источника для утоленія сей жажды духовной? Такая молитва нисколько не есть искушеніе Бога, хотя можетъ быть превращена въ него, когда кто неискренно, изъ одного любопытства, желалъ бы такихъ знаковъ. Примѣры убѣжденія въ вѣрѣ симъ путемъ почти повсюдны. Корнилій сотникъ испросилъ себѣ вѣру... Множество было такихъ, кои приходили къ пустынникамъ вопрошать о вѣрѣ, а они, вмѣсто всѣхъ доводовъ, заставляли ихъ молиться.... Блаженнѣе изъ всѣхъ тотъ, кто, вмѣстѣ съ Іеронимомъ Греческимъ, можетъ сказать: «истинна вѣра, исповѣдуемая мною, ибо ею я сподобился пріять Божественную нѣкоторую силу, дѣйствующую во мнѣ ощутительно. И язычники имѣютъ ии-санія, и храмы, и жертвы, и учителей, и книги, и отчасти Боговъдѣніе, и нѣкоторыя добрыя дѣла, и праздники, и премѣненіе одеждъ, и молитвы, и всенощныя бдѣнія, и свя-щенниковъ, и много другаго; но сей сокровенной въ сердцѣ христіанина благодати и дѣйствія Святаго Духа никто въ пѣломъ свѣтѣ не получаетъ, а получаютъ вѣрою одни пра-вильно крестившіеся въ Отца, Сына и Св. Духа» (Хр. Чт. 1821; 11, 129). Такъ вотъ прямѣйшій путь къ открытію

истинной вѣры, именно: вѣра же, молитва, непрерывность чудодѣйственности въ Церкви, и особенно, внутренняя сила, доставляемая въ вѣрѣ. Посмотри всякъ вокругъ себя и уви-дишь, что всѣ искренно вѣрующіе вѣрують по симъ осно-ваніямъ, а не по научнымъ... Почитай, если хочешь, и научныя основанія вѣры въ какомъ-либо Православномъ Богословіи. Но сердечныя сильнѣе «и сподручнѣе».

II. Труды преосвящен. Теофана экзегетическаго (истолко-вательнаго) характера.

Толкованія посланій св. Апостола Павла къ Римлянамъ въ 2-хъ книгахъ, къ Коринѣянамъ 1-е посланіе, къ Коринѣянамъ 2-е посланіе, къ Галатамъ, къ Ефесеямъ, къ Колос-сянамъ и къ Филимону, къ Солунѣянамъ 1-е и 2-е посланія и Филиппійцамъ, къ Титу и Тимофею (пастырскія посланія), Псаломъ сто осмнадцатый, истолкованный Епископомъ Тео-фаномъ, съ портретомъ автора, Тридцать третій псаломъ, истолкованный имъ же, Разрѣшеніе недоумѣній при чтеніи притчи о неправедномъ приставникѣ и обѣтованіе тѣмъ, кои все оставляютъ ради царствія Христова. (Толкованіе Евангельской притчи). Евангельская исторія о Богѣ Сынѣ, — воплотившемся нашего ради спасенія, въ послѣдователь-номъ порядкѣ изложенная словами св. Евангелистовъ.

Особенность истолковательныхъ трудовъ преосвященнаго Теофана состоитъ въ томъ, что онѣ, служа опорой и под-твержденіемъ его нравственно-богословскихъ взглядовъ, въ то же время сами представляютъ собою живую проповѣдь. Не то, чтобы авторъ не заботился о научной сторонѣ дѣла при вышеніи смысла священнаго текста—нѣтъ, всюду онъ стоитъ на высотѣ современной науки, но чисто ученая работа не заслоняетъ другой, важнѣйшей стороны дѣла: авторъ при вышеніи священнаго текста нѣ на ми-нуту не упускаетъ изъ вида того, чтобы живое и дѣйствен-ное слово Божіе проникало до сердца читателя и возбуж-

дало въ немъ искру Божественной ревности служить Богу. Высокій прообразъ истолковательныхъ трудовъ такого рода мы находимъ развѣ только у древнихъ отцевъ Церкви, особенно во вдохновенныхъ толкованіяхъ св. Іоанна Златоуста. Для характеристики экзегетическихъ трудовъ преосвященнаго мы воспользуемся тѣмъ же отзывомъ комиссіи профессоровъ С.П.Б. Академіи, о которомъ мы уже упоминали.

«Всѣ эти труды имѣютъ высокое достоинство и значеніе въ нашей литературѣ по изясненію священнаго писанія. Отличаясь самостоятельностью въ смыслѣ независимости отъ западныхъ ученыхъ пособій и отечественныхъ опытовъ, затѣмъ — глубиной, основательностью, полнотою, замѣчательной ясностью и точностью изложенія, они вполне удовлетворяютъ насущѣйшимъ нуждамъ и цѣлямъ богословской и именно православной экзегетики. Характерная ихъ черта состоитъ въ томъ, что главнѣйшими руководителями преосв. автора въ его истолковательныхъ трудахъ были св. отцы и учителя церкви.

Вотъ почему при объясненіи 118 псалма преосв. авторъ, несомнѣнно знакомый съ еврейскимъ текстомъ, держится однако исключительно греко-славянскаго текста. По греческому тексту читали и толковали этотъ замѣчательный псаломъ древніе толкователи: св. Амвросій, блаж. Августинъ, блаж. Теодоритъ, св. Иларій и др. По ихъ слѣдамъ идетъ неуклонно и преосв. Теофанъ и частію при помощи своихъ руководителей, частію чрезъ собственныя глубокія и всесторонніе размышленія и наблюденія даетъ такое превосходное толкованіе названнаго псалма, что, смѣемъ думать, и самый взыскательный образованный православный читатель ни мало не постѣдуетъ на автора за отсутствіе въ его толкованіи разнаго рода филологическихъ замѣчаній, по сравненію греческаго переводнаго текста псалма, а вмѣстѣ и славянскаго, съ подлиннымъ еврейскимъ. Что касается, впрочемъ, греческаго текста, то какъ здѣсь — въ толкованіи псалма, такъ и въ толкованіи посланій ап. Павла преосв. авторъ, хотя и не выписываетъ его цѣликомъ, постоянно

однако держать его, такъ-сказать, въ своей памяти, при объясненіи каждаго славянскаго слова или выраженія дѣлая неопустительно, во всѣхъ сколько-нибудь важныхъ случаяхъ, необходимыя филологическія сравненія и разясненія двухъ текстовъ, такъ что и для филологически-образованнаго читателя толкованія его представляютъ несомнѣнное значеніе и интересъ.

Нельзя не отмѣтить другой важной въ богословскомъ отношеніи черты въ толкованіяхъ преосвященнаго Теофана. Внимательный читатель находитъ въ нихъ не только все нужное для полнаго и яснаго пониманія священнаго текста, но вмѣстѣ съ тѣмъ и глубоко продуманное и прочувствованное разясненіе множества разнаго рода догматическихъ, въ особенности же нравственныхъ христіанскихъ истинъ, понятій, вопросовъ, — каковы, напримѣръ, понятія и вопросы о грѣхѣ и злѣ, о нашемъ искупленіи и оправданіи во Христѣ Іисусѣ, объ отношеніи благодати Божіей и нашей человѣческой свободы, о предопредѣленіи и т. п. И въ толкованіи посланій апостола Павла авторъ видимо былъ озабоченъ тѣмъ же, — на что онъ самъ ясно указываетъ, какъ на главную свою заботу при толкованіи 118-го псалма (стр. 458), — именно тѣмъ, чтобы дать читателю сколько необходимое для него объясненіе истиннаго смысла словъ апостольскихъ, столько же и разясненіе того, какъ, въ какой связи стоитъ та или другая высказанная апостоломъ догматическая или нравственная истина, то или другое указываемое имъ дѣло, явленіе домостроительства нашего спасенія въ ряду или цѣпи другихъ истинъ, другихъ podobныхъ же дѣлъ и явленій. И все это излагается у преосвященнаго автора, какъ и самыя толкованія, въ самой простой общедоступной формѣ, языкомъ, напоминающимъ болѣе живую, разговорную, чѣмъ книжную рѣчь.

На всякомъ серьезномъ, понимающимъ высокую важность своего дѣла, толкователѣ св. Писанія лежитъ между прочимъ обязанность умѣть не только передать смыслъ открываемаго въ словѣ Божіемъ, но и дать по возможности по-

нять и почувствовать читателю сокрытую для него въ этомъ словѣ божественную духовную силу и жизнь. И въ этомъ отношеніи толкованія преосвященнаго Теофана справедливо можно назвать образцовыми. Толкованія его читаются съ глубокимъ назиданіемъ. Подобно своимъ неизмѣннымъ руководителямъ св. отцамъ и учителямъ церкви и по большей части ихъ же словами, авторъ постоянно преподаетъ читателю то одни, то другіе нравственные уроки, вводитъ его въ созерцаніе и оцѣнку, на основаніи указаній слова Божія, различныхъ положеній и состояній сокровенной внутренней духовной жизни человѣка—христіанина. Толкованіе 118-го псалма ведется сплошь въ такомъ именно нравоучительномъ духѣ, какъ это вполне отвѣчаетъ и самому содержанию этого высокопоучительнаго псалма; такимъ же характеромъ запечатлѣны и всѣ толкованія его на посланія апостола Павла.

Не останавливаясь особо на оцѣнкѣ предисловій у преосвященнаго Теофана толкованію каждаго изъ посланій апостола Павла такъ-называемыхъ «введеній», въ которыхъ излагаются обычные историческія свѣдѣнія: о ихъ происхожденіи, поводѣ къ написанію, времени и мѣстѣ написанія и т. п. Подобныя «введенія» во всѣхъ комментаріяхъ предпосылаются обыкновенно въ краткомъ видѣ, съ точнымъ изложеніемъ свѣдѣній, существенно необходимыхъ читателю главнымъ образомъ для правильнаго историческаго пониманія изъясняемаго Писанія. И этой практической цѣли вполне удовлетворяютъ толкованія преосвященнаго автора; онъ умѣетъ въ немногое,—какъ всегда, такъ и въ данномъ случаѣ,—сказать многое, съ полнымъ научнымъ авторитетомъ и основательностью. Такимъ же глубокимъ знатокомъ св. Писанія и вмѣстѣ высокопросвѣщеннымъ богословомъ является преосвященный Теофанъ и въ послѣднемъ изданномъ имъ трудѣ,—въ книгѣ подъ заглавіемъ: «Евангельская исторія о Богѣ Сынѣ, воплотившемся нашего ради спасенія, въ послѣдовательномъ порядкѣ изложенная словами св. евангелистовъ, съ указаніемъ основаній, почему именно такой,

а не другой избранъ порядокъ послѣдованія евангельскихъ событій однихъ за другими». Здѣсь авторъ представилъ не единственный, правда, въ нашей отечественной литературѣ, но во всякомъ случаѣ единственно законченный и болѣе совершенный опытъ рѣшенія одной изъ труднѣйшихъ задачъ экзегетики по отношенію къ Четвероювангелію, именно опытъ сведенія во едино, соглашенія сказаній всѣхъ четырехъ евангелистовъ и изложенія событій евангельской исторіи въ послѣдовательномъ ихъ порядкѣ. Для рѣшенія этой нелегкой задачи издавна предлагались, какъ показывается исторія такъ-называемой гармонистики евангелій, самыя разнообразныя правила и способы. Ихъ отлично знаетъ, очевидно, преосвященный авторъ, хотя по обыкновенію и не входитъ въ ученую критику ихъ, устанавливая взамѣнъ того свой способъ для достиженія означенной цѣли. И нельзя не согласиться, что указываемый имъ путь послѣдовательнаго построенія евангельской исторіи есть наиболее надежный путь изъ доселѣ указываемыхъ; наиболее надежный уже потому, что онъ вставляетъ въ опредѣленныя рамки разнаго рода ученія соображенія и предположенія, основанныя «на какихъ-либо указаніяхъ въ свойствахъ событій или въ соотношеніяхъ или въ сказаніяхъ о нихъ». «Безъ соображеній, справедливо замѣчаетъ преосвященный авторъ, конечно, нельзя обойтись; но ихъ надо вставить въ опредѣленную рамку, иначе они, какъ вольныя птички, будутъ разлетаться въ разныя стороны» (стр. 7). Такою рамкою и служатъ четыре правила, изъ которыхъ главное и основное слѣдующее: «должно держаться того порядка евангельскихъ событій, котораго держатся два евангелиста; ибо коль скоро два согласны, то на другой сторонѣ остается только одинъ, который долженъ уступить двоимъ» (стр. 3). Все это излагается въ обширномъ предисловіи къ читателямъ. Въ этомъ предисловіи, имѣющемъ безспорно не малое научное значеніе, преосвященный авторъ дѣлаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и предварительный пересмотръ всѣхъ евангельскихъ сказаній съ цѣлю установленія, по изложеннымъ имъ

правиламъ, теченія евангельскихъ событій (стр. 7 и дал.); предлагаетъ за симъ соответственный тому конспектъ евангельской исторіи, съ обозначеніемъ главныхъ ея частей и всѣхъ подраздѣленій; далѣе—подробное оглавленіе содержанія евангелій и наконецъ послѣ такого введенія—самую исторію евангельскихъ событій, послѣдовательно изложенную словами св. евангелистовъ. Въ самомъ изложеніи св. исторіи авторъ дѣлаетъ все возможное для представленія въ ясномъ видѣ послѣдовательнаго теченія евангельскихъ событій. О большой практической пользѣ этого труда преосвященнаго Теофана, какъ пособия при чтеніи и изученіи евангельской исторіи, едва ли нужно говорить подробно. Научнаго же значенія нельзя не признать даже строгому критику. Хотя преосвященный авторъ и говоритъ въ предисловіи что устанавливаемое имъ, на основаніи извѣстныхъ правилъ соглашенія евангелій, теченіе евангельскихъ событій «опредѣляютъ главнымъ образомъ глаза» и слѣдовательно «сочетаніе ихъ во едино есть трудъ преимущественно механической», но на самомъ дѣлѣ, какъ нетрудно понять, въ основѣ его лежитъ глубокое и основательное изученіе текста св. евангелій, безъ чего невозможно даже и приступить къ подобному труду, не говоря уже объ его выполненіи и такомъ предисловіи, какое предпослалъ своему труду авторъ.

Такимъ образомъ въ обоихъ вышеуказанныхъ родахъ богословскихъ произведеній преосвященный Теофанъ является выдающимся, оригинальнымъ, русскимъ православнымъ богословомъ, своими трудами сильно возбуждающимъ нашу отечественную богословскую мысль, внесшимъ не мало въ наше научное богословское сознаніе, обогатившимъ нашу богословскую литературу многочисленными, самостоятельными и высокоцѣнными трудами, а потому вполне справедливо пользуясь имся почетною извѣстностью.

Въ виду всего вышеизложеннаго коммиссія мнѣніемъ своимъ полагаетъ, что сойтѣ академіи, присудивъ преосвященному Теофану степень доктора богословія, исполнить только долгъ, давно лежащій на высшей духовной школѣ.

III. Переводные труды.

Переходя къ переводамъ свято-отеческихъ твореній преосвященнаго Теофана, мы ограничимся лишь указаніемъ на громадность его трудовъ и въ этой области. Это — благодатное море, достаточное для утоленія душъ, жаждущихъ духовнаго просвѣщенія и руководства. Нельзя не выразить пожеланія, чтобы изданъ былъ по возможности въ скорѣйшемъ времени указатель къ этому сокровищу духовнаго назиданія...

Добротолюбіе, въ русскомъ переводѣ, дополненное. *Томъ первый* (667 стр.). (Въ составъ сего тома вошли писанія св. отцевъ: Антонія Великаго, Макарія Великаго, аввы Исаіи отшельника, Марка подвижника и аввы Евагрія).

Добротолюбіе, въ русскомъ переводѣ, дополненное. *Томъ второй* (810 стр.). (Въ составъ сего тома вошли писанія св. отцевъ: Іоанна Кассіана Римлянина, Исихія пресвитера Іерусалимскаго, Нила Синайскаго, Ефрема Сиріанина, Іоанна Лѣствичника, Варсануфія и Іоанна, аввы Дорофея и Исаака Сиріанина).

Добротолюбіе, въ русскомъ переводѣ, дополненное. *Томъ третій* (488 стр.). (Въ составъ сего тома вошли писанія св. отцевъ: Діадоха, Іоанна Кариаескаго, аввы Зосимы, Максима исповѣдника, Фалассія, Θεодора, Θεогноста, Филовея Синайскаго, Иліи пресвитера, сказаніе объ аввѣ Филимонѣ).

Добротолюбіе, въ русскомъ переводѣ, дополненное. *Томъ четвертый* (около 690 стр.). (Томъ сей составляетъ извлеченія изъ всѣхъ извѣстныхъ теперь, и въ печати и въ рукописяхъ, поученій преподобнаго и богоноснаго отца нашего Θεодора Студита. Книга эта, по словамъ преосвященнаго переводчика, для монастырскихъ братій неоцѣненная но и для мірянъ найдется въ ней не мало полезнаго. См. предисловіе къ сему тому).

Добротолюбіе, въ русскомъ переводѣ, дополненное. *Томъ*

пятый (528 стр.). (Въ составъ сего тома вошли писанія св. отцевъ: св. Симеона новаго Богослова, старца Симеона благоговѣйнаго, Никиты Стівата, Григорія Синаита, Никифора уединенника, Григорія Паламы, Каллиста Патріарха и сподвижника его Игнатія Ксанеополовъ, Каллиста Тликуды, Симеона Архіепископа Солунскаго и друг.).

Древніе иноческіе уставы: пр. Пахомія Великаго, св. Василія Великаго, пр. Іоанна Кассіана и пр. Венедикта, собраніе Епископомъ Теофаномъ (около 660 стран, большаго формата).

«Древность передаетъ намъ четыре иноческихъ устава, говоритъ святитель, появившихся не въ одно время и не въ однихъ мѣстахъ, но въ совершенно одинаковомъ духѣ, и даже въ одинаковыхъ выраженіи и очертаніи. Предлагая ихъ вниманію иноковъ и всѣхъ благочестивыхъ христіанъ, надѣемся доставить имъ чрезъ то не малое духовное утѣшеніе, давая имъ возможность удостовѣриться, что иночество также древне, какъ само христіанство, и требуется самымъ духомъ христіанства, и что нашъ образъ иночества согласенъ съ первоначальнымъ и съ тѣмъ, въ какомъ оно было держимо въ Церкви во все время — отъ начала до наст.» (Предислов. въ уставамъ).

Невидимая брань. Блаженной памяти старца Никодима святогорца.

Въ *предисловіи* къ сей книгѣ старецъ Никодимъ говоритъ: Настоящая душеполезная книжица справедливо носить данное ей наименованіе: «Невидимая брань». Ибо она поучаетъ о брани мысленной и невидимой, какую каждый христіанинъ воспріимлетъ съ того часа, какъ окрестится и дастъ предъ Богомъ обѣтъ воевать за Него даже до смерти, и о врагахъ безтѣлесныхъ и не явныхъ, кои суть различные страсти и похотѣнія плоти, и демоны злые и человеконенавистные, день и ночь не перестающіе воевать противъ насъ... Здѣсь—здѣсь, въ этой Невидимой брани (то-есть въ книгѣ), или лучше сказать въ этой *Брани Господней*, воины Христовы поучаются познаніи различныхъ прелестей, мно-

гообразныхъ козней, недомыслимыхъ лукавствъ и хитростей воинскихъ; которыя употребляютъ противъ нихъ мысленные супостаты... Научаясь же распознавать все сіе, они и сами при этомъ умудряются, какъ разрушать такіа козни враговъ и противоборствовать имъ... И коротко скажу, эту книгу всякій человѣкъ, желающій спасенія, научается, какъ побѣждать невидимыхъ враговъ своихъ, чтобы стяжать сокровища истинныхъ и божественныхъ добродѣтелей, и за то получить нетѣльный вѣнецъ и залогъ вѣчный, который есть единеніе съ Богомъ, и въ нынѣшнемъ вѣкѣ и въ будущемъ.

Слова преподобнаго Симеона новаго Богослова. Переводъ епископа Теофана съ новогреческаго языка.

Слова преподобнаго Симеона новаго Богослова. *Выпускъ второй.*

Главный предметъ наставленій св. Симеона—дѣланіе во Христѣ сокровенное. Онъ объясняетъ пути внутренней брани; обучаетъ мѣрамъ совершенствованія наипаче духовнымъ; заставляетъ подвизаться преимущественно противъ духовныхъ страстей, противъ помысловъ и движеній грѣховныхъ... Не отвергая внѣшнихъ подвиговъ, ни чина ихъ, но уча блюсти ихъ, онъ требовалъ борьбы съ грѣхολубивою душою и прохода самъ, при содѣйствіи благодати, путь скорбей внутреннихъ, требовалъ того же и отъ другихъ... Сочиненіе его—богатѣйшая сокровищница мыслей о жизни духовной, съ силою дѣйствующихъ на душу, жаждущую благочестія. Св. Симеонъ названъ Новымъ Богословомъ потому, что онъ преподавалъ такіа глубокія тайны внутренняго подвижничества, о какихъ давно не слышали. Онъ образовалъ новыхъ учениковъ,—ревнителей созерцательной жизни: вполнѣдствіи еще болѣе, чѣмъ при жизни, наставленія его получили силу въ общемъ мнѣніи. Скончался въ 1032 году.† (Историч. ученіе объ отцахъ церкви Филарета А. Черниговскаго. Томъ 3-й, стр. 305).

Обозрѣвая это неизмѣримое духовное [наслѣдіе, оставленное преосвященнымъ Теофаномъ, соображая его много-

тѣнность, невольно приходишь къ заключенію, что труды святителя составить эпоху не только въ развитіи православной богословской науки, но и въ нашемъ общественномъ развитіи, невольно согласишься съ тѣмъ, что «имя его, можно быть увѣреннымъ, не угаснетъ съ его кончиной, а напротивъ съ поднятіемъ духовнаго самознанія въ обществѣ будетъ приобретать все больше извѣстности и славы, какъ имя великаго духовнаго просвѣтителя, умѣвшаго давать отвѣты на самые насущные вопросы духовной жизни». (*Церк. Вѣстникъ* 1894 г. № 4).

Многіе изъ вышепоименованныхъ трудовъ святителя печатались на страницахъ *Душеполезнаго Чтенія* и издавались при посредствѣ редакціи этого журнала, къ которой святитель относился *всегда*, до конца дней съ неизмѣннымъ и трогательнымъ довѣріемъ, какъ можно видѣть это изъ «Писемъ къ близкому родственнику» и изъ его совѣта: «*Для чтенія вытисывайте журналъ «Душеполезное Чтеніе». Очень пригодный журналъ и дешовый — 4 р. съ пересылкой.*». Затѣмъ труды святителя печатались и издавались стараніями и издержками его племянника А. Г. Говорова и русскаго Аѳонскаго Пантелеимонова монастыря. Самъ святитель ничего не получалъ за свои труды, кромѣ нѣсколькихъ десятковъ экземпляровъ, предназначавшихся для бесплатной раздачи. Онъ заботился лишь о томъ, чтобы изданіе его трудовъ являлось необременительнымъ для покупателей и хотя отчасти вознаграждало труды и хлопоты издателей. Объ этомъ свидѣтельствуеъ его обильная переписка съ своимъ родственникомъ и со старцами Аѳонскаго монастыря, печатающаяся на страницахъ *Душеполезнаго Чтенія*. Эта переписка, можно сказать, была единственнымъ «дѣловымъ» отношеніемъ къ внѣшнему міру за все время его затворнической жизни... Здѣсь мы не говоримъ конечно о трогательно-нѣжной заботливости, съ какою онъ относился къ судьбѣ своего родственника-питомца, равно какъ и объ его многообильной перепискѣ со всѣми, кто жаждалъ его духовныхъ совѣтовъ. Можно лишь изумляться

громадности труда, который уходилъ на эту переписку, судя по тому, что уже напечатано въ *Душеполезномъ Чтеніи* за 1894 годъ и печатается доселѣ. Здѣсь мы ограничимся пожеланіемъ, чтобы вся переписка святителя была потомъ собрана въ отдѣльные сборники, чтобы ни одна строка почившаго архимандрита не пропала для будущаго біографа и историка и для руководства всѣхъ православныхъ христіанъ.

ГЛАВА IX.

Нравственный обликъ святителя Теофана.

Съ незапамятныхъ временъ, среди многообразныхъ проявленій человѣческаго духа, мы различаемъ въ исторіи двоякаго рода дѣятелей. Одни при первыхъ проблескахъ духовной самостоятельности бросаются въ водоворотъ жизни и, входя въ многоразличныя сферы дѣятельности, вездѣ быстро осваиваются и энергическою рукой направляютъ теченіе событій къ намѣченной цѣли; вѣрнымъ глазомъ различаютъ отношенія между людьми, умѣютъ подчинять ихъ своей волѣ и заставить слѣдовать за собою. Жизненная борьба, съ ея тревоженіями, побѣдами и пораженіями, — вообще часто практическіе интересы — вотъ сфера ихъ дѣятельности, безъ которой они и жить не могутъ, какъ рыба безъ воды. Если сюда присоединяются богатые природныя дарованія, изъ такихъ людей вырабатываются великіе правители, полководцы, замѣчательные практическіе дѣятели. Но есть характеры иного рода... Внутренняя, сокровенная жизнь сердца, со всей его чуткостью ко всему истинно-прекрасному, возвышенному, идеальному, со всей его задушевностью, со всей поэзіей богатаго внутренняго содержанія, съ глубоко-развитымъ нравственнымъ чувствомъ, способнымъ различать тончайшіе оттѣнки нравственнаго настроенія, со всей способностью постигать гармоническое или негармоническое свойство соот-

ношенія впечатлѣній—вотъ главная характеристическая черта этихъ людей иного рода. Нѣтъ особенныхъ волненій отъ притока внѣшнихъ впечатлѣній, не спѣша собираются они, зато тѣмъ глубже ложатся на душу—до наступленія великаго и энергическаго движенія въ какомъ-нибудь подвигѣ высокаго нравственнаго совершенства. Самыя мирныя, часто эстетическія наклонности; кротость и ласковое простодушіе въ обращеніи; ясность души; иногда—легкая, невнятная шутка въ разговорѣ—все это признаки душевнаго равновѣсія. И тѣмъ не менѣе чувствуется ежеминутно, что еще выше этой ясности, этого гармоническаго равновѣсія, у этихъ личностей лежитъ мало доступная для посторонняго взора и лишь только непосредственно ощущаемая сфера глубочайшей внутренней жизни, куда они охотно удаляются, подобно Моисею, восходившему на высоты Синая, чтобы затѣмъ явиться еще свѣтлѣе, еще чище, еще прекраснѣе... И ничья нечистая рука не дерзнетъ коснуться этого заветнаго міра ихъ бесконечно богатой внутренней жизни и замутить ея свѣтлую красоту. Тѣмъ не менѣе люди подобнаго рода очень отзывчивы на все, вслѣдствіе нѣжности и чуткости сердца; съ благодушною и всегда свѣжею восприимчивостію обнимаютъ они и великое, и всякую малость; ни одинъ элементъ чувства не проходитъ безъ соответствующихъ впечатлѣній, но ни одинъ и не собьетъ ихъ съ прямаго пути... Не выходитъ изъ такихъ натуръ великихъ практическихъ дѣателей, но они поражаютъ міръ чудною красотой своего духовнаго содержанія. Скрытый огонь не выпрывается наружу, не производитъ пожаровъ, но проникаетъ своею всеочищающею силой до послѣднихъ тайниковъ сосредоточеннаго въ себѣ самаго духа. Съ яснѣмъ, возвышеннымъ взглядомъ на вещи, осторожно, терпѣливую рукой любить они трудиться въ тиши для окончательнаго достиженія неуклонно-преслѣдуемой цѣли, трудятся безъ той ретивой и часто неразборчивой въ цѣляхъ суровости, которая не переноситъ препатствій, и безъ надменнаго пренебреженія ко всѣмъ другимъ путямъ. Не гремятъ имена ихъ въ исторіи,—нѣтъ—предъ нами они прохо-

дятъ, какъ живой идеаль—тихо, почти безмолвно... Имъ-то суждено развивать красоту человѣческаго духа до возможнаго на землѣ совершенства. Они бы стремились еще выше, еще къ большему совершенству, какъ бы отдаляясь отъ земли, если бы узы земнаго существованія не преграждали имъ путь къ небесамъ... Отсюда—отпечатокъ какой-то нѣжной грусти озаряетъ ихъ обликъ,—грусти, которая, какъ сѣроватый грунтъ, стелется подъ радужнымъ блескомъ отдѣльных проявленій радостнаго настроенія... Къ числу такихъ глубоко-художественныхъ натуръ принадлежалъ преосвященный Теофанъ. Но какъ бы ни были богаты и прекрасны природныя душевныя свойства человѣка, они въ силу естественной человѣческой ограниченности часто перерождаются въ соответствующіе имъ недостатки... Только дѣйствительный идеаль совершенства, только Божественное начало христіанства можетъ окончательно укрѣпить на духовной высотѣ и развить до всей полноты заложенные природные богатые дары и возвести человѣка до богоподобнаго совершенства, дивно затѣмъ воздѣйствующаго на души другихъ своею благодатною силой... Все это соединилось въ почившемъ святителѣ, чтобы, въ лицѣ его въ концѣ нашего, столь практическаго, вѣка открылась воочію всѣхъ вѣчно-живая и неизслѣваемая сила христіанства. Говоря словами прекрасной характеристики почившаго святителя онъ былъ «ученый мужъ, постигшій всю мудрость академическаго знанія; былъ архіерей, которому ввѣрена была широкая власть и предоставлены высокія почести. Но не въ этой учености и не въ этой власти и чести полагалъ онъ смыслъ и назначеніе жизни. Свою ученую мудрость и архіерейскую честь онъ смѣнялъ на смиренную долю отшельника, удалился въ пустынь, чтобы тамъ похоронить все, что было въ немъ мірскаго, похоронить и ученость и архіерейство, похоронить наконецъ самого себя—для здѣшней мірской жизни. Но какъ нельзя сокрыть отъ міра солнца, такъ не могла и пустынь сокрыть отъ св. Руси истиннаго свѣтильника православной жизни, и если онъ сталъ безвѣстенъ для большинства тѣхъ, которые живутъ

лишь міромъ и суетой его, то тѣмъ болѣе близокъ сталъ онъ къ тѣмъ, кто живутъ истинною духовною жизнью и стремятся къ ней.

Вышенская пустынь, куда удалился на покой преосвящ. Теофанъ, сдѣлалась источникомъ высокаго духовнаго просвѣщенія,—просвѣщенія, которое неизмѣримо выше того, какое дается высшими школами, потому что это просвѣщеніе исходило не только отъ ученаго ума, но и отъ глубоко-чувствующаго сердца. Изъ этой пустыни, гдѣ смолкъ живой голосъ Теофана, по всей Россіи стали распространяться книги и письма, въ которыхъ говорила сама духовная мудрость и любовь, говорила отъ глубины духовно-просвѣщеннаго ума и отъ чистоты истинно христіанскаго сердца. Въ его замѣчательной личности поразительно сочетались тѣ элементы, которые дѣлаютъ въ полномъ смыслѣ православнаго челоѣка,—челоѣка съ такою цѣлностью нравственнаго бытія, при которой всѣ противорѣчія, неразлучныя съ земною жизнью, уступаютъ мѣсто дивной гармоніи, и бранный, немощный и грѣшный челоѣкъ становится существомъ, истинно воплощающимъ въ себѣ образъ и подобіе Божіе. О немъ съ правомъ можно сказать, что онъ дѣйствительно воплотилъ въ себѣ весь смыслъ православной Церкви, и потому-то каждое его слово находило такой живой отголосокъ въ сердцахъ православныхъ людей и каждое его письмо проливалось въ сердца истинную сладость. Не даромъ со всѣхъ концовъ Россіи въ Вышенскую пустынь летѣли письма—съ выраженіемъ духовныхъ и тѣлесныхъ скорбей, съ жалобами на душевное томленіе и на торжество суеты мірской, и многіе получали цѣлительный бальзамъ для своихъ настрадавшихся душъ, когда преосв. Теофанъ отвѣчалъ имъ письменно же. Каждое его письмо было достаточно глубокимъ источникомъ, чтобы назиданіе и утѣшеніе въ немъ могли почерпнуть не только тѣ, къ кому оно было направлено, но и множество другихъ, испытавшихъ тоже томленіе духа. Въ немъ Православная Церковь нашла себѣ высокаго выразителя духа жизни, который составляетъ ея собственную сущность и ко-

торый служитъ изобличеніемъ лжи и неправды, распространяемой невѣгласами и злонамѣренными людьми, будто Православная Церковь безжизненна и скована узами бездушной обрядности. Церковь, способная производить такихъ личностей, какою былъ преосв. Теофанъ, очевидно имѣетъ въ себѣ достаточно жизненности и силы, чтобы совершать свою святую миссію на землѣ... (Ц. В. 1894. № 3).

Пройдутъ вѣка, и люди забудутъ своихъ благодѣтелей, гениальныхъ людей, способствовавшихъ внѣшнимъ успѣхамъ жизни, и всѣ славныя имена «великихъ людей» станутъ достояніемъ исторіи, но не забудутъ, пока будетъ теплиться въ душѣ челоѣка Божья искра, пока челоѣкъ останется челоѣкомъ,—не забудутъ тѣхъ, кто въ брennomъ земномъ соудѣ сумѣлъ отразить нетлѣнную красоту нашего рода, кто умѣлъ увлечь и уносить души,—умы и сердца людей въ высшую духовную сферу, въ область вѣчныхъ стремленій, чьи дѣла носятъ печать истинной духовности, небеснаго царства...

О, еслибы всеозаряющій свѣтъ, что обильною струей изливается изъ твореній и жизни почившаго, открывался взору все болѣе и болѣе обширныхъ круговъ и классовъ общества и, какъ ночныя тѣни предъ восходящимъ солнцемъ, исчезли бы предъ его лучами заблужденія, предразсудки и все то, что искажаетъ жизнь челоѣческую...

Глава X.

Келлія Затворника, его кончина и „последнее завѣщаніе“.

Съ епископской катедрѣ во Владимірѣ, святитель Теофанъ просилъ Св. Синодъ уволить его «на покой».. Изъ перечисленнаго множества твореній святителя мы видѣли, каковъ былъ его «покой». Не менѣе многоаго множества твореній святителя, говоритъ объ этомъ «покой» и его келлія.

Теперь, когда раскрылись бывшія столь долго замкнутыми

двери этой келліи,—какъ много, много найдется на Руси людей, которые желали бы посѣтить жилище, гдѣ обиталъ на землѣ человекъ, всю жизнь стремившійся своими помыслами къ вѣчнымъ обителямъ Отца небеснаго, подышать воздухомъ, который потрясался его молитвенными воздыханіями, обвести взоромъ все, что находится въ келліи, и уловить по этимъ безмолвнымъ свидѣтелямъ великаго подвига черты его внутренней жизни, посѣтить малую церковь, гдѣ изо—дня въ день совершалось священное «дѣйство» молитвы и возносила безкровная жертва...

Близъ монастырской ограда Вышенской обители находится двухъ-этажный флигель. Въ нижнемъ каменномъ этажѣ помѣщается монастырская просфорня и двѣ братскихъ келліи. Въ верхнемъ деревянномъ—келліи затворника. Войдемъ въ нее...

Стѣны деревянные, безъ обой, нѣсколько потемнѣвшія отъ времени. Мебель и вся обстановка до послѣдней крайности простая и ветхія. Шкафъ съ угольникомъ изъ простаго дерева, оцѣненный въ одинъ рубль... Комодъ—въ два рубля... Простой столъ, ветхій... Складной аналой, ветхій... Желѣзная кровать, складная, цѣною въ одинъ рубль... Диваны березоваго дерева, съ жестянными сидѣньями—всѣ цѣною три рубля сер.. Все остальное въ такомъ же родѣ... Все такое ветхое, простое и до крайности недорогое, а то такъ и самодѣльное...

Но вотъ два ящика, съ инструментами, токарными столярными, переплетными, цѣною все..... три рубля. Палитра для красокъ и кисти.... Фотографическій аппаратъ; станокъ для выпиливанія изъ дерева, верстакъ, токарные станки—все цѣною въ нѣсколько рублей... Какъ-то странно читать обозначенныя въ описаніи цѣны, въ одинъ, въ два рубля... А между тѣмъ сколько лицъ желали бы приобрести и хранить, какъ драгоценность, малѣйшую вещь на память о подвижникѣ!.. Но зачѣмъ все это у отшельника, отрѣшившагося отъ міра? Безъ дѣла какъ быть? Будетъ грѣшная праздность... Нельзя все духовнымъ заниматься; надо какое-либо

нехлопотливое рукодѣліе имѣть. Только браться за него надо, когда душа утомлена, и ни читать, ни думать, ни Богу молиться неспособна. А если тѣ духовныя занятія идутъ хорошо, то рукодѣлія можно не касаться. Оно назначается для наполненія времени, которое безъ него придется проводить въ праздности»—припоминаются намъ слова почившаго святителя. Или вотъ этотъ сѣрый ситцевый подризникъ, по-видимому, сшитый самимъ святителемъ, напоминаетъ намъ разсказъ о томъ, какъ нѣкогда, сшивъ самъ себѣ платье, онъ говорилъ своему любимому племяннику: «Смотри, старайся какъ можно менѣе утруждать услугами себѣ другихъ и учись какъ можно больше исправлять для себя самъ... Всѣ подризники оцѣнены въ четыре рубля. Что поцѣннѣе изъ одежды—вѣроятно, приношенія благочестивыхъ почитателей подвижника. Самъ же онъ готовилъ одѣяніе схимника...»

Вотъ деревянная рѣзная панагія, съ деревянной цѣпью; вотъ деревянный рѣзаной крестъ для ношенія на груди. Это—также плоды рукодѣлія, во избѣжаніе грѣшной праздности.

А это что? Телескопъ, два микроскопа, анатомическій атласъ, шесть атласовъ географіи общей, церковной и библейской...

А какое громадное собраніе книгъ! Всюду книги, книги, цѣлыя груды книгъ... Вотъ исторія Россіи Соловьева, всемірная исторія Шюссера, сочиненія Гегеля, Фихте, Якоби... Но подавляющее большинство книгъ духовнаго содержанія: почти всѣ духовныя журналы, творенія великихъ отцовъ и учителей Церкви: св. Григорія Богослова, св. Василя Великаго, св. Іоанна Златоустаго, Исаака Сиріанина, св. Нила Сорскаго, св. Тихона Задонскаго, св. Димитрія Ростовскаго и многихъ, многихъ другихъ великихъ наставниковъ и подвижниковъ... Четы-Миней и прологи на греческомъ языкѣ, Четы-Миней св. Димитрія Ростовскаго... Много книгъ богословскаго и церковно-историческаго содержанія на французскомъ нѣмецкомъ и англійскомъ языкахъ, напримѣръ, Богословская энциклопедія на французскомъ языкѣ въ 150 томахъ.

Видно, недаромъ говорилъ почившій: «и книги съ чело-
вѣческими мудростями могутъ питать духъ. Это тѣ, кото-
рыя въ природѣ и въ исторіи указываютъ намъ слѣды пре-
мудрости, благодати, правды и многопечительнаго о насъ
промысленія Божія... Богъ открываетъ Себя въ природѣ и
исторіи такъ же, какъ и въ словѣ Своемъ. И онѣ суть книги
Божіи для тѣхъ, кто умѣетъ читать». Но, безспорно, вся
душа святителя прилежала къ изученію слова Божія и свято-
отеческихъ твореній, о чемъ выразительно свидѣтельствуєтъ
каждая страница его многочисленныхъ твореній. Кстати:
для всѣхъ, кто съ любовью изучаетъ творенія почившаго
святителя, мы можемъ сообщить, что въ келліи покойнаго
найжены въ рукописи: «Толкованіе на посланіе Апостола
Павла къ Евреямъ», «пасхальное Евангеліе», «Отвѣтъ плути-
дистамъ», «О страданіяхъ и крестной смерти Спасителя»,
а, можетъ быть, найдется и еще что-нибудь. Всего въ
рукописи отъ 4 до 5 стопъ бумага.

Святитель любилъ священное искусство иконописанія и
самъ былъ хорошій художникъ. Нося въ душѣ образы иного,
высшаго небеснаго міра, онъ, видимо, желалъ окружить себя
и на землѣ ихъ свѣтлыми отраженіями. Какое изобиліе иконъ
и картинъ священнаго содержанія! Большинство, если не
всѣ, изъ нихъ, вѣроятно, писаны его святительской рукой.
«Распятіе», «Воскресеніе Христово», «Снятіе со креста»,
«Спаситель въ терновомъ вѣнцѣ» — на полотнѣ, Образъ Спа-
сителя во весь ростъ, Божіей Матери — во весь ростъ на
дскахъ, «Богоявленіе» — на полотнѣ, Образъ святителя Ти-
хона во весь ростъ — неоконченный немного, иконы св. Ми-
трофанія Воронежскаго, свв. Антонія и Феодосія, св. Але-
ксандра Невскаго... и много другихъ картинъ и иконъ на
полотнѣ и дскахъ. Есть и портреты, напримѣръ, Серафима
Саровскаго... Къ двумъ предметамъ особенно часто возвра-
щалось художественное творчество почившаго: къ изображе-
нію св. Тихона Задонскаго и Богоявленія. И имя преосвя-
щеннаго, указывающее на Богоявленіе, и его картины Бого-
явленія, и самый храмъ домовый въ честь Богоявленія, и

его блаженная кончина въ день Богоявленія — случайно ли
все это?..

Но особенно трогательно — это то, что *въ алтарь близъ
жертвенника*, на стѣнѣ можно видѣть висящій мѣшечекъ,
весь наполненный записочками къ преосвященному съ прось-
бами помянуть въ своихъ молитвахъ у престола Божія...

Глубокое умиленіе проникаетъ въ душу при обзорѣ кел-
ліи почившаго святителя, не безъ тихой грусти объ отсут-
ствіи того, кто оживлялъ ее своимъ присутствіемъ...

Мы слышали, что келлію святителя и его домовую дер-
ковъ предполагается оставить въ томъ видѣ, какъ все было
найдено въ день его кончины. Мысль прекрасная!

Мы слышали также, что митры, панатіи, кресты, обла-
ченія, священные сосуды и другіе священные предметы оста-
нутся въ Вышенской обители и будутъ храниться въ особомъ
шкафѣ близъ его гробницы, которую изготавляетъ одинъ изъ
благочестивыхъ почитателей почившаго...

Что-жь? Предъ нами только и есть, что одни безмолвные
свидѣтели великаго подвига? И никто не войдетъ изъ близ-
кихъ лицъ, чтобы повѣдать хотя нѣсколько назидательныхъ
подробностей изъ жизни затворника? Къ сожалѣнію, такъ.
По кончинѣ святителя произошло трогательное событіе:
служившій ему двадцать семь лѣтъ келейникъ Евлампій въ
теченіе, сколько мы знаемъ, девяти дней со дня кончины
не принималъ никакой пищи. Черезъ двѣ недѣли его не
стало... Какъ давно и какъ вѣрно сказано: «человѣкъ мо-
жетъ оставить отца, а добраго господина нельзя оставить,
съ нимъ бы и въ гробъ легъ, еслибы можно было!»

Но кто-жь теперь расскажетъ намъ что-нибудь въ нази-
даніе наше о чертахъ жизни почившаго святителя?!. Видно,
такъ Богу угодно... Запишемъ, по крайней мѣрѣ, то, что
удалось намъ узнать объ его послѣднихъ дняхъ жизни и о
блаженной кончинѣ. У почившаго былъ заведенъ строгій
порядокъ жизни. Съ вечера готовилъ служитель просфоры
и вино, равно какъ и облаченія для ежегоднаго богослуже-
нія. По окончаніи литургіи святитель легкимъ стукомъ да-

валъ знать о времени утренняго чая. Въ часъ—«обѣдъ», за которымъ въ послѣдніе годы святитель, не въ постные дни, вкушалъ только по одному яйцу и по стакану молока. Въ четыре часа чай. Ужина не было. Съ перваго января 1894 года обычный порядокъ жизни нѣсколько разстроился... Не всегда въ опредѣленное время святитель давалъ знакъ о времени чая или обѣда... Наканунѣ кончины, 5 января, владыка, чувствуя слабость, попросилъ помочь ему пройти. Келейникъ провелъ нѣсколько разъ его по комнатамъ, но владыка, утомившись, отослалъ его и легъ въ постель. Въ самый день кончины келейникъ, не слыша условнаго знака, заглянулъ въ часъ дня въ рабочий кабинетъ святителя. Сидитъ что-то пишетъ... Черезъ полчаса — условный знакъ... За обѣдомъ святитель скушалъ половину яйца и полстакана молока. Не слыша знака къ чаю, служитель въ половинѣ пятаго снова заглянулъ: святитель лежалъ на кровати. Не прилегъ ли отдохнуть!? Но что-то въ сердцѣ сказало о другомъ... Подойдя къ святителю, слуга увидаль, что онъ уже скончался. Лѣвая рука лежала на груди, правая была сложена какъ для архіерейскаго благословенія... На столикѣ, подлѣ кровати, лежала раскрытая январская книжка *Душеполезнаго Чтенія*...

При облаченіи въ святительскія ризы, на лицѣ почившаго явно для всѣхъ просіяла блаженная улыбка... Былъ ли то прощальный привѣтъ людямъ, или отраженіе небесной радости духа—одному Богу вѣдомо!..

Три дня стоялъ покойный въ своей маленькой церкви и три дня въ соборѣ — и тѣмъ не коснулось его: почившій имѣлъ видъ спокойно спящаго человѣка.

Родившись 10 января *) 1815 года, Святитель скончался семидесяти девяти лѣтнимъ старцемъ, не доживъ четырехъ дней до дня рожденія.

*) По болѣе точнымъ свѣдѣніямъ, днемъ рожденія святителя слѣдуетъ считать именно 10 января 1815 года.

Для совершенія чина погребенія 11 января прибылъ изъ Тамбова преосвященный епископъ Іеронимъ, въ сопровожденіи высшаго духовенства. Къ этому времени тѣло въ Бозѣ почившаго святителя уже было перенесено въ теплый соборъ, гдѣ 12 января совершена преосвященнымъ Іеронимомъ соборная Божественная литургія. Во время причастнаго стиха ректоромъ Тамб. Семинаріи произнесено было надгробное слово. Послѣ литургіи началось погребеніе. Храмъ далеко не могъ вмѣстить всѣхъ желавшихъ присутствовать при погребеніи. Во время отиѣванія слышались вопли и рыданія. Около 3½ часовъ пополуночи, гробъ съ останками почившаго святителя былъ перенесенъ въ Казанскій соборъ и погребенъ въ склепѣ въ правомъ Владимірскомъ предѣлѣ этого собора.

При пріѣздѣ на похороны и при отъѣздѣ можно было встрѣтить группы богомольцевъ съ котомками за плечами: иные шли 200, иные—300 верстъ, чтобы поклониться почившему и проститься съ нимъ, помолиться объ упокоеніи души его и *испросить*, какъ при жизни, *у него молитвъ* предъ престоломъ Божиимъ...

Въ заключеніе всего считаемъ своимъ долгомъ привести «*послѣднее Завѣщаніе*», какое самъ Святитель оставилъ намъ еще 24 іюля 1866 г., при прощаніи съ Владимірскою паствою, передъ отправленіемъ на «покой».

«Не попеняйте на меня, Господа ради, что оставляю васъ. Отхожу не ради того, чтобы вынужденъ былъ васъ оставить. Ваша доброта не допустила бы меня перемѣнить васъ на другую паству. Но, какъ ведомый, веду съ свободное отъ заботъ пребываніе, ища и чая лучшаго,—какъ это сродно естеству нашему. Какъ это могло образоваться, не берусь объяснять. Одно скажу, что кромѣ внѣшняго теченія событій, опредѣляющихъ на дѣла, есть внутреннія измѣненія расположеній, доводящія до извѣстныхъ рѣшимостей, есть кромѣ внѣшней необходимости, необходимость внутренняя, которой внемлетъ совѣсть и которой не сильно противорѣчитъ сердце. Находясь въ такомъ положеніи, объ одномъ прощу любовь

вашу,—оставя сужденія и осужденія сдѣланнаго уже мноюшаго, усугубьте молитву вашу, да не отщепитъ Господь чаянія моего и даруетъ мнѣ, хоть не безъ трудовъ, обрѣсти искомое мною. И я буду молиться о васъ,—буду молиться, чтобы Господь всегда ниспосылалъ вамъ всякое благо,—улучшалъ благосостояніе и отвращалъ всякую бѣду; паче же чтобы устраивалъ ваше спасеніе. Спасайтесь, и спаситесь о Господѣ. Лучшаго пожелать вамъ не умѣю. Все будетъ, когда спасены будете. Путь спасенія вамъ вѣдомъ, вѣдомо и все спасительное устроеніе Божіе! Въ семъ отношеніи довольно вамъ напомнить слова Апостола Павла: *о Тимоѳеѣ! преданіе сохрани*. Сохраните, что Господомъ и св. его апостолами предано церкви и что одно поколѣніе христіанъ передаетъ другому. Напомнить о семъ вамъ понуждаюсь того ради, что нынѣ много лживыхъ ученій ходитъ между нами, ученій растлительныхъ, подрывающихъ основы вѣры, разстраивающихъ семейное счастье и разрушающихъ благосостояніе государства. Поберегитесь, ради Господа, отъ сихъ ученій. Есть камень, коимъ испытываютъ золото. Испытательнымъ камнемъ да будетъ для васъ св. ученіе, издревле проповѣдуемое въ церкви. Все несогласное съ симъ ученіемъ отвергайте, какъ зло, какимы бы титломъ благовиднымъ оно ни прикрывалось... Вы только это соблюдайте, а все прочее уже само собою приложится вамъ. За чистотою вѣры послѣдуетъ оцѣненіе благодати. Благодать съ вѣрою созидаетъ святыми и непорочными сердца ваши. Чистые же сердцемъ Бога начинаютъ зрѣть еще здѣсь,—узрять Его несомнѣнно тамъ, и будутъ вѣчно зрѣть и блаженствовать въ семъ зрѣніи.—*Это небольшое напоминаніе прошу принять, какъ послѣднее завѣщаніе*; и большимъ чѣмъ обременять вниманія вашего не буду. Все знаете сами. Поревнуйте только стать въ рядъ тѣхъ ублажаемыхъ, коихъ указалъ Господь въ словѣ Своемъ: *сія есте; но блаженни есте, аще творите я*. Затѣмъ—простите! простите, если кого оскорбилъ, обидѣлъ, онеправдовалъ, или чѣмъ соблазнилъ.

Господь Богъ благодатию Своею да проститъ и помилуетъ всѣхъ насъ! И еще прошу не забывайте меня въ молитвахъ вашихъ.»

Исполнимъ же просьбу Архипастыря: не забудемъ его въ молитвахъ нашихъ. Со святыми упокой, Христе, душу усопшаго раба твоего преосвященнаго епископа Теофана и сотвори ему вѣчную память!

Помолися и о насъ, святителю Христовъ, «чтобы Господь всегда ниспосылалъ намъ всякое благо,—улучшалъ благосостояніе и отвращалъ всякую бѣду, паче же чтобы устраивалъ наше спасеніе!»

Отъ Московскаго Духовно-Цензурнаго Комитета печатать дозволяется.
Москва, января 11 дня 1896 г.

Цензоръ Св. Синода, Иоаннъ Петропавловскій.

Москва. Университетская типогр. Страсти. бульв.